

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ «КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Бураковская Мария Сергеевна

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1918-1938 гг.**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Курапов Андрей Алексеевич

Элиста – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Создание сети государственных архивов Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг.....	22
1.1. Структура и ведомственная принадлежность государственных архивов	22
1.2. Основные направления кадровой работы государственных архивов	47
Глава 2. Комплектование и сохранность государственных архивных фондов Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг.....	79
2.1. Комплектование государственных архивов	79
2.2. Обеспечение сохранности архивных документов в государственных архивах	119
2.3. Проведение работ по фондированию и учету.....	140
2.4. Мероприятия по утилизации архивных документов.....	146
Глава 3. Организация использования архивных документов в государственных архивах Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг.....	158
3.1. Использование архивных материалов.....	158
3.2. Деятельность научно-справочных библиотек.....	177
Заключение.....	185
Список источников и литературы.....	191
Список сокращений и условных обозначений.....	221

Введение

Актуальность темы исследования. В условиях нарастающей глобализации обеспечение сохранности историко-культурного наследия и традиционных ценностей выступает одной из фундаментальных задач современного общества. В настоящее время ученые-исследователи все чаще обращаются к проблематике исторической памяти, национального достояния и истории институтов, отвечающих за их сохранение. Одним из таких фундаментов общественной памяти выступают государственные архивы, являющиеся депозитариями значимой исторической информации, к которой обращаются исследователи, организации и органы власти для изучения исторических процессов и фактов, социальных статусов, генеалогии. Указанные факторы подтверждают актуальность изучения проблем становления и развития региональных государственных архивов в советскую эпоху, поскольку в наши дни они фактически стали главными хранителями социальной памяти.

Наряду с новыми подходами к изучению России, активизировался интерес к истории архивного дела. Это связано, в том числе, с историей становления и развития архива, как учреждения по сохранению исторической памяти. Проблема понимания того, из чего складывались архивные фонды по изучаемым темам, как они формировались, изменялись или даже утрачивались, очень важны для современных исследователей. Историк не может ориентироваться в изучаемых процессах без осмысления и понимания правил и исторической динамики функционирования архивов, тесно взаимосвязанных с культурными и социально-политическими реалиями развития того или иного региона страны на определенном историческом этапе. В связи с этим исследование процессов эволюции самих архивных учреждений, истории формирования архивного фонда страны на определенных этапах ее развития становится актуальной задачей.

Для воссоздания целостной картины деятельности государственной архивной службы России необходимо изучение истории региональных

архивных учреждений, как значимых элементов федеральной архивной структуры, и вместе с тем, как части региональной истории. Государственные архивы Нижнего Поволжья являются богатейшими собраниями ретроспективной информации, имеющей общегосударственное значение. История и становление архивного дела в Нижневолжском регионе является составной частью процесса развития отечественных архивов, позволяет выявить специфику регионального опыта в сопоставлении с общероссийскими тенденциями, определить вклад Нижневолжского региона в формирование единой архивно-информационной системы страны. Выбранный регион позволяет проследить не только общие тенденции государственной политики в сфере архивного дела, но и выявить особенности ее реализации на местах.

Степень изученности темы. В отечественной историографии имеется ряд исследований по истории становления и развития архивной системы в СССР в период 1918–1938 гг., в первую очередь, центральных архивных органов. История региональных государственных архивов исследована значительно меньше. Историографию исследования можно условно разделить на 3 этапа: 1918 – 1940-е гг., 1950-е – 1980-е гг., 1990 – 2000-е гг.

Первый этап советского периода (1918 – 1940-е гг.) связан со становлением советской исторической науки, выработкой основных положений о развитии архивного дела в стране и характеризуется, тем, что исследования по указанной теме осуществляли непосредственные участники архивного строительства. К первым публикациям, посвященным истории архивного строительства в советской России, относятся статьи сотрудников Главного управления архивным делом (ГУАД) А.Е. Преснякова, А.С. Николаева, А. Изюмова [Пресняков 1918: 205–222; Николаев 1919: 1–64; Изюмов 1921: 37–39]. В этих работах особое внимание уделено истории централизации архивов, рассмотрены и детально исследованы попытки и планы реформы архивного дела.

Значительный ряд работ по становлению архивного дела в стране на его начальном этапе был подготовлен руководителями Центрального архивного управления В.В. Максаковым и М.Н. Покровским. В своих работах В.В. Максаков освещал организационную постановку архивного дела как в центре, так и на местах. Важным моментом в исследованиях В.В. Максакова было акцентирование внимания на значении связи архивных органов с научно-исследовательскими учреждениями (Истпарт, Истпроф, научные музеи и т. п.) [Максаков 1925: 11–33; Максаков 1926а: 3–9; Максаков 1926б: 3–13; Максаков 1929: 5–48]. Статьи М.Н. Покровского на страницах журнала «Архивное дело» акцентировали политический аспект в работе архивных учреждений [Покровский 1925а: 3–10; Покровский 1925б: 7–10].

Сводную таблицу о деятельности губернских архивов в 20-е гг. XX в. разработал крупный специалист в области архивного дела М.С. Вишневский [Вишневский 1923: 77–101]. Сотрудник Главархива, известный архивовед И.Л. Маяковский подчеркивал важное значение архивов в исторических исследованиях [Маяковский 1926: 21–36; Маяковский 1927: 55–56]. Роль и значимость научно-справочной библиотеки в работе архивных учреждений рассмотрена в работе М. Ахуна [Ахун 1926: 36]. Историк-архивист И.А. Голубцов поддерживал позицию архивного руководства по централизации архивной службы страны [Голубцов 1927: 15–26]. Проблема национально-культурных отделов в составе Единого государственного архивного фонда (далее – ЕГАФ) при архивах автономных республик и областей освещена в исследовании Я.Н. Ждановича [Жданович 1927: 83–92]. Вопросы фондирования документов Государственного архивного фонда СССР были освещены в работе Ф. Сидорова [Сидоров 1935: 34–41].

С середины 20-х гг. XX в. в результате реформ районирования страны были образованы новые волости, области и края. Практика работы архивных учреждений на местах в рамках мероприятий по районированию отразилась в отраслевой прессе. Как правило, содержание таких работ строилось на

основании планово-отчетной документации и включало в себя конкретную информацию о подборе заведующих, установлении штата, концентрации фондов. Такая информация имеет большое значение для исследования истории региональных архивов Нижнего Поволжья [Сенковский 1926а: 176–180; Сенковский 1926б: 104–114; Комаров 1928а: 85–8; Комаров 1928б: 88–93; Истнюк 1928а: 10–19; Истнюк 1928б: 70–75; Михайлов 1929: 120–124; Лапин 1930: 95–96; Лапин 1935: 22–34; Больберг 1936: 110–112].

В нач. 1940-х гг. увидели свет фундаментальные учебники, не потерявшие своего научного значения: А.В. Чернова «История и организация архивного дела в СССР», И.Л. Маяковского «Очерки по истории архивного дела в СССР» [Чернов 1940; Маяковский 1941]. В первом советском учебнике по истории отечественного архивного дела А.В. Чернова максимальное внимание в его работе было уделено советскому архивному законодательству и управлению архивными учреждениями. Архивному строительству на местах (в губерниях и областях) в учебнике было уделено меньшее внимание.

Второй этап (1950-е – 1980-е гг.) – характеризуется постепенным ослаблением идеологического давления на историческую науку. Благодаря этому расширилась проблематика исследований, увеличилось количество работ не только по истории архивных учреждений страны в целом, но и по отдельным ее регионам. Значительная часть работ этого периода представлена трудами преподавателей архивоведческих кафедр Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), чьи работы опирались на архивистику, на опыт ученого-исследователя, умеющего работать с документами, с источниками в самом широком их понимании, который способен передавать знания следующим поколениям специалистов. К таким исследованиям можно отнести работы В.В. Максакова и И.П. Козлитина [Максаков 1959; Максаков 1961: 3–13; Максаков 1962: 15–25; Максаков 1968; Максаков 1969; Козлитин 1957; Козлитин 1960].

Становлению архивного дела в регионах посвящены работы М.Ф. Петровской и З.В. Крайской [Петровская 1958: 52–68; Крайская 1962: 229–255; Крайская 1980; Крайская 1986]. В работе М.Ф. Петровской проанализированы мероприятия по административно-территориальному переустройству и последовавшие за ними изменения местных архивных учреждений, а также перераспределения большого количества документальных материалов ликвидируемых организаций [Петровская 1958: 52–68]. З.В. Крайская систематизировала сведения о состоянии архивного дела в регионах страны после 1917 г. [Крайская 1962: 229–255].

Общие вопросы получения архивного образования работниками региональных архивов, подготовки и повышения квалификации архивистов на местах рассмотрены в работе Г.А. Дреминой [Дремина 1962: 157–171]. В другом исследовании Г.А. Дреминой, опубликованном в «Трудах МГИАИ», были рассмотрены общие принципы построения Государственного архивного фонда (ГАФ) в период с 1918 г. по 1970 г.; выделены основные хронологические периоды ГАФ СССР; указаны различные модели формирования сети центральных государственных архивов [Дремина 1972: 9–30].

Автором значимых исследований по истории советских архивов в 60-х – 70-х гг. XX в. был В.И. Вяликов [Вяликов 1968: 30–38; Вяликов 1972: 31–47; Вяликов 1972; Вяликов 1976].

Важно отметить, что 1980-е гг. повысился интерес к теоретическим исследованиям в области архивоведения. В этом плане особо выделяется монография Б.С. Илизарова, который одним из первых в советской историографии обратил внимание на социальную функцию архивов, заключающуюся в обеспечении общества ретроспективной документальной информацией. В своих работах автор рассмотрел архивные источники не как объекты для хранения, а как активные элементы, формирующие и сохраняющие коллективную память человечества [Илизаров 1981; Илизаров 1984: 57.; Илизаров 1985; Илизаров 1987].

Ряд исследований 1980-х гг. был посвящен различным направлениям деятельности государственных архивных учреждений [Елпатьевская 1981; Волкова 1984; Бобылева 1986; Пшеничный 1985; Пшеничный 1987: 16–23; Пшеничный 1988а: 18–27; Пшеничный 1991: 35–40; Сергеева 1985; Курникова 1987].

Третий этап (1990–2000-е гг.) был связан с процессом деидеологизации исторической науки, формированием новых взглядов и подходов к исследованию истории архивов, складыванием новой проблематики, осмыслением ранее «не актуальных» или не изученных тем.

Современный период изучения истории архивного дела страны представлен новыми исследованиями ученых, руководителей архивного ведомства, преподавателей архивоведческих дисциплин, историков, научных сотрудников Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) по проблемам становления и развития советского архивного дела. Данные исследования посвящены итогам архивного строительства в России в 1918–1991 гг. в целом; развитию государственной архивной службы в период конца 1980-х–начала 1990-х гг.; анализу нормативно-правовой базы советского архивного дела; истории создания и деятельности центральных архивов; возникновению и дальнейшему формированию областных, краевых и республиканских архивов; истории муниципальных архивов, роли личности в истории советского архивного дела [Козлов 1999; Банасюкевич, Елпатьевский, Ларин 1999: 8–19; Елпатьевский 1997: 34–40; Елпатьевский 1998: 16–24].

Истории управления архивным делом в советские годы в своих работах уделили внимание В.Н. Автократов и А.И. Минюк [Автократов 1993: 9–35; Минюк 1997: 136–140]. Вопросы формирования Государственного архивного фонда СССР затронуты в работах В.А. Савина, Я.Ю. Виноградовой [Савин 1991: 44–54; Савин, Виноградова 1994: 18–26].

Последствия политизации архивной системы, «чистки» архивных кадров, в том числе и на местах, освещены в исследованиях О.В. Пеки,

А.П. Пшеничного, О.Н. Копыловой, Т.И. Хорхординой [Пека 1991; Пека 1992: 123–131; Пека 1994: 191–199; Пшеничный 1988б: 44–48; Копылова 1993: 29–42; Хорхордина 1994а: 145–159].

Современными исследователями были пересмотрены утвердившиеся в советской историографии оценки декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. Детальный анализ этого нормативного документа провел Е.В. Старостин [Старостин 1998: 73; Старостин 2001: 32–35].

Исторический опыт комплектования и экспертизы ценности документов освещен в работе З.П. Иноземцевой [Иноземцева 1999: 4–12].

Обсуждение проблем истории и современного состояния фондирования отражено в статьях историков и архивистов XXI в. [Гусакова, Майорова 2006: 32–39; Елпатьевский, Хими́на 2005. 35–43; Шабанова 2005: 28–34].

Переосмысление исторического прошлого архивных учреждений было осуществлено в новейших обобщающих исследованиях по истории отечественного архивного дела. Среди ученых, уделивших внимание развитию архивной службы в контексте формирования административно-командной системы управления, следует отметить Т.И. Хорхордину. [Хорхордина 1994а; Хорхордина 1994б: 145–159; Хорхордина 1998: 54–62; Хорхордина 2017: 38–56].

В совместных работах Т.И. Хорхординой с О.Н. Копыловой, а также с А.Б. Безбородовым рассмотрены процессы возникновения советской модели архивной системы, показана связь между историей страны и архивным делом, определена роль руководителей архивного ведомства в формировании государственной архивной службы [Хорхордина, Копылова 2018а: 7–20; Хорхордина, Копылова 2018б: 3–17; Хорхордина, Безбородов 2018: 59–78].

В свою очередь, ученые Б.С. Илизаров и Е.В. Булюлина в своей совместной работе рассуждают о понятии «социальная память» в исторической перспективе специализированных учреждений депозитариев (архивов, библиотек, музеев), предназначенных для сбора, накопления и

использования ретроспективной информации [Илизаров, Булюлина 2019. 266–271].

На современном историческом этапе усилился интерес к организации и становлению архивного дела в регионах. Изучение этой проблемы позволяет определить специфику развития государственных архивов отдельных регионов страны, и вместе с тем выявить уникальные региональные особенности единого процесса архивного строительства.

Деятельность губернских ученых архивных комиссий была исследована в монографии В.П. Макарихина [Макарихин 1991].

Малоизвестным страницам зарождения и развития архивного дела на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XX в. посвящена работа ставропольских ученых М.Е. Колесниковой, А.В. Логачевой, Я.Н. Охонько. В центре внимания ее авторов история единственной в этом регионе Ставропольской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) [Колесникова, Логачева, Охонько 2007].

Работе ученых архивных комиссий отдельных губерний посвящены публикации современных исследователей [Голыдьбина 2005: 222; Гуркин 2006: 17–23; Майорова 2009: 136–156; Логачева 2010: 53–58; Назарова 2017; Артамонова 2025: 289–296].

Отдельным блоком следует выделить диссертационные исследования, посвященные региональной истории советского архивного дела [Булюлина 1998; Лыскова 1999; Тодорашко 2001; Черноухова 2004; Добычина 2005; Ертмакова 2006; Лаптева 2006; Солодовникова 2006; Черкасова 2008; Кошелева 2008б; Бедулина 2009; Митрофанова 2015; Манджикова 2021д].

Среди региональных исследований по истории архивного дела особый интерес для нас представляют работы, основанные на архивных материалах Нижнего Поволжья. В частности, необходимо выделить монографии и научные работы историка Е.В. Булюлиной, посвященные становлению архивной службы Волгоградской области [Булюлина 2004; Булюлина, Будченко 2008; Булюлина 2013].

В историографии вопроса следует отметить монографии и публикации Л.Б. Манджиковой, которые раскрывают неизвестные страницы истории архивного дела Республики Калмыкия [Манджикова 2021а: 45–52; Манджикова 2021б: 117–128; Манджикова 2021в: 130; Манджикова 2022]. Отметим, что истории архивного дела Республики Калмыкия также посвящен тематический сборник статей, в который вошли исследования Р.Б. Боликовой, Л.П. Коженбаевой, Л.Б. Шалдановой (Манджиковой) и др. [Архивная летопись 2006].

Особый вклад в изучение региональной истории государственных архивов внесла архивист Е.М. Ерина, посвятившая свои работы истории архивного строительства в Автономной Республике Немцев Поволжья [Ерина 2003: 263–272.; Ерина 1990: 95–102; Ерина 2012: 13].

Истории архивного дела в Астраханской области посвящены работы Т.Н. Просяновой, В.М. Мыльников, М.С. Бураковской, Е.И. Чумадеевой [Просянова 1990: 12; Просянова 2000: 3; Просянова 2006: 35–48; Попов 2000: 12; Мыльников 2000: 3; Чумадеева 2006: 49; Бураковская 2009: 267–270; Бураковская 2013а: 325–332; Бураковская 2013б: 536–541; Бураковская 2017: 172–177].

Значительное число работ написано о первых руководителях архивных служб Нижневолжского региона. Отдельным блоком выделим публикации, посвященные профессору Н.Н. Пальмову, внесшему неоценимый вклад в становление архивного дела Калмыкии [Гучинов 1974: 76–89; Кокшаева 1974: 90–95; Наберухин 1974: 23–28; Тапкина 1974: 68–69; Бурчинова 1978; Ерымовский 1978: 155–161; Эрдниева 1989; Бурчинова 1992: 5–25; Джалаева 2003: 54–60.; Джумалиева 2003: 66–69; Коженбаева 2003: 13–19; Миндеева 2003: 82–84; Санджиева 2003: 261–266; Шалданова (Манджикова) 2003: 8–12; Матвенов 2011: 407–411; Болдырева 2012: 60–63; Бадмаев 2013: 89–92; Болдырева; 2013: 14–20; Алиева 2015: 396–400; Сухова 2015: 164–241; Боликова 2017: 179–189; Джагаева 2018: 58–63; Курапов 2018: 19–25; Шиханов 2020: 1–4; Болдырева 2021: 204–205; Манджикова 2021: 220–225;

Попова 2021: 29–32; Цюрюмов, Курапов 2021: 797–805; Джалаева, Команджаев 2022: 21–31; Орлов 2022: 10–35; Сафонов 2022: 85–97; Цюрюмов, Курапов 2022: 13–21; Алиева 2023: 434–448; Батмаев 2023: 52–69; Шантаев 2023: 432–435; Кокорина 2025: 27–643].

Первым руководителям архивных служб Нижнего Поволжья – И.И. Солосину, Д.Д. Бирюкову, А.А. Гераклитову посвящены работы таких исследователей как О.И. Беломоина, Е.В. Булюлина, Н.А. Попкова, М.С. Бураковская [Беломоина 2001: 98; Бураковская 2011: 127–132; Бураковская 2012: 5–11; Булюлина 1996: 82–84; Попкова 1994: 105–107].

Деятельность рядовых архивистов, а также вопросы подбора и расстановки кадров в архивной службе Нижнего Поволжья наиболее подробно освещены в исследованиях А.С. Маркова, К.Н. Максимова, В.Г. Цогоева, К.Ф. Дзамихова, Н.М. Чумановой, Ю.С. Чуйкова, А.А. Курапова, М.С. Бураковской [Марков 1988: 20–221; Чуманова 2004: 74–77; Чуйков 2010; Цогоев 2011: 2–7; Бураковская 2014а: 56–60; Бураковская 2014б: 144–159; Максимов 2016: 9–23; Дзамихов 2020: 111–125; Курапов 2022: 581–592].

Несмотря на значительный накопленный опыт в изучении истории становления и развития государственных архивов Астраханской, Саратовской, Волгоградской областей, Республики Калмыкия, бывшей Автономной Республики Немцев Поволжья, значительный пласт вопросов остается нерешенным. Кроме того, в настоящее время отсутствует комплексное исследование по истории архивного дела в Нижнем Поволжье в 1918–1938 гг.

Объектом исследования является система государственных архивов Нижнего Поволжья.

Предметом исследования – процесс становления и развития государственных архивов Нижнего Поволжья.

За рамками данного исследования остались партийные архивы, которые начали создаваться в регионах с конца 1920-х гг. и продолжали

формироваться на протяжении 1930-х гг. как основные хранилища документов Коммунистической партии. Только в 1991 г. после ухода с политической арены Коммунистической партии Советского Союза (далее – КПСС) партийные архивы были переданы в систему государственной архивной службы. Тема становления и развития партийных архивов Нижнего Поволжья в дальнейшем может стать предметом отдельного исследования.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование истории становления и развития архивного дела на территории Нижневолжского региона в 1918–1938 гг.

Достижение этой цели реализуется решением следующих задач:

- выявить и охарактеризовать основные этапы развития архивного дела в Нижнем Поволжье в указанный период;
- рассмотреть государственную политику советского руководства в отношении региональных архивных учреждений;
- проанализировать деятельность архивных учреждений Нижнего Поволжья по основным направлениям их деятельности (комплектование, сохранность, учет, использование).
- изучить вклад архивных работников Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей, Республики Калмыкия, а также бывшей Автономной Республики Немцев Поволжья в сохранение и пополнение архивных фондов;
- рассмотреть воздействие политических, социально-экономических, административно-территориальных и архивных реформ на становление регионального архивного дела.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 г. по 1938 г. Нижняя граница обусловлена принятием декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» и образованием первого государственного архивного органа управления в Нижнем Поволжье в качестве руководящего административного учреждения – Саратовского губархива. Верхняя – переподчинением государственной архивной службы страны и передачей ее из структуры Всероссийского

Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) в ведение народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Это переподчинение существенно изменило статус государственной архивной службы СССР и основные направления ее деятельности.

Географические рамки исследования охватывают Нижнее Поволжье в составе Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей и Республики Калмыкия. Указанные административные единицы с 1928 г. входили в состав Нижневолжского края и имели единый орган государственного архивного управления. В 1934 г. произошло разделение Нижневолжского края на Сталинградский и Саратовский края.

Источниковую базу исследования составили законодательные и нормативно-правовые акты, делопроизводственные архивные документы, материалы периодической печати.

При написании диссертационного исследования был использован широкий спектр *законодательных и нормативно-правовых актов*. Законодательные источники (Конституция СССР 1936 г., советские законодательные акты) позволили установить нормативную базу государственной политики в сфере архивного дела. В этих источниках прописывались принципы государственной политики, ставились цели и задачи для архивной отрасли, предлагались механизмы их решения. Изменения политического курса в архивном деле отражены в актах разного уровня (от законов до ведомственных распоряжений ГАУ и коллегии). Нормативно-правовые источники включают в себя: нормативные правовые акты высших органов государственной власти и государственного управления СССР, РСФСР и Российской Федерации; нормативные акты центральных архивных учреждений РСФСР и СССР: декреты, постановления, циркуляры, распоряжения. Также к этой категории следует отнести сборники руководящих материалов по архивному делу, собрания узаконений и распоряжений правительства [Сборник... 1921,

Собрание... 1930, Собрание... 1934, Директивы... 1957, Сборник... 1961, Государственное строительство... 2009].

Основную часть использованных в исследовании материалов составляет *делопроизводственная документация* архивных учреждений, состоящая из организационно-распорядительных (приказы, указания, распоряжения, протоколы), планово-отчетных (планы, отчеты), нормативно-методических (ведомственные положения, инструкции, правила), информационных (справки, информационные записки) документов, а также переписки, документов по личному составу и др.

Наиболее полная информация была почерпнута из организационно-распорядительной и планово-отчетной документации, докладных и служебных записок, текущей переписки с вышестоящими органами и подведомственными организациями, а также документации по личному составу, которая была сосредоточена в фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Волгоградской области, Национального архива Республики Калмыкия.

В Государственном архиве Российской Федерации были рассмотрены дела фонда «Главное архивное управление» (Р-5325), содержащие организационно-распорядительные документы Центрального архива РСФСР, Главного архива РСФСР, отчеты о работе Саратовского архивного учреждения, архива бывшей Автономной республики немцев Поволжья, переписка, нормативно-методическая документация по архивному делу (положения, правила, инструкции).

Значительный массив информации был введен в оборот из фондов Государственного архива Астраханской области. Были рассмотрены документы фондов органов местной государственной власти, органов управления архивным делом, народного образования. В них отложились организационно-распорядительные, планово-отчетные, информационные документы, переписка архивного учреждения с органами центральной и

местной власти, документация личного происхождения и по личному составу. В фондах «Архивный отдел Администрации Астраханской области» (Р-2779) и «Государственный архив Астраханской области» (Р-2606) были рассмотрены постановления, приказы, освещавшие этапы реформирования архивной системы за 1918–1938 гг.

Документальные коллекции фондов Астраханского государственного объединенного музея-заповедника (КП 42398; НВ 13557), Астраханского государственного медицинского института им. А.В. Луначарского (Р-1071) позволили восстановить целостную и подробную картину начального этапа становления астраханской архивной службы, выявить подробную биографическую информацию о первом заведующем Астраханской архивной службы И.И. Солосине, обозначить его роль в ее создании, уточнить дату образования первого архивного учреждения в Астраханской области.

В Национальном архиве Республика Калмыкия изучались дела «Архивного управления при Совете Министров Калмыцкой АССР» (Р-71). Значительный интерес для исследования представляет «Личный фонд профессора Н.Н. Пальмова (Р-145)».

Документы фонда «Сталинградское отделение Нижне-Волжского краевого архивного управления Нижне-Волжского края» (Р-455), «Комитет по управлению архивами Администрации Волгоградской области» (Р-459), хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, позволили дополнить общую картину в становлении и организации архивного дела в Нижнем Поволжье.

Планово-отчетная документация, статистические таблицы, акты, записки, справки и т. д., содержащие богатый информационный материал, позволили нам рассмотреть пути развития архивного дела Нижнего Поволжья. Приказы по личному составу, штатные расписания, ведомости на выдачу заработной платы помогли проследить изменения в кадровом составе архивных учреждений, состояние материального положения архивистов, зависевшие от статуса архива и его места в системе органов государственной

власти. Сохранившаяся переписка руководителей с вышестоящими органами помогла автору увидеть настроения, характеры людей, от которых в той или иной степени зависело состояние архивного дела в Нижнем Поволжье.

Самостоятельную группу источников составили материалы центральной и региональной прессы, за 1918–1938 гг. Значимым источником по теме исследования являются материалы периодической отраслевой печати, которые позволили раскрыть исторический фон описываемого периода.

Широкий круг источников, выявленных в ходе исследовательской работы, позволил нам провести обобщающее исследование по заявленной проблематике.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые было осуществлено комплексное исследование процесса становления и развития архивного дела на территории Нижневолжского региона в 1918–1938 гг. Проанализированы предпосылки возникновения государственных архивных служб Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей, Республики Калмыкия, а также бывшей Автономной Республики Немцев Поволжья, выявлены особенности их формирования и развития. Определено место государственных архивных учреждений Нижнего Поволжья в системе органов государственного управления, их связь с административно-территориальными преобразованиями в регионе. Прослежена динамика взаимодействия органов местной государственной власти с архивными учреждениями. Показаны процессы комплектования и учета архивных фондов, обработки, описания, использования, обеспечения сохранности. Проанализированы процессы становления государственных архивных служб в различных районах изучаемого региона на материалах, введенных в научный оборот. Данные, полученные в результате исследования, дополняют общую картину становления и развития государственной системы архивного дела России. В ходе исследования был выявлен ряд неизвестных ранее источников, сведения из которых впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что определены принципы и закономерности становления и развития архивного дела в Нижнем Поволжье в указанный исторический период, показана значимость архивной службы в социально-политической истории общества, выявлены особенности архивного строительства в регионе на фоне общих тенденций развития архивного дела страны.

Практическая значимость работы состоит в исследовании истории архивного дела путем выявления, обобщения и систематизации данных по Нижнему Поволжью в период 1918–1938 гг.; расширении круга источников по истории региона рассматриваемого периода. Выводы работы и фактический материал, обработанные и систематизированные данные могут стать частью обобщающей работы по истории архивного дела Нижневолжского региона, частью учебного процесса при чтении общих и специальных курсов по истории архивного дела. Сделанные в исследовании обобщения и выводы расширяют историографию темы и могут быть привлечены для разработки этой проблемы.

Методология исследования. Работа базировалась на принципах научности, объективности и историзма, обеспечивающих рассмотрение описываемых процессов в регионах Нижнего Поволжья в динамике и во взаимосвязи с конкретно-историческими условиями, с опорой на фактический материал и учетом как негативных, так и позитивных сторон изучаемых явлений. Применение этих принципов обеспечило достоверность реконструкции развития системы архивов Нижне-Волжского края и его регионов.

В ходе исследования был использован широкий спектр различных методов, как общенаучных (анализ и синтез, сравнение и сопоставление), так и специально-исторических. Применение историко-генетического метода позволило нам показать весь процесс становления и развития архивного дела в регионах Нижнего Поволжья в динамике. Историко-сравнительный метод был использован при сопоставлении аналогичных процессов в разных

регионах страны. Использование историко-системного метода дало возможность комплексно реконструировать всю систему архивного дела в изучаемом регионе, выявить закономерности и особенности их развития. Статистический метод позволил осуществить обработку статистических показателей, иллюстрирующих деятельность архивных учреждений по аналогичным показателям.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Архивные фонды многочисленных различных учреждений Нижнего Поволжья в дореволюционный период были разрозненны, находились в самых разнообразных хранилищах, значительная часть которых не отвечала требованиям хранения документов.

2. В советское время архивная отрасль как в стране в целом, так и в Нижнем Поволжье в частности, приобрела системный и централизованный характер, стала отвечать интересам государства и активнее интегрироваться в научно-исследовательскую деятельность.

3. История архивной службы Нижневолжского региона неразрывно связана с историей страны и архивным строительством России. Архивистами Нижнего Поволжья были сформированы уникальные архивные фонды по истории Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей, Республики Калмыкия, а также бывшей Автономной Республики немцев Поволжья. Благодаря профессиональной ответственности первых советских архивистов были сохранены и приумножены архивные собрания Нижнего Поволжья, создана основательная источниковая база, обеспечено всестороннее использование архивных документов.

4. В описываемый период архивные учреждения Нижневолжского региона развивались в условиях недостатка финансирования, ограниченной материально-технической оснащенности, не имели высокого статуса в системе советских учреждений.

5. На протяжении рассматриваемого периода роль архивов в системе государственной политики менялась, с одной стороны, формировалось

отношение к архивам как хранилищам исторической памяти, с другой, – государство всё активнее использовало их для решения текущих задач (политических и хозяйственных, включая так называемые «макулатурные кампании»).

6. Первоначально архивные органы Нижневолжского региона в значительной степени оказались укомплектованы так называемыми «старыми специалистами», многие из которых были членами бывших краеведческих научных обществ. Однако в последующем кадровая политика советского руководства, направленная на увеличение партийно-комсомольской прослойки, и так называемые кадровые «чистки» привели к тому, что архивы стали покидать высокообразованные, опытные и знающие специалисты, утрачивался опыт работы архивистов досоветской эпохи, нарушалась преемственность в развитии архивного дела.

Степень достоверности полученных научных результатов подтверждена применением как общепринятых, так и специфических методов исследования, прошедших проверку. Анализ и осмысление полученных данных проводились с применением актуальных статистических методов обработки информации. Выводы, представленные в диссертации, опираются на методологические подходы, соответствующие целям и задачам исследования, и подкреплены значительным объемом эмпирических данных.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей ВАК.

По своему содержанию диссертационное исследование «Становление и развитие архивного дела в Нижнем Поволжье в 1918–1938 гг.» соответствует Паспорту специальности 5.6.1. «Отечественная история» ВАК Министерства образования РФ, положения пунктов: п. 3. «Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития», п. 4. «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 10 «Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений», п. 11 «Социальная

политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 12 «История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов», п. 17 «Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли полное отражение в 15 научных работах, в том числе 6, опубликованных в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК для опубликования основных положений диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук: «Отечественные архивы», «Вестник архивиста», «Каспийский регион: политика, экономика, культура», «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», «Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН».

Кроме того, результаты исследования были апробированы автором в виде докладов на 9 научных и научно-практических конференциях: Всероссийская научно-практическая конференция «Астраханские краеведческие чтения» (2009 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2017 г., 2026 г.); Межрегиональная историко-архивная научная конференция «Солосинские чтения» (Астрахань, 22 ноября 2010 г.); Научно-практическая конференция «Книжные собрания региональных библиотек как часть культурного наследия страны (Астрахань, 12 ноября 2013 г.); Научно-практическая конференция «Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки» (г. Астрахань, 26 апреля 2014 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников и литературы.

ГЛАВА 1. СОЗДАНИЕ СЕТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1918–1938 гг.

1.1. Структура и ведомственная принадлежность государственных архивов

Формы и методы управления государственных архивов Нижнего Поволжья в изучаемый период во многом были определены социальной, экономической и политической сферами жизни Нижневолжского региона.

Основные центры Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг. – Саратов, Астрахань, Царицын (Сталинград / Волгоград), Элиста, Покровск (Энгельс) развивались, строились и существовали в различных природно-климатических условиях, имели разные экономический и социокультурный уровни развития.

В XIX в. в пределах территории Нижнего Поволжья находились две крупнейшие губернии: Саратовская и Астраханская. По переписи населения 1897 г. в этих губерниях проживало 3 423 400 человек [Россия... 1901: 141]. Так, Саратовская губерния в конце XIX – начале XX вв. состояла из 10 уездов и 293 волостей. Сельское население губернии составляло 76,8 % от числа всех жителей. По уровню экономического и культурного развития Саратов превосходил уездные города России, а по численности населения занимал третье место после обеих столиц [Голыдьбина 2005: 222]. Сословный состав города был разнообразен: дворяне, купцы, мещане, цеховые ремесленники, крестьяне, отставные нижние чины, поселяне-собственники (бывшие колонисты), казаки, разночинцы. Религиозные конфессии представлены православными, единоверцами, раскольниками, католиками, лютеранами, мусульманами, иудеями [Воронежцев 2002: 35].

Гражданская война в Саратовской губернии началась с первой половины 1918 г. и продолжалась до конца 1922 г. В ходе войны почти полностью оказалась разрушенной социально-экономическая и хозяйственная сфера региона [Гражданская война 2014].

После Саратова вторым городом по численности населения в Нижнем Поволжье была Астрахань. Согласно Всеобщей переписи населения 1897 г. в Астрахани проживало 112 883 жителей, преобладающей нацией являлись русские [Первая... 1904: 4]. Социальный состав городского населения представлен купцами, мещанами, ремесленниками, крестьянами, военными, чиновниками, разночинцами [Столица 2008: 69–70]. Астраханская губерния в административном отношении была представлена 5 уездами, а также Калмыцкой и Киргизской степями на правах уездов, 13 станами и 49 волостями. Соотношение сельского и городского населения составляло 86,3 % и 13,7 % соответственно [История Астраханского края 2000: 368]. В ходе боев за установление Советской власти в Астрахани большевики одержали победу в январе 1918 г. [Вереин 1957: 95].

Другой центр Нижнего Поволжья – Царицын стал активно развиваться во второй половине XIX в., благодаря проведению через него узла железных дорог. К 1917 г. Царицын – это крупный промышленный центр юго-востока страны с населением в 150 тыс. человек [Октябрь... 1970: 6]. Согласно постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) от 29 марта 1919 г. была образована Царицынская губерния. Царицынский уезд полностью и часть Камышинского уезда вышли из Саратовской губернии и включены в состав Царицынской губернии. В 1925 г. Царицын переименовали в Сталинград, Царицынскую губернию в Сталинградскую [Справочник 2010].

Ведущими отраслями промышленности на Нижней Волге стали: в Саратове – мукомольная и маслобойная, в Астрахани – рыбообрабатывающая и судоремонтная, в Царицыне – металлургическая, оружейная, лесопильная. Много рабочих трудилось на волжских пристанях. Серьезной силой являлся царицынский гарнизон, входивший в состав Казанского военного округа. [Водолагин 1968: 67; Октябрь... 1970: 6].

Автономная область Немцев Поволжья возникла на основании декрета Совнаркома от 19 октября 1918 г. Первоначально в состав области вошли

немецкие поселения Пугачевского и Новокузнецкого уездов Самарской губернии, Аткарского и Камышинского уездов Саратовской губернии. Весной 1922 г. уездное деление заменили кантональным. Постановлением II съезда советов области 6 января 1924 г. была провозглашена Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья [Каппес 1925: 33]. Столицей республики стал г. Покровск, бывший до 1914 г. Покровской слободой, которая получила статус города. В 1922 г. Покровск был присоединен к Трудовой коммуне области немцев Поволжья. С 1931 г. Покровск переименовали в г. Энгельс [Гусакова, Майорова 2006: 33].

В дореволюционный период немецкая колония входила в состав Саратовской губернии, колонисты занимались выращиванием ценнейших пород пшеницы, разведением скота (лошадей, волов, верблюдов). Промышленность в колониях носила кустарный характер [Герман 2000: 9–10]. В первые годы Советской власти немецкая автономия активно поставляла государству зерно, мясо и другие виды продовольствия, что привело Область немцев Поволжья к массовому голоду и недороду. Экономика региона пришла в состояние полного расстройствa. В 1924–1928 гг. медленными темпами началось восстановление промышленности немецкой республики. Культурная жизнь немцев Поволжья протекала в тесной связи с религией и церковью [Герман 2000: 12–13; 15–16].

Другой народ Нижневолжского региона, ставший автономным в советское время – калмыки, накануне революции были территориально разделены на четыре большие части. Основная группа калмыцкого народа с населением в 150 тыс. человек входила в состав Астраханской губернии [Очерки... 1970: 6]. Калмыцкая автономная область была создана в 1920 г. [Максимов 2002: 266]. В результате гражданской войны и политики военного коммунизма экономика Калмыцкой области находилась в крайне тяжелом положении. Усугубило экономическую ситуацию засуха в 1921–1922 гг. Более 90% населения Калмыкии голодало, и автономию причислили к остро нуждающейся [Максимов 2002: 274–275]. В 1928 г. Калмыцкая автономная

область была включена в состав Нижне-Волжского края. Помимо животноводства в области стали активно заниматься земледелием. Кочевое население полностью перевели на оседлый образ жизни [Бадмаева 2012: 42, 43]. В 1935 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику [Государственное строительство... 2009: 270–271].

Культурная и образовательная жизнь Нижневолжского региона и его губернских городов Саратова и Астрахани накануне революции была представлена гимназиями, училищами, типографиями, театрами, консерваториями, библиотеками, а также рядом учебных заведений. В Царицыне к 1917 г. число учебных заведений выросло втрое. В городе существовали 1 городская библиотека, небольшой музей краеведения, 4 кинотеатра, летний цирк [История Астраханского края 2000: 992; Водолагин 1968: 117, 118–121]. Формирование системы государственной архивной службы России по времени совпало с политическим преобразованием, происходившими в 1917–1920 гг. в нашей стране. После Октябрьской революции и установления Советской власти со стороны органов государственного управления были проведены изменения во всех отраслевых структурах России. Наряду с аграрным вопросом, рабочим контролем на предприятиях, в России провели ряд национально-государственных преобразований. Значительные изменения коснулись и сферы архивного дела.

До революции в России отсутствовала единая система управления архивным делом. Архивные учреждения находились в административном подчинении различных ведомств и учреждений. К началу XX в. в России сформировалась двойная система архивов: исторические архивы (Московский главный архив Министерства иностранных дел, Московский архив Министерства юстиции, Военно-ученый архив, Главный межевой архив и некоторые другие) и архивы с оконченными в результате делопроизводства делами. Характерной особенностью обеих систем являлось

отсутствие централизованного управления. В итоге в России функционировала огромная архивная сеть, состоявшая из десятков тысяч разрозненных архивов [Хорхордина, Волкова 2012: 241–242].

В губерниях Российской империи типичная архивная сеть состояла из следующих архивных учреждений: архивы губернского правления, жандармского управления, полицейского управления, воинского присутствия, городской управы, окружного суда; архивы учебных заведений, волостных правлений, соборных и приходских церквей, а также архивы других учреждений и ведомств. Стоит упомянуть и об архивах торговых предприятий, банков, коллекциях частных лиц. В итоге в каждой губернии насчитывалось около 1 500 правительственных, ведомственных и частновладельческих архивов [Крайская 1962: 229].

За архивную и историко-культурную деятельность в регионах отвечали губернские ученые архивные комиссии, так называемые общественные организации, в перечень вопросов которых входило создание архивов, музеев и библиотек, изучение и описание документов, проведение археологических раскопок, сбор этнографического материала [Писарькова 1990: 187].

На территории Нижнего Поволжья в дореволюционный период ученая архивная комиссия функционировала только в Саратовской губернии. Архивная комиссия была создана в 1886 г. и просуществовала вплоть до 1918 г. Плодотворная деятельность Саратовской ученой архивной комиссии - (далее – СУАК) отражена в ряде научных работ [Соколов 1911; Захарова 2003; Майорова 2009: 136–156]. Саратовская ученая архивная комиссия поддерживала связь с городами, которые обращались к ней за разрешением различных вопросов в области историко-археологических исследования или архивного дела. Среди таких городов были Пенза, Самара, Астрахань [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 35–35об.]. Деятельность Саратовской ученой архивной комиссии распространялась на Царицын, входивший тот период в состав Саратовской губернии [Назарова 2017].

В Астраханской губернии ученая архивная комиссия существовала только по документам. Работу по сохранению, учету и описанию архивов выполняло Петровское общество исследователей Астраханского края (далее – Петровское общество), поскольку бюджет губернии не располагал дополнительными средствами на поддержку еще одной общественной организации, отвечающей за архивную и историко-краевую деятельность в Астрахани [Писарькова 1990: 198]. Петровское общество было основано в 1872 г. в Астрахани, представляло собой научно-историческое объединение краеведов с целью изучения природы и истории края. Осуществляло свою деятельность до середины 1920-х гг. XX в. [Волков 2007: 247–261]

Архивы местных учреждений уездного города Царицына, по мнению исследователя Е.В. Булюлиной, являлись их собственностью. Дела этих архивов гибли от неудовлетворительных условий хранения, пожаров, невежества чиновников, хищений [Булюлина 2004: 7]. С другой стороны, документы фонда Главного архивного управления при совете министров СССР свидетельствуют, что в Царицыне существовало общество изучения местного края, которое и заботилось о сохранении архивного материала [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 36об.]. Именно члены Саратовской ученой архивной комиссии (Н.А. Соловьев, С.А. Щеглов, К.Я. Виноградов и другие) составили ядро царицынского движения любителей древностей и истории края [Назарова 2017].

Общей характерной особенностью для архивного дела в дореволюционной России, являлось отсутствие единой законодательной базы в отношении передачи дел, законченных делопроизводством. Движение документов от канцелярий к историческим архивам оставалось забытым, заброшенным, зачастую на промежуточном уровне. В связи с чем к началу XX в. в результате негативных последствий отсутствия единой централизованной системы управления архивным делом в России возникла необходимость преобразований архивной системы [Хорхордина, Волкова 2012: 234, 243–244].

После начала революции 1917 г. ведущие историки и архивисты создали объединение – Союз российских архивных деятелей (далее – Союз РАД), который занялся проектом разработки реформы архивного дела. Под руководством Д.Б. Рязанова¹ 2 апреля 1918 г. был создан Центральный комитет по управлению архивами (далее – ЦКУА), куда вошли члены Союза РАД, представители ряда крупнейших архивных и научных учреждений Петрограда: А.И. Лебедев, Н.В. Голицын, К.Я. Здравомыслов, А.С. Николаев, И.А. Блинов. Вместе они продолжили работу по подготовке Положения об «устройстве центрального и местного управления архивным делом» [Хорхордина, Волкова 2012: 235, 246].

В результате совместной работы Д.Б. Рязанова, принимавшего активное участие в разработке нового нормативного документа об архивном деле, и Малого Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) появился декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», который был подписан В.И. Лениным 1 июня 1918 г. В соответствии с декретом ЦКУА был преобразован в Главное управление архивным делом (ГУАД, Главархив). ГУАД находился в непосредственном подчинении Народного комиссариата просвещения, заведующий ГУАД утверждался правительством по представлению наркома просвещения [Хорхордина 2017: 38–56]. По мнению тогдашнего руководителя Федерального архивного агентства В.П. Козлова: «Декретом СНК от 1 июня 1918 г. государство признало необходимость архивного дела для своего функционирования... Более того, оно создало специально уполномоченный центральный орган, призванный управлять архивами» [Козлов 1999: 324].

Если организации столичных архивов в первые месяцы существования Советской власти было уделено достаточно внимания, то этого нельзя сказать о провинциальных архивах. Их положение долгое время оставалось

¹ Давид Борисович Рязанов – историк, архивист, деятель социал-демократического движения, специалист по истории марксизма, первый руководитель советского архивного дела с июня 1918 по декабрь 1920. См: Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 г. М., 1997. С. 35–47.

тяжелым. На местах отделы народного образования, не дожидаясь отдельного законодательного документа в отношении региональных архивов, самостоятельно организовали их работу, начали создавать подразделения губернских исполнительных комитетов, отвечающие за организацию архивного дела в губерниях [Максаков 1959: 80].

Примером оперативной работы региональных органов власти в отношении организации архивов стала ситуация в Саратовской губернии, где через месяц (1 июля 1918 г.) после выхода декрета В.И. Ленина о централизации архивного дела на заседании Саратовского губернского исполнительного комитета (далее – Саратовского губисполкома) обсуждался вопрос о создании Центрального губернского архива. По итогам обсуждения Саратовский губисполком предписал Совету народного образования и Демобилизационному отделу «разработать детальный план организации Губернского архива с необходимым штатом служащих и смету, что и предоставить на санкцию Исполнительного Комитета Саратовского Совдепа. Предписать Жилищному отделу о немедленном предоставлении соответствующего помещения, в котором можно было бы сгруппировать архив Саратовской губернии» [ГАСО. Ф. Р-521. Оп.1. Д. 47. Л. 65–66]. Проект сметы был утвержден Саратовским губисполкомом 28 августа 1918 г. Он предусматривал в архиве 12 сотрудников. Но фактически свою работу архив начал в 1919 г. [Самохвалова 2008: 2].

С целью изучения состояния архивного фонда в каждую губернию направлялся представитель ГУАД. Так в Саратовскую губернию весной 1919 г. приехал секретарь ГУАД Д.И. Нечкин, из доклада которого от 26 марта 1919 г. стало ясно, что на территории Нижневолжского региона планировали создать областное архивное управление с центром в г. Саратове, и с подчинением ему городов – Астрахани, Пензы, Самары, Царицына, Уральска [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 37об.]. 4 и 6 марта 1919 г. по предложению Д.И. Нечкина экстренно состоялось собрание Правления Саратовской ученой архивной комиссии (далее – комиссии). На заседании

присутствовали председатель правления профессор В.А. Павлов, профессор В.И. Веретенников, профессор С.Н. Чернов, А.А. Кротов, К.Я. Виноградов, А.Н. Штылько, И.Л. Ивинский, П.Н. Шишкин, С.Д. Соколов и др. Обсуждалось множество вопросов. Среди них: о положении комиссии в связи с политическими преобразованиями в стране; о связи с архивами городов, близко расположенными к Саратову; об организации архивного фонда; о спасении архивов из помещичьих усадеб и уездов [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 34]. Согласно архивным источникам: «Комиссия затруднялась определить свое положение и свое отношение к тому или другому учреждению. О своих правах на архивную комиссию заявил подотдел Высших учебных заведений Губисполкома, но более ни как себя по отношению Комиссии не проявил» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 33–34].

31 марта 1919 г. В.И. Лениным был подписан декрет СНК РСФСР «О губернских архивных фондах (Положение)» [Сборник... 1961: 15]. Согласно этому декрету, все архивные органы, находящиеся в губерниях, составляли единый губернский архивный фонд и подлежали включению в единый государственный архивный фонд (далее – ЕГАФ) [Чернов 1940: 126]. Другой нормативный документ – Декрет СНК от 29 июля 1919 г. «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях», свидетельствовал, что архивы знаменитых людей также переходили в собственность государства [Медведева, Сенина 2012: 191]. В результате законодательно был утвержден принцип централизации управления архивным делом, создан единый орган управления Государственным Архивным Фондом – Главное управление архивным делом, а все архивные документы и архивные фонды стали принадлежать государству.

Таким образом, новыми нормативными актами (декретом от 1 июня 1918 г. и декретом от 31 марта 1919 г.) были заложены основные принципы совершенного нового архивного строительства: установление общенациональной собственности на архивные документы; единая

централизация архивного дела в стране; создание государственных органов управления архивным делом; организация отбора документов в состав Государственного архивного фонда, его хранения и использования [Лыскова 1999: 31–32].

С этого момента по всей стране в губерниях стали организовываться управляющие архивные органы – губернские архивные управления (далее – губархивы). Согласно директивам центральной власти основной задачей в деятельности губархивов являлось разыскивание архивных фондов, принятие их на учет и наблюдение за их сохранностью; а также разборка архивов, приведение их в порядок; а в дальнейшем – пользования архивными документами для научных целей с последующим обнародованием результатов изучения [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 10. Л. 14].

По документам ГААО началом организации архивного дела в Астрахани принято считать сентябрь 1920 г., когда уполномоченным от Главархива был назначен И.И. Солосин, а 12 ноября 1920 г. приказом № 202 Астраханского губернского исполнительного комитета учрежден губархив [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 44. Л. 1].

В конце 1921 г. произошел перевод Главархива из системы Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – Наркомата просвещения) в ведение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК РСФСР). Согласно новому законодательному документу – Положению о Центральном архиве РСФСР (утверждено Президиумом ВЦИК 20 декабря 1921 г.), все архивные учреждения РСФСР объединили в Центральный архив РСФСР (далее – Центрархив), состоящий в ведении ВЦИК. Заведывание Центрархивом возлагалось на Управление Центрархивом РСФСР, а на региональном уровне на его губернские отделы. Губернские отделы Центрархива находились в подчинении отделов губисполкомов, по вопросам архивного дела подчинялись нормативно-методическим документам Центрархива, в финансовом отношении снабжались средствами из Центрархива [Сборник... 1961: 19–20]. Заведующим Центрархивом РСФСР

стал М.Н. Покровский, а его заместителем – В.В. Адоратский, с 1927 г. В.В. Максаков [Хорхордина, Волкова 2012: 249].

Реорганизация Главархива в Центрархив вызвала необходимость преобразования местных архивных органов. 20 ноября 1922 г. ВЦИК утвердил Временное положение о губернских архивных бюро [Сборник... 1961: 22], по которому вместо губернских отделов Центрархива были созданы губернские архивные бюро (далее – губархивбюро), подчиненные секретариатам Президиумов губисполкомов. На губархивбюро возлагалось заведывание губернскими архивными фондами и общее руководство архивами местных учреждений. Основной задачей являлась охрана собранных архивных документов и прием новых фондов и документов на учет [Чернов 1940: 138].

В 1922 г. Саратовский губархив подвергся двум реорганизациям ведомственного подчинения. Постановлением Президиума Саратовского губисполкома от 5 апреля 1922 г. во исполнение Положения о Центрархиве РСФСР губархив при губернском отделе народного образования реорганизовали в губархив на правах отдела губисполкома. Постановлением Президиума губисполкома от 28 ноября 1922 г. Саратовский губархив был реорганизован в Саратовское губархивбюро [Солопова 2009: 24–25].

В 1923 г. Астраханский губархив стал именоваться Астраханским губархивбюро при Президиуме губисполкома на правах его отдела. Обязательное постановление Астраханского губисполкома от 24 июля 1923 г. возлагало на Астраханское губархивбюро общее руководство постановкой архивной части и архивного делопроизводства в правительственных учреждениях г. Астрахани и губернии. В административном отношении бюро подчинялось секретарю губисполкома, имело самостоятельную смету и печать [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 44. Л. 2об.; Д. 11. Л. 108].

По инициативе Царицынской губернской плановой комиссии 1 июня 1923 г. было организовано Царицынское губархивбюро [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 601. Л. 41]. Ожесточенные бои, проходившие в Царицыне в

гражданскую войну, а затем голод и разруха, охватившие Поволжье, несколько затянули этот процесс. Однако на территории 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов Донской области, вошедших в состав Царицынской губернии в апреле 1921 г., архивное строительство началось несколько раньше. В октябре 1920 г. по распоряжению Донского областного исполкома в упомянутых округах были созданы архивные отделения [Булюлина 1995: 74]. В октябре 1923 г. Царицынское губархивбюро приняло решение о создании окружных и уездных комиссий из местных представителей государственной власти и партийной организации. В их задачи входили регистрация и обследование архивов в пределах округа, уезда. В результате к концу 1923 г. архивные комиссии работали во всех округах и уездах Царицынской губернии. В период 1924–1925 гг. на смену архивным комиссиям пришли уездные и окружные архивные бюро [Булюлина 1995: 76]. В апреле 1925 г. Царицынское губархивбюро переименовали в «Сталинградское губархивбюро» из-за переименования Царицынской губернии в Сталинградскую [Булюлина 2004: 20].

В соответствии с Декретом ВЦИК от 14 июля 1921 г. «О взаимоотношениях между Главным управлением архивным делом и архивными учреждениями автономных республик» во всех автономных республиках РСФСР создавались центральные управления архивным делом, которые должны были вести всеми архивными фондами и делами в учреждениях новых республик [Манджикова 2021а: 48].

Становление архивного дела в Автономной области немцев Поволжья началось с обращения отдела управления облисполкома в Центрархив в феврале 1923 г. с просьбой выслать инструкции для организации областного архива [Ерина 2012: 13]. В материалах исторического очерка об архиве, составленном заведующим Центральным архивным управлением АССР НП И.Г. Вихманом в 1933 г., отмечено, что в области до сих пор не было создано органа, который взял бы на себя инициативу концентрации архивных

материалов, находящихся в учреждениях и организациях, как областных, так и кантонных [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 3].

Решение Областного исполнительного комитета Автономной области Немцев Поволжья (далее – АО НП) от 15 марта 1923 г. об образовании Областного архивного бюро окончательно положило начало организации архивного дела на территории АО НП, но фактически ввиду отсутствия работников свои функции архивное бюро стало выполнять с 20 августа 1923 г. После преобразования АО НП в Автономную Социалистическую Советскую республику немцев Поволжья (далее – АССР НП) областное архивное бюро стало называться Центральным архивным управлением АССР Немцев Поволжья. 15 декабря 1927 г. по постановлению СНК АССР НП Центральное архивное управление переименовали в Центральное архивное бюро. До июня 1927 г. Центральное архивное бюро находилось в подчинении президиума ЦИКа АССР НП. В июне этого же года, вследствие реорганизации центральных учреждений АССР НП, бюро стало подчиняться народному комиссариату внутренних дел (НКВД) и получило наименование Центральное архивное бюро при НКВД. Постановлением СНК АССР НП от 8 октября 1928 г. Центральное архивное бюро было изъято из ведения НКВД и переименовано в Центральное архивное управление Немецкой Республики при ЦИКе АССР НП [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 3].

Точкой отсчета при становлении архивного дела на территории Республики Калмыкия считается 18 августа 1920 г., когда на заседании Президиума ЦИК Калмыцкой автономной области (далее – ЦИК КАО) был поднят вопрос об организации архива. В результате приняли решение передать архив бывшего Управления калмыцким народом члену облисполкома и его секретарю Ф.И. Плюнову [Архивная летопись 2006: 12, 46]. В связи с тем, что ГУАД РСФСР находился в подчинении Наркомпроса, архивное дело Калмыцкой автономной области передали в ведение Калмыцкого отдела народного образования. 29 января 1921 г. власти Калмыцкой автономной области утвердили архивно-музейную секцию при

областном отделе народного образования Калмыцкого центрального исполкома [Манджикова 2021д: 276]. Калмыцкий отдел народного образования решением от 17 ноября 1921 г. реорганизовал архивно-музейную секцию в Архивно-музейное управление, которое стало состоять из двух отделов: научно-организационного и административно-материального, а также музейной секции при научно-организационном отделе [Манджикова 2021а: 48].

В период с 16 марта 1922 г. по 5 декабря 1922 г. Архивно-музейное управление стало называться Областным архивно-музейным отделом при Центральном исполнительном комитете Калмыцкой области. Но Архивно-музейное управление при Калмыцком отделе народного образования просуществовало совсем недолго. Причиной тому стало решение Президиума ВЦИК о переводе ГУАД из Наркомпроса в ведение ВЦИК РСФСР от 30 января 1922 г. [Хорхордина, Копылова 2018б]. В связи с этим 5 декабря 1922 г. Архивно-музейное управление было реорганизовано в архивное бюро ЦИК Калмыцкой автономной области [Очирова 2009: 446]. Под данным названием и ведомственным подчинением Архивное бюро просуществовало до октября – декабря 1934 г. [Манджикова 2021д: 276].

Таким образом, «Создание самостоятельного Архивного отдела облисполкома сыграло положительную роль в улучшении архивного дела в области. С этого момента архивное и музейное дело Калмыкии развивались самостоятельно» [Манджикова 2021д: 60].

21 октября 1926 г. вышло «Положение об уездном архиве», утвержденное Центрархивом РСФСР, в котором указано, что на территории каждого уезда при президиуме уездного исполнительного комитета должен быть создан архив, являющийся органом Центрархива РСФСР. В архивно-технической части уездный архив подчинялся губархивбюро. В обязанности уездного архива входили учет и концентрация фондов, обследование и инструктирование учреждений, руководство организацией архивов в волостях (районах), выдача справок, копий, охрана архивного материала и

прочие функции. Финансирование уездного архива предполагалось за счет средств уездного исполкома [Сборник... 1961: 147–148].

Местные органы власти постарались своевременно отреагировать на выход «Положения». В Саратовской губернии в 1926 г. Президиум Саратовского губисполкома выпустил постановление «Об организации уездных архивохранилищ и о порядке хранения в уездных и волостных учреждениях архивных материалов» [Выставка 2003]. В течение 1926 г. во всех уездах Саратовской губернии возникли архивные организации при секретариатах уездных исполкомов: Аткарское, Балашовское, Кузнецкое, Новокузнецкое, Петровское, Сердобское, Саратовское [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 811. Л. 18].

Вопрос о возникновении кантонных архивов АССР Немцев Поволжья в течение 1926–1927 гг. оставался открытым [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 49].

В 1926 г. Сталинградское губернское архивное бюро руководило работой следующих окружных и уездных архивных бюро: Сталинградское уездное архивное бюро, Николаевское уездное архивное бюро, Ленинское уездное архивное бюро, Хоперское окружное архивное бюро, Усть-Медведицкое окружное архивное бюро и окружное архивное бюро 2-го Донского округа [ГАВО. Ф. Р-455. Оп.1. Д. 71. Л. 1].

Акт обследования Астраханского губархивбюро инспектором Центрархива Е.Ф. Сенковским, проведенный в мае 1928 г., свидетельствовал, что Астраханская губерния имела 11 районов, и губернское архивное бюро являлось единственным архивным учреждением в губернии [Сенковский 1926а: 177].

Калмыцкое облархивбюро, как и Астраханское, к весне 1928 г. уездными архивными органами не обзавелось. Материалы улусных исполкомов и подведомственных им учреждений пока только складывали в отдельном помещении. В этом смысле архивы имелись при всех улусных исполкомах: Яндыко-Мочажном, Икицохуровском, Манычском,

Хошеутовском, Багацохуровском, Калмыцко-Базаринском, Малодербетовском, Большедербетовском. Об архиве Эркетеневского уездного исполкома в 1928 г. сведений не имелось [НАРК. Р-71. Оп. 1. Д. 99. Л. 4].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. была образована Нижне-Волжская область в составе Калмыцкой автономной области, Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний и части Пугачевского уезда Самарской губернии. 11 июня 1928 г. Нижне-Волжскую область переименовали в Нижне-Волжский край, губернское деление внутри края заменили на окружное. Согласно постановлению ВЦИК от 28 июня 1928 г., в состав Нижне-Волжского края вошла АССР Немцев Поволжья. Таким образом, Нижне-Волжский край с центром в г. Саратове составили Калмыцкая автономная область, АССР Немцев Поволжья и 8 округов: Астраханский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Пугаческий, Саратовский, Сталинградский и Хоперский [История... 2012: 6].

Соответственно в 1928 г. в составе Нижне-Волжского краевого архивного бюро (центр г. Саратов) оказались: Центральный архив АССР немцев Поволжья, архивное бюро Калмыцкой автономной области, Астраханское, Сталинградское, Балашовское, Вольское, Камышинское, Хоперское и Пугачевское окружные архивные бюро [Истнюк 1928а: 71]. Сущность реорганизации заключалась в переходе архивного аппарата на областное, окружное и районное деление взамен губернского, уездного и волостного.

28 января 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об архивном управлении РСФСР» [Сборник... 1961: 35]. Во главе всей архивной отрасли теперь стояло Центральное архивное управление (ЦАУ) РСФСР, подчиненное непосредственно Президиуму ВЦИК. ЦАУ РСФСР выполняло функции заведывания Государственным архивным фондом, отвечало за организацию архивного дела на территории государства, занималось руководством архивной, научной, технической работой местных архивных

органов и непосредственным заведыванием центральными государственными архивами страны. Краевые (областные) и губернские архивные бюро оставались в этой системе в качестве региональных архивных органов РСФСР. Архивные бюро, являясь отделом краевого (областного) или губернского исполкома, подчинялись исполкому и его президиуму. По архивно-техническим, научным и организационным вопросам архивное бюро подчинялись непосредственно ЦАУ РСФСР. На региональном уровне архивные бюро осуществляли все мероприятия по формированию архивного дела и заведовали краевым (областным) Историческим архивом и архивом Октябрьской революции [Чернов 1940: 181].

По мнению Т.И. Хорхординой: «Центрархив РСФСР остался в истории архивного дела как руководящий орган переходного периода – от первых послереволюционных лет...до 1929 г... когда ключевое положение во властных структурах в центре и на местах заняла партийно-административная номенклатура. Полномочия ЦАУ приобрели совершенно новый уровень – всесоюзный, республиканский» [Хорхордина, Волкова 2012: 251–252].

В 1929 г. Нижне-Волжское краевое архивное бюро разработало «Типовое положение об окружных архивных бюро в районированных областях». Данный документ определял статус окружных архивных бюро как отделов окружных исполкомов. К деятельности окружных архивных бюро относились: организация сети архивных учреждений в пределах округа, руководство над ними и контроль; выполнение заданий окружного исполкома в отношении использования архивных материалов; исполнение директив краевого архивного управления; выявление, учет и концентрация материалов ГАФ на территории округа; выдача копий и справок; проверка хранения архивных материалов в учреждениях и подготовка к сдаче; научно-исследовательская работа, организация справочной библиотеки, устройство выставок, публикация документов [Булюлина 2004: 22].

В 1930 г. архивы на местах затронули новые преобразования. Постановление ЦИК и СНК СССР «О ликвидации округов» от 23 июля 1930 г. указывало упразднить округа и разделить их на районы [История... 2012: 7]. В свою очередь постановление Президиума ЦАУ РСФСР от 15 июля 1930 г. ликвидировало окружные архивные бюро. По всей стране начали создаваться областные архивные управления с состоящими при них областными и районными архивами. В постановлении указывалось, что в городах, являющихся административными единицами и непосредственно подчиняющихся областному центру, необходимо было создать городские архивы с подчинением горсовету и областному архивному бюро [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 194. Л. 21].

Согласно постановлению Нижне-Волжского крайисполкома 5 августа 1930 г. был образован Астраханский межрайон [Собрание... 1930: 340]. В результате Астраханское окружное архивное бюро преобразовали в Астраханское городское архивное бюро при Городском исполкоме [Собрание... 1930: 340].

10 марта 1930 г. Президиум ВЦИК постановил преобразовать село Элиста Калмыцкой автономной области в город [Максимов 2009: 365]. Согласно постановлению Президиума областного исполкома 21 мая 1931 г. в Элисте организовали филиал Калмыцкого архивбюро. Создание филиала стало вынужденной мерой, так как перевод архивного бюро из Астрахани в Элисту в тот период был невозможен. Для архива автономии в Элисте не имелось специального помещения. Кроме того, существовали проблемы с перевозкой документов. Филиал в Элисте стал межведомственным хранилищем материалов архивной части текущего делопроизводства калмыцких учреждений [Архивная летопись 2006: 14].

В декабре 1930 г. Нижне-Волжское краевое архивное управление (далее – Краевое архивное управление) наметило новый проект по реорганизации архивного дела в Нижне-Волжском крае. Проект предусматривал ликвидацию 8 окружных архивных бюро и реорганизацию

их в 5 отделений: Нижне-Волжское архивное управление в г. Саратове; отделения в г. Пугачевск, Вольск, Балашов, Сталинград и Астрахань. Районные архивохранилища предполагалось организовать во всех районных центрах. При таком районировании края на 5 архивных секторов Краевое архивное управление исходило из принципа «исторической и экономической общности районов, объединенных в одном секторе» [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 144. Л. 2]. В проекте отмечалось, что территория Астраханского архивного сектора являлась самой сложной и протянулась вдоль границ Казахской АССР на 500 км. Районы хозяйственного сектора представляли собой необычайное разнообразие объектов изучения. Это и два величайших в мире соленых озера: Баскунчак и Эльтон; промысловое рыбководство, рыбопромышленность, овощеводство и пр. Наконец, сама Астрахань имела богатейшие архивохранилища, содержащие в себе более 1 000 000 ед. хранения архивных материалов, охватившие историю не только края, но и хозяйства, экспорта и импорта всей страны [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 144. Л. 2]. Согласно проекту в состав Астраханского отделения входили Владимирский, Харабалинский, Красноярский, Марфинский, Зеленгинский, Камызякский, Икрянинский, Енотаевский, Черноярский и Астраханский районы [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 144. Л. 2]. В сектор Сталинградского отделения входила территория Сталинградского и Хоперского округов. В составе сектора значились первоначально 21 район, позже их стало 20: Алексеевский, Ахтубинский, Березовский, Дубинский, Урюпинский и др. [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 144. Л. 2].

На заседании президиума Нижне-Волжского крайисполкома 28 декабря 1930 г. рассмотрели вопрос о реорганизации архивного дела в крае и в дальнейшем постановили: создать Краевое архивное управление, включающее в себя 5 отделений согласно проекту [Булюлина 2004: 25]. В тексте проекта указано: «Подобная реорганизация архивной сети была необходима в целях укрепления системы архивных органов, а также

устранения ряда причин, отрицательно влияющих на развитие архивного строительства в крае» [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 144. Л. 8].

В соответствии с постановлением ВЦИК от 10 января 1932 г. центр Нижне-Волжского края перевели из Саратова в Сталинград [История... 2012: 7].

20 мая 1932 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об архивном управлении краевого (областного) исполнительного комитета и краевом (областном) архиве». Согласно положению, в функции архивных управлений входили организация архивов в районах, обеспечение охраны материалов ГАФ и налаживание делопроизводства в райисполкомах, сельсоветах, совхозах и других учреждениях [Сборник...1961: 65–68].

7–8 июня 1933 г. проходило первое краевое совещание архивных работников Нижней Волги, на котором были подведены итоги архивного строительства в крае. Коллегия Центрархива констатировала в 1933 г. неудовлетворительное состояние архивного дела в Нижне-Волжском крае. В связи с этим Нижне-Волжский крайисполком принял 1 ноября 1933 г. постановление «О состоянии архивов при райисполкомах, горсоветах, госучреждениях, совхозах и районах Нижне-Волжского края». Постановление обязывало с 1 января 1934 г. все райисполкомы и горсоветы организовать постоянные архивы, обеспечив их помещениями, оборудованием и штатом работников. Архивы должны содержаться за счет городских и районных бюджетов. Краевое архивное управление обязалось оказывать методическую и практическую помощь в создании архивов [Булюлина 2004: 27].

10 декабря 1934 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О районных архивах» [Собрание... 1934: 275]. Таким образом, руководство Нижне-Волжского края опередило центральные органы управления и одним из первых поставило вопрос о создании районных архивов.

В соответствии с постановлением ВЦИК от 10 января 1934 г. произошло разделение Нижне-Волжского края на Сталинградский край с

центром в г. Сталинграде и Саратовский край с центром в г. Саратове. Автономная Калмыцкая область стала относиться к Сталинградскому краю, АССР Немцев Поволжья – к Саратовскому [История... 2012: 7]. На базе Сталинградского отделения Нижне-Волжского краевого архивного управления было образовано Сталинградское краевое архивное управление, в подчинении которого находились Астраханское и Камышинское отделения краевого архивного управления и 27 районных архивных бюро, в остальных районах края архивы созданы не были [Булюлина 2004: 27–28].

В 1934 г. Калмыцкое облархивбюро, находившееся по-прежнему в Астрахани, в административном отношении подчинялось непосредственно облисполкому Калмыцкой автономной области, находящемуся в г. Элиста. В архивном отношении облархивбюро подчинялось Центрархиву РСФСР, от которого получало все директивы и которому отсылало на утверждение планы и отчеты; облархивбюро содержалось за счет средств Калмыцкого областного исполнительного комитета [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 245. Л. 15].

В связи с преобразованием Калмыцкой автономной области, в Калмыцкую АССР бывшее Калмыцкое областное архивное управление согласно Постановлению Президиума Калмыцкого ЦИКа от 26 декабря 1935 г. реорганизовали в Центральное архивное управление Калмыцкой АССР [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 333. Л. 11]. О создании архивов в калмыцких улусах известно, что к 1935 г. их почти не сохранилось. В одних случаях они сильно пострадали, в других – полностью уничтожены [Лапин 1935: 22–34]. К 1937 г. были открыты архивы в 7 улусах: Долбанском, Западном, Центральном, Сарпинском, Приволжском, Черноземельском, в мае 1937 г. – Лаганском [Архивная летопись 2006: 60]. 5 октября 1936 г. в Элисте был образован городской архив (далее – горархив), подчинявшийся Городскому совету. Горархив предполагалось содержать на финансовые средства городской администрации [Архивная летопись 2006: 15]. Однако по отчетным данным Калмыцкого госархива за первую половину 1939 г.

выяснилось, что «неоднократные попытки разрешить вопрос об организации горархива в г. Элисте не разрешались положительно» по причине отсутствия соответствующего помещения для архива [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 409. Л. 29].

Саратовское краевое архивное управление, образованное в 1934 г., стало руководить работой Вольского, Пугачевского, Балашовского краевых отделений и 33 районных архивов (при наличии в крае 37 районов) [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 18].

Архивная сеть и структура ЦАУ АССР НП в конце 1934 г. была следующая: архив дореволюционного периода, архив Октябрьской революции, областной партийный архив, Маркштадский кантонный архив, архивов в других кантонах образовано не было [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 18].

1 декабря 1934 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили специальное постановление о структуре архивных органов РСФСР [Сборник... 1961: 72–73]. Согласно этому постановлению в архивных управлениях автономных республик, краев и областей образовывались отделы: 1) отдел по руководству республиканским, краевым или областным архивом, а также районными и городскими архивами; 2) административно-финансовый отдел. В автономных республиках и областях, из-за незначительности штатного состава архивных управлений, указанные отделы не создавались [Чернов 1940: 197].

На 1 января 1937 г. согласно распоряжению ЦАУ РСФСР № 93 от 31 ноября 1936 г. сеть архивных учреждений Сталинградского края предполагалась следующая: краевое архивное управление (состоящее из отдела по руководству краевыми архивами и отдела по инспектированию городских и районных архивов действующих учреждений); краевой архив Октябрьской революции; краевой исторический архив; Астраханский архив (бывшее Отделение); Камышинский архив (бывшее Отделение); три городских архива (Сталинград, Астрахань, Камышин); 51 районный архив;

43 архива действующих учреждений. Это распоряжение разделяло управление и сами архивы [Булюлина 2004: 29].

Сталинская конституция 5 декабря 1936 г. предопределила переход от краевого деления к областному. Были образованы Саратовская область и Сталинградская область [Конституция 1936: 10]. Управляющие архивные органы краевого значения стали иметь статус областного значения.

В 1937 г. архивная сеть Сталинградского областного архивного управления состояла из 4 областных архивов (Сталинградского архива Октябрьской революции (далее – АОР), Сталинградского исторического архива (далее – Истарх), Астраханского архива, Камышинского архива), 65 районных архивов и 68 архивов учреждений, имеющих штатных работников. Всего в области было 66 районов, в которых было организовано 65 районных архивов. Сталинградское областное архивное управление, АОР, Истарх, Астраханский архив финансировались областным и городским бюджетами. Камышинский архив состоял на областном и районном бюджете, а все районные архивы – на районных бюджетах. Структура аппарата Сталинградского областного архивного управления была выстроена в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1934 г. и распоряжением ЦАУ РСФСР за №93 от 31 октября 1936 г. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 6об.].

В соответствие с распоряжением ЦАУ РСФСР № 93 от 31 октября 1936 г., в декабре 1937 г. в Саратовской области была установлена следующая структура Саратовского областного архивного управления: управление, отдел по руководству областными архивами (библиотека, исторический архив, АОР, Пугачевский, Вольский, Балашовский архивы), отдел по руководству районными архивами (фактически не существовал до июля 1938 г.) [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 37].

Новая веха в истории архивной службы РСФСР началась в феврале 1938 г., когда, согласно приказу № 20 ЦАУ, изменилась структура краевых и областных управлений, а также сети краевых и областных архивов. Теперь

краевые и областные архивы имели в своем составе два отдела: отдел по руководству областными, краевыми, окружными архивами и отдел по инспектированию городских, районных и ведомственных архивов. Обособленно, но внутри архива существовал единый секретный архив или секретное отделение [Сборник... 1961: 162–163].

Зимой 1938 г., по распоряжению Сталинградского областного архивного управления (далее – СОАУ) от 19 февраля в Астрахани организовали Астраханское окружное архивное управление со штатом в 3 человека (заведующий, инспектор и машинистка). На окружное архивное управление возложили работу по руководству и инспектированию районных и учрежденческих архивов Астраханского округа. Окружное архивное управление подчинялось на месте окружному исполнительному комитету и по архивной системе СОАУ. Финансово-расчетную работу окружного архивного управления выполняла бухгалтерия Астраханского архива АОР [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 60. Л. 26]. Кроме того, по распоряжению Сталинградского областного архивного управления № 26 от 17 марта 1938 г. Астраханский архив разделили на два областных архива: Астраханский областной архив Октябрьской революции (АОР) и Астраханский областной исторический архив (Истарх). Также в Астрахани образовали единый секретный архив с разделением на документы дореволюционного и пореволюционного периодов. Секретный архив базировался при архиве Октябрьской революции [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 25. Л. 12].

Сталинградские областные архивы (Исторический и Октябрьской революции) в середине 1938 г. объединили в областной архив. В нарушение приказа ЦАУ РСФСР от 10 февраля 1938 г. «Объединение было вызвано практическими соображениями, так как в историческом архиве, в котором хранилось 243 фонда, штат состоял из 11 человек, в архиве Октябрьской революции, в котором был 1391 фонд, штат состоял из 13 человек [Буллюлина 2004: С. 33].

При ЦАУ АССР НП в 1938 г. имелись АОР, Истарх, военное и секретное отделения. В методическом подчинении ЦАУ АССР НП состояло 22 кантонных архива. В большинстве кантонов архивы числились лишь формально [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4643. Л. 7об.].

К 1938 г. сеть архивных учреждений Калмыцкой АССР состояла из Центрального государственного архива Калмыцкой АССР, городского архива г. Элиста и 13 районных архивов [Манджикова 2022: 79].

1938 г. стал знаковым для всей архивной отрасли СССР – архивные учреждения перешли в ведение Наркомата внутренних дел (НКВД) [Чернов 1940: 225–226].

В первые годы Советской власти у нового правительства и архивного руководства не существовало четких представлений об организационной структуре архивных органов. По мнению исследователя М.В. Черкасовой «...само архивное ведомство не обладало достаточно высоким статусом в системе советских учреждений для эффективного контроля над становлением архивного дела на местах» [Черкасова 2008а: 76]. Органы местной власти, находясь в сложнейших финансовых послереволюционных условиях, не могли полноценно содействовать работе архивных органов.

На работе региональных архивных органов отрицательно сказывалось повсеместное проведение районирования и другие многочисленные преобразования в административно-территориальном делении страны. По мнению исследователя М.Ф. Петровской, в связи с проведением районирования и реорганизацией губернского, уездного и волостного государственного аппарата и образованием нового областного, окружного и районного государственного аппарата, перед местными архивными учреждениями встали огромные задачи. Надо было очень быстро организовать новую сеть местных государственных архивных учреждений, решить вопросы бюджета, штатов, помещений и т.д. [Петровская 1958: 52–68].

В связи с указанными сложными условиями существования, недостаточным финансированием, постоянными административно-территориальными преобразованиями, часто меняющейся ведомственной принадлежностью организационный период у региональных архивов затянулся и продолжался до середины 1920-х гг. К этому времени положение губернских архивов улучшилось: удалось наладить отношения с центром и региональными властями.

1.2. Основные направления кадровой работы государственных архивов

Исследование вопросов кадровой работы, проводимой в региональных архивах в 1920–1930-е гг. является важной составляющей истории отечественного архивного дела.

С приходом к власти большевиков произошли кадровые изменения во всех учреждениях и организациях страны, в том числе архивной отрасли. Пока на правительственном уровне не был разрешен вопрос об организации областных архивных управлений, Главархив СССР приступил к созданию в губерниях института уполномоченных. Уполномоченный Главархива по губернии назначался из числа бывших членов ученой архивной комиссии, или представителей науки и интеллигенции региона [Максаков 1959: 81].

Уполномоченным Главархива по Саратовской губернии в 1919 г. был назначен профессор, заведующий кафедрой русской истории Саратовского государственного университета Василий Иванович Веретенников [Начало пути 1917–1931]. Уведомление о своем назначении В.И. Веретенников получил от Главархива телеграммой 14 апреля 1919 г. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 57]. В 1917–1920 гг. В.И. Веретенников возглавлял кафедру русской истории Саратовского госуниверситета, являлся воспитанником петербургской школы, прошел научную подготовку под руководством известного историка А.С. Лаппо-Данилевского. С именем В.И. Веретенникова также связана и работа Саратовской ученой архивной комиссии, занимавшаяся спасением архивов губернии в 1917–1918 гг. В

1920 г. В.И. Веретенников покинул Саратов и переселился на постоянное место жительства в Харьков [Начало пути 1917–1931]. В последующем он Веретенников (одновременно с преподаванием в ряде высших учебных заведений Украины) занимал различные должности в аппарате Центрархива УССР [Хорхордина 2012: 300].

После В.И. Веретенникова место уполномоченного архивами Саратовской губернии в 1920 г. занял Александр Александрович Гераклитов. Об этом факте упоминает в своем отчете другой уполномоченный – С.Л. Урсынович [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3]. Ученый и краевед А.А. Гераклитов жил и работал в Саратове [Соколов 1911: 8; Соколов 1913: 329–330; Попкова 1994: 105–107]. По окончании Саратовской мужской гимназии поступил в Казанский университет, но в связи с участием в студенческих волнениях ему пришлось оставить университет и вернуться в Саратов. До революции он работал писцом в Саратовской казенной палате, конторщиком в Управлении Рязано-Уральской железной дороги, делопроизводителем в Саратовском губернском земстве. Являлся членом Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) и помощником библиотекаря, а 1909 г. – хранителем исторического архива СУАК. С 1917 г. начал работать в Саратовском университете. Помимо преподавательской работы выполнял обязанности уполномоченного Главного архивного управления по Саратовской губернии. В это же время занимался организацией работы рукописного отдела библиотеки Саратовского университета [Календарь 2014].

В начале 1921 г. на должности уполномоченного архивами Саратовской губернии находился видный специалист по истории российского государства и права, профессор Саратовского государственного университета Серафим Владимирович Юшков [Начало пути 1917–1931]. Упоминание об этом засвидетельствовано в отчете уполномоченного С.Л. Урсыновича [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3].

15 апреля 1921 г. на должность уполномоченного по архивным делам Саратовской губернии вступил Сергей Львович Урсынович [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3]. С.Л. Урсынович (1891–1935) был историком по образованию, занимался вопросами христианизации народов Поволжья, Урала и Сибири. В 1917 г. работал приват-доцентом Московского университета, в 1918 г. – преподавателем Иваново-Вознесенского пединститута. В биографических данных указано, что какое-то время он работал в Саратове. С 1925 г. по 1935 г. Урсынович был сотрудником Большой Советской энциклопедии и Энциклопедии государства и права. С 1933 г. до своей кончины являлся доцентом Московского Историко-философского института [Изучение 2019].

В 1921 году в штате Саратовского губархива состояло 3 сотрудника [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3]. К 1923 г. штат сотрудников Саратовского губархива увеличился и стал состоять из заведующего, 2 архивариусов, 4 научных сотрудников, делопроизводителя, его помощника, рассыльного и 3 сотрудников военного отдела губархива [Солопова 2009: 25]. Согласно декрету СНК от 31 марта 1919 г. о губернских архивных фондах, все архивы, сосредоточенные в губернии, составляли единый губернский архивный фонд. Во главе фонда должен был находиться заведующий, назначаемый Главархивом. Перед ним стояла задача создания центрального губернского архива. Положение определяло и штаты архивных работников: это заведующий, один или два архивариуса, один или два помощника архивариуса, один делопроизводитель, один или два сотрудника, три младших служащих. Штатная численность зависела от размера архивного фонда и текущей работы с ним [Сборник... 1961: 14–15].

В Астрахани организация советского архивного дела началась в сентябре 1920 г. назначением уполномоченного от Главархива. Им стал профессор Астраханского государственного университета, ученый и архивовед – Иван Иванович Солосин [Сенковский 1926а: 176–180; История Астраханского края 2000: 1058–1070; Просянова 2000: 3; Просянова 2006:

35–48; Беломоина 2001: 98–99]. 12 ноября 1920 г. согласно приказу № 202 Астраханского губисполкома в Астрахани был учрежден Астраханский губархив, заведовать всеми архивами губернии поручили И.И. Солосину [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 44. Л. 1].

И.И. Солосин – астраханец, сын мещанина, псаломщик Рождество-Богородицкой церкви г. Астрахани [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 10. Л. 9; АМЗ. НВ 13557/3]. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета вел педагогическую деятельность в различных учебных заведениях Петербурга / Петрограда. После революции 1917 г. И.И. Солосин вернулся в Астрахань и участвовал в организации Астраханского государственного университета. В мае 1919 г. в университете открылся общественно-исторический факультет. Некоторое время И.И. Солосин возглавлял факультет и преподавал на нем же русскую народную словесность, древнерусскую литературу и старославянский язык [Беломоина 2001: 98; ГААО. Ф. Р-1071. Оп. 8. Д. 28. Л. 9.; Д. 14. Л. 16об., 27]. Вернувшись из служебной командировки по делам университета осенью 1920 г., И.И. Солосин незамедлительно приступил к своим новым обязанностям [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 10. Л. 14].

В первый год существования губархива в нем трудились три человека: заведующий, делопроизводитель и канцелярский служащий. В 1921 г. в штат губархива поступил архивариус М.Ф. Иванов, происходивший из семьи чиновника, окончивший полный курс наук Астраханского реального училища, владевший французским и немецким языками. М.Ф. Иванов являлся действительным членом Саратовской и Ставропольской ученых архивных комиссий, а за многолетнюю работу в архивах был избран пожизненным членом общества Российских архивных деятелей в Петрограде [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 10. Л. 13–15]. Об М.Ф. Иванове нам известно, что до революции он служил архивариусом в архиве Управления калмыцким народом [Манджикова 2022: 39].

Руководство Царицынским архивным бюро, образованном в июне 1923 г., поручили гидротехнику по образованию казаку Дмитрию Бирюкову. Заведуя отделом мелиорации Ленинского уезда, Д.Д. Бирюков занимался археологическими изысканиями на территории бывшего Царевского уезда. Позже, будучи членом краеведческой комиссии Губернской плановой комиссии (далее – губплан), ведал охраной памятников [Булюлина 1996: 82–84].

Д.Д. Бирюков прослужил в архиве недолго, его место в этом же году занял 23-летний В.М. Фиалков, имевший лишь начальное образование. С 18-летнего возраста В.М. Фиалков являлся членом РКП (б). В 1923 г. в штате Царицынского архивного бюро состояло 3 человека: заведующий, секретарь и архивариус. В 1924 г. штат бюро увеличился еще на 2 сотрудников (заведующий, его заместитель, научный сотрудник, секретарь, архивариус). 4 штатных специалиста бюро имели начальное образование. Лишь научный сотрудник прошел курс наук в Реальном училище, а также работал ассистентом на кафедре русской истории Саратовского университета [Булюлина 2004: 17]. Впрочем, по мнению Е.В. Булюлиной «Недостаток образования у архивистов возмещался энтузиазмом и искренней убежденностью в важности и нужности порученного им дела» [Булюлина 2004: 17].

Архивное бюро АО НП, образованное в 1923 г., возглавил Михаил Федорович Пискунов – выпускник Харьковского университета, ранее трудился в архивах Министерства иностранных дел, Юстиции, Главного военного штаба по составлению истории Войска Донского [Ерина 2012: 13]. В период 1923–1927 гг. в архивном бюро АО НП работало 3 сотрудника [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 4–4 об].

Административным центром до 1928 г. Калмыцкой автономии оставалась Астрахань. В начале 1921 г. руководить архивно-музейной секцией областного отдела народного образования пригласили профессора Астраханского университета Николая Николаевича Пальмова [Джалаева

2003: 56]. Н.Н. Пальмов родился в Астрахани в семье священника, окончил Киевскую духовную академию, после чего работал там же на протяжении нескольких лет на кафедре археологии и истории искусств. Являлся автором научных трудов по раннехристианскому искусству [Архивная летопись 2006: 39] Позиция Н.Н. Пальмова после революции 1917 г. выражалась во взаимодействии с Советской властью и защите интересов науки [Джалаева 2003: 56]. Вернувшись в Астрахань после 1918 г., он был принят на должность профессора Астраханского государственного университета. В первый год существования историко-архивной секции личный состав состоял из 7 сотрудников: заведующий управлением – Н.Н. Пальмов, заведующий музеем – С.П. Сахаров, заведующий научной частью – А.А. Лебединский, заведующий материальной частью, он же секретарь и архивариус – Ф.И. Плюнов, переводчик, машинистка, технический служащий [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 2. Л. 7].

В конце 1922 г. постановлением Президиума ЦИК КАО от 5 декабря 1922 г. Архивный отдел упразднили и образовали Архивное бюро ЦИК Калмыцкой АО. В его составе оставили 2 штатные единицы: заведующего архивным бюро профессора Н.Н. Пальмова и заведующего научной частью А.А. Лебединского [Манджикова 2022: 50]. А.А. Лебединский окончил историко-филологический факультет Казанского университета. В 1913–1918 гг. преподавал историю и географию в Астраханской учительской семинарии и в частной женской гимназии. На работу в Калмыцкий архив его пригласил Н.Н. Пальмов. Начиная с 1923 г. и по сентябрь 1927 г., А.А. Лебединский участвовал в работе архива по всем направлениям: составление описей, обслуживание пользователей, выдача справок, обследование и методическое обеспечение улусных и ведомственных архивов [Архивная летопись 2006: 46–47].

Новым этапом в постановке кадровой работы государственных архивных учреждений считается приход к руководству архивами страны в 1920 г. влиятельного в партийных кругах историка М.Н. Покровского.

Т.И. Хорхордина писала, что Покровский был живым олицетворением неоднозначной действительности 1920-х гг., представляя собой эрудированного ученого, отдавшего свои знания и талант жесткой системе марксистских идей [Хорхордина 1994б: 92]. При нем кадровая политика стала руководствоваться принципом политической благонадежности [Пека 1994: 191]. Региональные архивы не стали исключением. 4 апреля 1924 г. коллегия Центрархива заслушала доклад В.В. Максакова о положении дел в губернских архивных бюро и приняла решение о пересмотре личного состава сотрудников местных архивов, с тем, чтобы в ближайшие планы включить организацию политических секций при губернских архивных бюро. На заседании коллегии Центрархива 25 ноября 1924 г. приняли решение о замене беспартийных заведующих губернскими архивными бюро «партийными товарищами» [Хорхордина, Копылова 2018б].

Из-за своей беспартийности заведующий Царицынским архивным бюро Д.Д. Бирюков прослужил в архивном бюро совсем немного и в 1923 г. был снят с занимаемой должности [Бюлюлина 2004: 17]. Заведующий Астраханским губархивом И.И. Солосин также не состоял в партии, но причислял себя к рядам «сочувствующих». Несмотря на это, постановлением Президиума Астраханского губернского исполнительного комитета от 31 июля 1924 г. он был снят с занимаемой должности [АМЗ. КП 42398/12]. В августе 1924 г. Солосин передал дела новому заведующему И.П. Федорову, который прослужил в губархиве всего два месяца и в октябре 1924 г. получил новое назначение в качестве секретаря секции Горсовета [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 16. Л. 58–59].

В качестве руководителя Астраханского губархива 2 октября 1924 г. в утвердили Г.С. Рябикова, который за полтора года работы в архиве большей частью отсутствовал по болезни [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 16. Л. 372]. Ближайшим помощником Г.С. Рябикова по архивной работе в период 1925–1928 гг. являлся научный сотрудник архивного бюро – Павел Львович Юдин [Соколов 1911: 44; Марков 1988: 200–222]. Историк-архивист, краевед,

журналист, он получил известность как исследователь отечественной старины. Результатом его полувековой работы в архивах стали сотни научных статей. Работы П.Л. Юдина регулярно печатались в столичных журналах «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», в отечественных и зарубежных газетах: «Не будет преувеличением сказать, что П.Л. Юдин был одной из самых заметных фигур русской провинциальной архивистики конца XIX– начала XX века [Цогоев 2011: 2].

Отметим, что Астраханские архивы дореволюционного периода П.Л. Юдин знал хорошо. Живя в Астрахани, он занимался сбором документов по астраханскому периоду жизни А.В. Суворова, собирал материалы по истории Донского и Терского казачества, его также интересовала жизнь Н.Г. Чернышевского в Астрахани и другие темы. Уже тогда им проделана работа по систематизации и описанию исторических документов, составлен сводный реестр всех описей и дел в зависимости от важности материала [Марков 1988: 200, 206, 209]. Кроме того, П.Л. Юдин состоял действительным членом Нижегородской, Оренбургской и Саратовской ученых архивных комиссий. В 1899 г. П.Л. Юдин был принят в действительные члены Петровского общества исследователей Астраханского края. В 1902–1907 гг. был хранителем исторического архива СУАК [Соколов 1911: 262]. С 1913 г. по 1923 г. он проживал в г. Владикавказе Терской области, занимался сбором архивного материала. В 1923 г. был приглашен на должность заведующего архивом и музеем Дагестана [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 52. Л. 16]. В 1925 г. П.Л. Юдина командировали в Москву на съезд архивных работников, где он представлял Центральный архив Дагестанской автономной республики. В этом же году П.Л. Юдина направили в Астрахань для «правильной постановки архивного дела». Но в Астраханском архивном бюро П.Л. Юдин прослужил недолго, он умер в 1928 г. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 52. Л. 16]. По нашему мнению, работа П.Л. Юдина в Астраханском губархиве была очень заметна. Он довольно четко и методично, ссылаясь на распоряжения Центрархива и губисполкома,

инструктировал бывшие губернские учреждения Астрахани и губернии по ведению архивов, своевременной сдаче документов, составлению описей и работе по делопроизводству [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 86. Л. 1; ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 67. Л. 7, 9, 15, 28, 30].

22 февраля 1926 г. на должность заведующего Астраханским губархивом был назначен Николай Константинович Васильев. Имея низшее образование (окончил приходскую школу – М.Б.), Н.К. Васильев сумел быстро подняться по карьерной лестнице. Уже 17-летним юношей вступил в члены ВКП(б). До заведывания архбюро работал на ответственных должностях в органах ВЧК и ОГПУ; имел ряд благодарностей от президиума ГИКа; представлен к награждению почетным знаком ВЧК-ОГПУ. В 25 лет Н.К. Васильев стал заведовать Астраханским губархивбюро [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 169. Л. 18].

В мае 1928 г. в Астраханском губархивбюро была проведена инспекторская проверка из Центрархива, которая выявила ряд грубых недостатков. Основными проблемами стали: текучесть кадрового состава; отсутствие четкого распределения работ; отсутствие рабочих инструкций, и как следствие незнание своих обязанностей. Кроме того, на сотрудников бюро во главе с заведующим Н.К. Васильевым было заведено уголовное дело из-за хищения и растраты финансовых средств, выделенных губисполкомом губернскому бюро. Основной состав бюро был сменен. В характеристике на Н.К. Васильева записали: «на должности заведующего Бюро приложил немало усилий и личного труда в поднятии работы, затем постепенно спился, разложил аппарат и растратил около 9000 руб.» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 16. Л. 5; Оп. 2. Д. 169. Л. 18; Оп. 2. Д. 131. Л. 19].

Заведующего ЦАУ АССР Немцев Поволжья М.Ф. Пискунова в феврале 1927 г. сменил Иосиф Петрович Принц. Именно при М.Ф. Пискунове и И.П. Принце были произведены массовые сдачи архивных документов в макулатуру, и «до крайности запущена архивная работа» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 5].

14–19 марта 1925 г. в Москве проходил Первый Всероссийском съезд архивных деятелей РСФСР, где обсуждались насущные проблемы архивного строительства в стране; взаимоотношения архивов, библиотек и музеев; организация архивов при действующих учреждениях; кадровый состав архивов на местах, уровень образования архивных работников и другое [Хорхордина, Копылова 2018б]. От Астраханского губархивбюро на съезд командировали Г.С. Рябикова, от Сталинграда – В.М. Фиалков, Саратовское губернское архивное бюро представляла В.М. Корнеева, Центрархив АССР НП – М.Ф. Пискунов, Калмыцкое областное архивное бюро – Е.М. Сайков [Протоколы... 1925: 5–6]. Представители Нижневолжского региона принимали активное участие в прениях по докладам. Заведующая Саратовским губархивбюро В.М. Корнеева выступила с предложением организовать архивные курсы при государственных университетах в провинции, а не «посылать на курсы в Москву, то для этого нужны и средства, и люди» [Протоколы... 1925: 47]. Руководитель Сталинградского губархивбюро В.М. Фиалков обозначил проблему выплаты заработной платы уездным архивариусам, которые «не попали ни в одну смету, ни в губернскую, ни в уездную... Местная власть безусловно пошла бы на встречу, но финансовые органы говорят, что нет средств, в виду дефицитности местного бюджета» [Протоколы... 1925: 169].

14 декабря 1925 г. состоялась Объединенная конференция работников архивного дела Саратовской губернии и АССР НП, на которой подвели итоги работы архивных учреждений, отметили определенные достижения в области архивного строительства и высказали пожелания относительно дальнейшего пути в сфере архивного строительства. Но из-за недостатка финансов эти планы остались только на бумаге [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 95].

В 1925–1928 гг. количество сотрудников в губархивах стало возрастать. По этому поводу заместитель заведующего ЦАУ СССР В.В. Максаков, выступая с докладом на Первом съезде архивных деятелей РСФСР, отметил:

«Здесь была проявлена инициатива самих зав. губ. архивных бюро, которые, опираясь на положение, изданное президиумом ВЦИК, делали соответствующие доклады президиумам исполкомов» [Протоколы... 1925: 143].

В 1925 г. штат Астраханского архивного бюро состоял из 18 сотрудников, из которых 3 были членами РКП(б). 16 сотрудников бюро работали на своих должностях менее года [Сенковский 1926а: 177]. В 1926–1927 гг. штат Астраханского губархбюро определялся в 16 человек [ГААО. Ф. Р-2779. Оп.2. Д. 124. Л. 11об.].

Штат Саратовского губархива в 1925 г. был меньше и состоял из 12 человек. Членом ВКП(б) являлся только заведующий Захар Семенович Петров. В уездах все заведующие архивами были беспартийными, кроме архивариуса в Камышинском уезде [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 811. Л. 15об.–16]. В 1926 г. в Саратовском губархивбюро работало 15 человек. Общее руководство архивным делом в губернии выполнял заведующий; концентрированием архивных фондов в хранилищах бюро, а также составлением отчетов, докладов, планов, проектов занимался заместитель. Для работы в политсекции было выделено 3 сотрудника, 1 архивариус выдавал справки, 1 архивариус и два помощника разбирали архивные фонды и занимались приемкой дел [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 86об.–88].

Штат Сталинградского губархивбюро за эти же годы состоял из 10 человек: заведующий, научный сотрудник, секретарь, инструктор, библиотекарь, 3 архивариуса, 2 технических работника. С февраля 1927 г. по утверждению ГИКа в штат бюро ввели должность заведующего политической секцией. С 1 октября 1927 г. штат увеличился до 11 человек [ГАВО. Ф. Р-455. Оп.1. Д. 71. Л. 2–3].

Калмыцкое облархивбюро на 1 октября 1926 г. состояло из 4 должностных лиц: заведующий, научный сотрудник, архивариус-секретарь, курьер-уборщица. Имелась и должность заведующего политсекцией [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 62].

Летом 1928 г. Управление Центрархива РСФСР произвело реорганизацию архивного дела на территории 11 губерний. В связи с чем по инициативе уполномоченных Центрархива собрались рабочие совещания с руководителями архивных учреждений. Такое совещание состоялось в 1928 г. в центре вновь образованного Нижне-Волжского краевого архивного бюро – г. Саратове. От Нижне-Волжского краевого бюро присутствовал З.С. Петров, от Астраханского окружного архивного бюро – М.В. Кочегаров, Сталинградского – В.М. Фиалков и от архива АССР НП – И.П. Принц. Целью совещания стали вопросы, связанные с реорганизацией всего архивного аппарата в связи с районированием, подготовка к новому бюджетному году, работа Испарта, постановка секретных архивов и др. [Истнюк 1928б: 73].

Циркуляр ВЦИК от 16 июля 1928 г. «Об улучшении постановки архивного дела на местах» призвал исполнительные органы местной власти к принятию мер по укреплению архивного аппарата и улучшению архивного дела на местах. Региональным исполкомам было предложено утвердить штаты местных архивных органов с обязательным включением в штат архивного органа необходимого количества научных работников. Принять меры по повышению уровня заработной платы архивных работников на местах и довести уровень заработной платы до средней заработной платы работников других местных советских учреждений [Декреты... 1928: 57].

В Астраханском окрархивбюро ситуация складывалась следующим образом. 7 декабря 1928 г. Президиум ОкрИКа по отчетному докладу заведующего М.В. Кочегарова вынес постановление об увеличении штата окрархивбюро на одного научного работника и одного архивариуса [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 184. Л. 202об.]. Однако состояние дел в бюро шло в разрез с упомянутым выше циркуляром ВЦИК. Поскольку в январе 1929 г. произошли сокращения штатного состава с 16 единиц до 8 [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 171. Л. 8об.].

С 1928 г. штат ЦАУ немцев Поволжья увеличился до 6 человек. В 1933 г. штат был утвержден на 8 человек, в 1934 г. – на 14 работников. В основном все работники управления имели небольшой стаж работы – от полугода до 4 лет. Только инспектор в управлении был с 10-летним стажем работы. В основном это были немцы по национальности. Только научный работник был русским, но владел немецким языком и самостоятельно переводил документы с немецкого языка [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 15об].

Составной частью кадровой работы являются вопросы образования архивных кадров. Как правило, в архивы на местах шли работать люди без всякой архивной и исторической квалификации. В 1926–1927 гг. из всех сотрудников Астраханского архивбюро высшее образование имел только 1 человек, среднее – 2, низшее – 13. Возраст основного состава варьировался от 20 до 30 лет [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 25]. В Сталинградском архивбюро на 1 января 1932 г. числилось 12 сотрудников. Из них 8 были архивными работниками, 4 сотрудника относились к администрации. С высшим образованием специалистов не было, среднее имели 2 человека и 10 – низшее [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 159. Л. 5].

В январе 1930 г. заведующий Калмыцким областным архивным бюро Н.Н. Пальмов сообщал в ЦАУ РСФСР, «в данное время (архивное бюро – М.Б.) не испытывает острой надобности в пополнении своего штата работниками, окончившими ВУЗы, и не имеет реальной возможности к расширению штата...» [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 150. Л. 33]. Из 4 штатных работников Калмыцкого облархивбюро – 2 (заведующий и архивист-секретарь) имели высшее образование, 1 (архивариус) – среднее, 1 (курьер-уборщица) – низшее [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 150. Л. 33].

В январе 1927 г. состоялась вторая конференция архивных работников РСФСР, на которой постановили организовать краткосрочные архивные курсы при Центрархиве для работников центральных и местных архивов [Дремина 1962: 162]. Организация архивных курсов в 1928 г. должна была

способствовать поднятию квалификации руководящего состава архивных органов, в первую очередь, местных. В соответствии с этим большинство из принятых на курсы 40 человек составляли заведующие архивными бюро, заведующие политическими секциями, инспекторы [Дремина 1962: 164]. В 1928 г. от Астраханского архивного бюро в Москве на 3-месячных архивных курсах побывал заведующий политической секцией С.И. Пигалев. До работы в архивном бюро С.И. Пигалев заведовал пекарней, позже был секретарем Истпарта, корреспондентом в газете. В характеристике на С.И. Пигалева отмечено, что «фактически политсекцией не заведовал, а являлся работником от случая к случаю» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 169. Л. 18]. Подготовкой кадров в ЦАУ АССР НП до 1929 г. не занимались. Только в 1930 г. они смогли направить 1 человека на обучение в Московский институт архивоведения, и 2 человек из кантонных архивов [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 4–4 об].

На январской конференции 1927 года поднимался вопрос об открытии при бюро архивных кружков [Дремина 1962: 62]. Повышение квалификации путем организации архивного кружка в Калмыцком областном архивном бюро в 1928 г. было невозможно, в связи с отъездом в этот период из Астрахани в Элисту калмыцких учреждений, сотрудники которых могли быть обучаться в кружке. Специалисты Калмыцкого архивбюро рассчитывали принять участие в работе архивного кружка при Астраханском губархивбюро, но в 1928 г. он еще не был организован. Поэтому сотрудники Калмыцкого бюро самостоятельно изучали архивную и историческую литературу [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20–20 об]. Согласно отчету за 1929 г., заниматься созданием архивного кружка в Астрахани было не кому. Заведующий архивным бюро М.В. Кочегаров был занят работой в окружном исполкоме. Его заместитель Н.С. Кузнецов был занят множеством различных обязанностей по ведению дел бюро [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 171. Л. 9об.]. Организации архивных курсов в Энгельсе в 1930 г. не было, по причине отсутствия финансовых средств [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 4–4 об].

В Сталинградском отделении к 1931 г. специального архивного кружка организовано не было, созывались лишь производственно-технические совещания, в задачи которых входило и повышение квалификации. Работу архивного кружка руководство отделения планировало начать с начала 1932 г. [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 159. Л. 5]. В 1934 г. Саратовское КАУ устроило краткосрочные курсы и кружковые занятия для своих работников. Общественная работа в коллективе не проводилась, производственные совещания тоже, соцсоревнования не устраивались [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 18. об].

Начиная с 1933 г., новое руководство ЦАУ в лице Я.А. Берзина изменило направление работы архивных учреждений страны. Во-первых, был запущен в действие принцип единоначалия и личной ответственности каждого руководителя за своих подчиненных и за работу в целом. Во-вторых, вместо архивиста центральной фигурой архивного дела стал архивно-технический работник. В-третьих, архивы пытались очистить от политически неугодных лиц [Хорхордина 1994б: 174–175].

По отчетным данным на 1934 г. личный состав Саратовского краевого архивного управления состоял из 42 штатных единиц. Ни один работник не имел высшего образования. Из 33 сотрудников, занятых архивно-производственной работой, 15 имели низшее образование, 20 сотрудников имели стаж архивной работы менее 1 года, 5 сотрудников – менее 2 лет, стаж более 3 лет имели всего три работника, и 2 работника работали 9 и 10 лет. Во всех архивных органах края (в том числе 3 отделения и 23 районных архива) имелся всего 1 работник с законченным высшим образованием [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 18].

На 1 января 1935 г. в Сталинградском краевом архивном управлении работало 20 специалистов, в Астраханском отделении – 18, в Камышинском – 8. С высшим образованием были только два работника из Астраханского отделения, 17 человек имели среднее образование, остальные – только начальное. В 1935 г. в Краевое архивное управление прислали первого

специалиста, окончившего Московский историко-архивный институт [Булюлина 2004: 28]. С целью повышения квалификации осенью 1935 г. 3 сотрудника Астраханского отделения окончили 30-дневные архивные курсы в г. Сталинграде. В первом полугодии 1936 г. 2 сотрудника отделения прошли архивные курсы в Москве при архивно-историческом институте [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 302. Л. 15, 48].

Постановление Президиума ЦИК СССР «О мероприятиях по упорядочению архивного дела СССР» от 27 июня 1935 г. внесло новые коррективы в кадровую работу госархивов. В документе отмечалось, что руководящий состав архивов и архивных управлений (в том числе и краевых) должен соответствовать той квалификации, которая установлена для каждой должности номенклатурой Центрахива; необходимо пересмотреть ставки руководящего состава архивных работников с поднятием их до уровня ставок работников других областных учреждений и научных институтов; увеличить на 1936 г. контингент приема студентов Историко-архивного института; заложить в смету 1936 г. отпуск Центрархивом средств на проведение краткосрочных курсов на местах для подготовки и переподготовки архивистов [Декреты... 1935: I–II].

В 1936 г. Саратовское архивное управление по распределению Центрархива получило 4 молодых специалистов, окончивших Историко-архивный институт в Москве. В 1938 г. ЦАУ прислало на работу в Саратовское архивное управление еще 2 специалистов, имеющих высшее архивное образование. В областных архивах в г. Вольск, Балашов, Пугачев таких специалистов не было. Таким образом, квалификация архивных работников в Саратовском управлении все же была недостаточна. Основной состав имел низшее образование. В 1937 г. директора Архива Октябрьской революции и Исторического архива прошли трехмесячные курсы при Центрархиве. В 1938 г. управляющий находился на особых курсах в Ленинграде [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 38–39].

В январе 1936 г. Астраханское отделение обследовалось представителями Саратовского КАУ. На тот момент в Астраханском архиве числилось из 19 человек, из них 12 архивно-технических работников и 5 – обслуживающий персонал. Членов ВКП(б) – 2, ВЛКСМ – 6, по социальному происхождению: рабочих – 15, крестьян – 8, служащих – 1 [ГАВО. Ф. Р-459. Оп.1. Д. 51. Л. 6об., 8об.]. В отчетной документации отмечено: «Коллектив отделения производит хорошее впечатление, работоспособный, дисциплинированный, дружный, но недостаточно квалифицированный в архивном деле» [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 51. Л. 6об., 8об.]. Далее в документе указано, что у заведующего архивом П.И. Усачева авторитета среди сотрудников не было. За 1935 г. не сделано ни одного доклада о состоянии архива, как на бюро горкома, так и на президиуме горсовета [ГАВО. Ф. Р-459. Оп.1. Д. 51. Л. 6об., 8об.].

По отчетной документации общее количество архивных работников Сталинградского края с каждым годом росло: в 1936 г. – 115 работников, в 1937 – 155, 1938 г. – 162. Из общего числа работников лишь трое имели высшее образование [Булюлина 2004: 33]. В октябре 1937 г. Сталинградское областное архивное управление провело 30-дневные курсы для архивных работников из районов. В течение месяца на курсах обучался 61 человек. Учебная программа состояла из 150 учебных часов. Слушались следующие дисциплины: архивное строительство, методика и техника архивного дела, история учреждений, практика по архивному делу, конституция СССР и РСФСР [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 5]. Учебные программы курсов были рекомендованы Центрархивом и согласованы с Обкомом ВКП (б) и Облисполкомом. Преподавательский состав состоял из двух студентов-практикантов 4-го курса историко-архивного института и двух работников Управления, окончивших историко-архивный институт [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 5об.]. Помимо курсов районных архивных работников, Сталинградское областное архивное управление организовало также 2-недельные курсы архивных работников действующих учреждений

г. Сталинграда. Количество слушателей – 43 человека. В Астраханском архиве технической учебой были охвачены не только сотрудники архива, но работники действующих учреждений. Слушателей было 20 человек. В Камышинском архиве техническое обучение прошли 4 человека [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 5об]. Директор Астраханского архива – Н.И. Кузнецов окончил курсы в г. Москве при ЦАУ СССР в 1937 г. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 5–6].

В апреле 1938 г. в Сталинградском областном архивном управлении проводилось обследование инспектором из Москвы, в результате чего выяснилось, что постановка архивного дела в области находится в неудовлетворительном состоянии. Главное же обвинение состояло в том, что «управление архивами не уделяет достаточного внимания подбору кадров политически проверенных работников и очищению архивов от лиц, не отвечающих своему назначению» [Булюлина 2004: 36].

В ЦАУ АССР НП за 1938 г. кантонные курсы по подготовке кадров не проводились ввиду отсутствия денежных средств. Кроме того, в самих кантонах не было желающих ехать на курсы архивных работников из-за низкого оклада. Для архивно-технических работников был организован кружок технического минимума. В кружке занималось 9–10 архивных работников, 3–4 работника действующих учреждений. Кроме того, при ЦАУ проводился инструктаж 20–25 архивных работников действующих учреждений [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4643. Л. 8об].

Вопрос о заработной плате специалистов архивной отрасли в 1920–1930-х гг. оставался насущным, обсуждаемым и волнующим. Так, уполномоченный по делам архивов Саратовской губернии С.Л. Урсынович, отчитываясь в 1921 г. перед Главархивом, отмечал «крайнюю мизерность жалования, платимого сотрудникам Губархива и отсутствие пайков, вследствие чего трудно было набрать полный штат сотрудников, да и состоящие уже на службе под разными предлогами стремятся уйти.... [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3]. Условия жизни в Саратове сильно

изменились к худшему. Распространялись эпидемия и голод. Цена на необходимые предметы потребления в полтора–два раза превышала московскую. Цена черного хлеба доходила до 6 000, 6 500 и даже 7 000 руб. за фунт [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3–4об.]. В 1922 г. заведующий Астраханского губархива получал 200 руб., архивариус – 125 руб., секретарь – 100 руб. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4 л/с. Д. 2. Л. 12].

Столичный инспектор Е.Ф. Сенковский в 1925 г. оценил постановку кадровой работы в Астраханском архивном бюро следующим образом: «Из данных цифр можно судить, насколько слаба квалификация сотрудников... 75 % состава архивных и канцелярских работников не удовлетворяют требованиям архивной работы... Конечно, Губархбюро придется постепенно подбирать более квалифицированных работников, но это будет возможно лишь при условии повышения заработной платы» [Сенковский 1926а: 177]. В 1925 г. архивариус Астраханского архива получает 24 руб. 50 коп., помощник архивариуса 19 руб. 60 коп. Заработная плата считалась мизерной [Сенковский 1926а: 177]. Заведующий Калмыцким областным архивным бюро в 1924 г. получал заработную плату 130 руб. в месяц, научный сотрудник – 55 руб., архивариус-секретарь – 67 руб. [НАРК. Ф. Р-71. Оп.1. Д. 24. Л. 77].

Проведя анализ отчетной документации, мы выяснили, что средняя заработная плата заведующих губархивов Нижнего Поволжья в 1926 г. составляла 150–159 руб., ставка архивариуса равнялась 38,05 руб. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 88; НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 77; ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 11об.]. Для сравнения приведем данные о среднем заработке саратовских рабочих: рабочий цензовой промышленности в 1926 г. получал 49,58 руб., рабочий по обработке шерсти – 31,24 руб., рабочий, занятый в табачном производстве – 76,50 руб. [Соловьева 2014: 63]. Из приведенных данных следует, что в Нижневолжском регионе зарплата архивиста была чуть больше зарплаты рабочего по обработке шерсти.

В 1932–1933 гг. в России был голод. В Нижневолжский край в первом квартале 1932 г. вместо запланированных 355 т растительного масла

поступило 159 т, вместо 1 518 т рыбы – 725 т. Ситуация с поставкой хлеба выглядела так: в августе 1929 г. в Астрахань поставили 2 700 т хлеба, в сентябре – 2 300 т, в марте 1933 г. – всего 620 т хлеба, в апреле – 580 т [Тюрин 2009: 78]. В 1932 г. в Астраханском архиве отмечалась серьезная текучесть кадрового состава. Только за первое полугодие из 15 сотрудников уволилось 9 [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 39]. В отчетах заведующий П.И. Усачев отмечал недостаточность снабжения пайком и товарами, низкий уровень заработной платы. В первом полугодии 1933 г. заработная плата заведующего Астраханского архива составляла – 350 руб., заместителя – 300 руб., старшего архивариуса – 175–200 руб., архивариуса – 140–165 руб., библиотекаря – 175 руб. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 221. Л. 3].

Заведующий Калмыцким областным архивным бюро Н.Н. Пальмов в июле 1932 г. писал одному из бывших партийных работников Советской Калмыкии Х.Б. Канукову: «Получил постановление ОИКа о присуждении мне персонального оклада в 350 руб. (вместо прежних 250) во внимание к долголетней полезной работы в Архбюро. Такая мотивировка особенно радует меня и бодрит. Признание работы, ее пользы, это ведь главное для работника, отдавшего ей себя, скажу прямо всецело» [Письма Н.Н. Пальмова... 1968: 64]. Между тем к зиме 1932 г. ситуация с продуктами питания в Астрахани ухудшилась. Продукты приходилось добывать с трудом, платить за них дорого. Говядина стоила 10–12 руб. за кг, бутылка молока – 4 руб., 400 г масла – 22 руб., воз дров – 200 руб. [Письма Н.Н. Пальмова... 1968: 101]. С 1 июня 1934 г. сотрудникам Калмыцкого архива дали прибавку к зарплате в размере 10 руб. в месяц, согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О подтягивании зарплаты низкооплачиваемых рабочих и служащих в связи с повышением цен на нормированный хлеб». Кроме того, с октября 1934 г. по 1 января 1935 г. сотрудники Калмыцкого архива стали получать паек мукой от горпо Приволжского улуса [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 235. Л. 137].

Заработная плата заведующего Астраханского архива в середине 1934 г. выросла и составляла 500 руб. в месяц, научного сотрудника – 300 руб., старшего архивариуса – 175 руб., младшего архивариуса – 140 руб. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 302. Л. 48].

Материальную обеспеченность архивных работников ЦАУ АССР НП в 1934 г. «можно считать удовлетворительной» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 15об]. При ЦАУ были утверждены следующие ставки: научный сотрудник – 300 руб., библиотекарь – 180 руб., инспектор – 200 руб., архивариус – 136 руб. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 15об.].

В последующие годы нормирование продуктов питания в регионах то вводилось, то отменялось, но перебои с хлебом были частным явлением. Несмотря на то, что заработная плата рабочих и служащих ежегодно увеличивалась, люди отоваривались по фиксированным ценам. Наряду с этим цены на товары, выдаваемые по карточкам, регулярно росли [Тюрин 2009: 80]. С октября 1935 г. была введена свободная продажа мяса, рыбы, сахара, картофеля, в течение 1936 г. отменены карточки на промышленные товары [Директивы 1957: 448–450].

Оклад за месяц заведующего ЦАУ Калмыцкой АССР в 1936 г. составлял 550 руб., научного сотрудника – 240 руб., старшего архивно-технического работника – 200 руб. [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 333. Л. 11об.]. По сведениям о заработной плате работников Сталинградского края за 1936 г. известно, что заведующий Астраханским отделением получал 500 руб., научный сотрудник – 300 руб., старший архивно-технический работник – 175 руб. Ставка заведующего Камышинским отделением составляла 300 руб., старшего архивно-технического работника – 200 руб. [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 60. Л. 2].

Отчетная документация Саратовского областного архивного управления за 1937–1938 гг. показала следующие зарплаты: управляющий – 750 руб., заместитель – 675 руб., директора архивов – 550–600 руб., старший научный сотрудник – 400–450 руб., заведующий библиотекой – 360–475 руб.,

архивно-технический работник – 136–200 руб. По праздникам работники управления получали премии. В отчетах отмечалось, что к 1938 г. уровень заработной платы архивно-технического работника вырос со 136 руб. до 180–200 руб. Повысилась и заработная плата старшим архивно-техническим работникам: с 224 до 250 руб. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 39]. К 1937 г. заведующие областными архивами (Вольск, Пугачев, Балашов) стали получать вместо 281 руб. – 400 руб. Была снижена зарплата директорам АОРа и Истарха с 600 руб. до 550 руб. Связано это было с тем, что администрация Областного архивного управления незаконно установила более высокую ставку данной категории работников вместо 550 руб., установленных СНК СССР [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 39–40].

Уровень жизни в сельской местности был более критичным, чем в городе. Материальное положение и условия труда нижеволжских крестьян были довольно сложными, жизненный уровень сведен до минимума [Тюрин 2009: 86]. Ставка заведующего районным архивом в Саратовской области составляла 129 руб. В связи с чем наблюдалась особенная текучесть рабочей силы в районах. Из 40 человек, окончивших курсы районных архивных работников в 1937 г., 50 % уже ушло с архивной работы в связи с низкой оплатой труда. В некоторых районах заведующих архивами не было, несмотря на директивы ВЦИК и облизполкома по этому вопросу и неоднократные обращения областного архива к райисполкомам [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 44].

На 1 января 1937 г. в улусных архивах Калмыкии ставки архивных работников имелись только в четырех с окладом 139 руб.: Долбанском, Западном, Центральном, Сарпинском. Сведений из других улусов не поступало. Причиной отсутствия архивных работников в улусах, по мнению заведующего Б.Г. Майорова, служили низкая заработная плата и «недостаток культурных кадров на местах в КАССР» [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 333. Л. 12].

Анализ отчетной документации Астраханского архива показал, что к концу 1938 г. в обоих архивах числилось 33 человека (20 – в АОР и 13 в Истархе), что полностью соответствовало штатному количеству имеющихся должностей. По укомплектованию и отбору кадров в Астраханском архиве АОР проверили весь личный состав сотрудников архива, как с точки зрения политической, так и с точки зрения правильного распределения должностных обязанностей, с учетом уровня квалификации и видам архивно-технической работы. Данный вопрос обсуждался на производственном совещании сотрудников архива АОР 16 марта 1938 г. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 48. Л. 11, 43об.]. Заработная плата директора архива составляла 500 руб., старшего научного сотрудника АОРа – 450 руб., старшего научного сотрудника Истарха – 300 руб.; научного сотрудника АОРа – 200 руб., научного сотрудника Истраха – 250 руб.; заведующий библиотекой получал 210 руб., библиотекарь – 175 руб.; оклад старшего архивно-технического работника (АОР и Истарх) варьировался от 175 до 200 руб. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–2].

В 30-е гг. XX в. волна политических чисток достигла небывалых размеров, кроме того, к этой работе подключилось ОГПУ–НКВД. Социальное происхождение заведующего Калмыцким областным архивным бюро Н.Н. Пальмова и заведующего научной частью А.А. Лебединского не соответствовало принципам коммунистической партии, поскольку оба сотрудника бюро происходили из семей священнослужителей. Однако оба работника продолжили свою трудовую деятельность в архиве, поскольку в молодой автономной области не хватало профессиональных кадров в сфере архивного дела [Манджикова 2022: 57]. В связи с 10-летием автономии Калмыкии руководство области представило профессора Н.Н. Пальмова к награждению и направило соответствующие документы в Москву, откуда незамедлительно последовало распоряжение о «вычищении буржуазного специалиста» [Матвенов 2011: 409–410]. 25 марта 1931 г. президиум облисполкома вынес постановление: «1. Ввиду наличия материалов о

прошлой реакционной деятельности проф. Пальмова возбудить перед Президиумом ВЦИК ходатайство об отмене представления Пальмова к награждению орденом Трудового Красного Знамени. 2. Снять проф. Пальмова с должности зав. Калмархивбюро, поручив Совкультстрою подыскать на указанную должность соответствующего кандидата». Тогда в защиту ученого выступили видные партийные деятели Калмыкии [Матвенов 2011: 410; Джалаева 2003: 59]. Профессор Н.Н. Пальмов продолжил работу в архивном бюро, но многолетняя работа без отдыха, постоянная материальная нужда отрицательно сказались на его здоровье. 11 февраля 1934 г. Пальмов умер по дороге на работу [Матвенов 2011: 410].

После смерти Н.Н. Пальмова Калмыцкое архивбюро возглавил член ВКП(б) Бадма Гаряевич Майоров, который одновременно являлся представителем Калмыцкой области при Астраханском горсовете [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 245. Л. 15]. Он был участником Гражданской войны, партийным активистом [Архивная летопись 2006: 59; Манджикова 2022: 71]. Будучи руководителем архивной службы Калмыкии, Б.Г. Майоров заботился об открытии улусных архивов. В сентябре 1934 г. было положено начало организации Приволжского улусного архива, и «получено согласие на открытие, и финансирование архивов еще в 4-х улусах» [Архивная летопись 2006: 60]. В этом же году от архивного бюро обратилось ко всем улусным исполнительным комитетам (далее – УИК) Калмыцкой области о необходимости включения в сметы 1935 г. расходов на содержание улусных архивов. Состав архивов определялся в 2 штатные единицы (заведующий архивом и архивариус) [Архивная летопись 2006: 60].

Вопрос о расширении штатов Калмыцкого архива также заботил Б.Г. Майорова. Ежегодно в сметы включались расходы на должность разъездного инструктора. Наконец с 1 июля 1936 г. в штат была введена должность разъездного инструктора [Архивная летопись 2006: 60]. Одновременно Б.Г. Майоров добивался в ЦАУ приезда профессионального архивиста, который укрепил бы деятельность архива в научных

исследованиях. В ноябре 1937 г., в результате его неоднократных обращений, в Калмыцкий архив прислали выпускника историко-архивного института К.А. Христенко [Архивная летопись 2006: 60]. Однако Б.Г. Майорова не обошла стороной волна репрессий. 27 октября 1937 г. он был снят с должности как «буржуазный националист» и исключен из партии, но через два года восстановлен в рядах ВКП(б) [Архивная летопись 2006: 61].

Таким образом, если в первой половине 1930 гг. калмыцким архивистам удалось избежать политических «чисток» в лице профессора Н.Н. Пальмова, то проверенному партийному работнику Б.Г. Майорову повезло значительно меньше. Возможно, причиной этому стали разногласия Б.Г. Майорова с первым секретарем Калмыцкого обкома ВКП (б) И.Н. Карповым по вопросу переезда архива из Астрахани в Элисту и подбора помещения под архив в Элисте [Манджикова 2022: 77].

Научный сотрудник Астраханского архива Е.Н. Яхонтов в 1937 г. был снят с работы за «допущенную политическую ошибку в публикации архивных документов» [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 4]. Библиотекарь этого же архива Е.В. Нефедьева была уволена августе 1936 г. «как чуждый элемент» [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 8 об]. Предположим, что увольнение Елизаветы Виссарионовны связано с ее происхождением, до революции она была женой священнослужителя. К 1936 г. Нефедьева все еще оставалась беспартийной, своего происхождения не скрывала, о чем и написала анкетном листе [ГААО. Ф.Р-2779. Оп. 4. Д. 52. Л. 22].

В Камышинском отделении Сталинградского краевого архива в 1935 г. произвели замену заведующего Жукова по причине несоответствия своему назначению, и на его место по рекомендации партийных органов был поставлен новый заведующий – Тынянов [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 38. Л. 2].

Бывший инспектор ЦАУ АССР Немцев Поволжья Михайлов был арестован в 1937 г. органами НКВД как враг народа [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4191. Л. 1]. Из выводов по обследованию состояния архивного дела АССР НП читаем: «В результате отсутствия критики и самокритики имеется на

лицо семейственность» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4191. Л. 1]. Далее в документе указано, что в республиканском архиве работала сестра упоминаемого выше врага народа инспектора Михайлова. Кроме того, в должности научного работника находился некий Попович, а в качестве младшего научного работника работала его жена Чаплыгина [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4191. Л. 1].

В 1933 г. был арестован управляющий Сталинградским краевым архивным управлением Н.А. Синеоков. Вместо него назначили нового управляющего – Т.М. Серегина. До революции он работал разнорабочим на предприятиях Саратова и Царицына, в 1917–1922 г. служил в Красной армии, позже занимался партийно-хозяйственной работой. С 1932 г. являлся заместителем управляющего Нижне-Волжским краевым архивным управлением. За 5 лет руководства Т.М. Серегину удалось сделать для архивной отрасли края немало: упорядочение документов и комплектование архивов, подбор кадров, организация районных архивов. Он лично совершал поездки по районам и добивался от райисполкомов выделения помещений под архивы и штатного сотрудника. Архивохранилище самого архивного управления находилось в непригодном помещении, и Т.М. Серегин не раз ставил вопрос о предоставлении помещения перед крайкомом и крайисполкомом, обращался в ЦАУ РСФСР. В 1938 г. он был репрессирован. В работе исследователя Е.В. Булюлиной изложены три версии произошедшего. По одной из версий «в вину Серегину и его коллегам ставилась работа по тематическому выявлению документов, начатая архивами по распоряжению ЦАУ в 1930 г. Кроме того, Т.М. Серегина обвиняли в том, что архивохранилище краевого архивного управления находится в непригодном подвальном помещении, хотя именно Т.М.Серегин постоянно и безуспешно пытался решить эту проблему в краевых (областных) органах власти» [Булюлина 2004: 34–35]. В июле 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР осудила Т.М. Серегина «как

активного участника антисоветской правотроцкистской террористической организации» [Булюлина 2004: 36].

В докладной записке о положении архивного дела в АССР НП за 1934 г. указано, что Управляющий ЦАУ И.Г. Вихман вникал во все детали работы сотрудников, лично выполнял массу дел, подавая сотрудникам пример исключительной преданности делу и работоспособности. Кроме должности Управляющего ЦАУ И.Г. Вихман занимал должность заведующего Партийным архивом (далее – партархив). Пользовался высоким авторитетом у сотрудников [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 5]. Но в 1938 г. годовой план ЦАУ АССР Немцев Поволжья выполнило лишь на 50 %. Связано это было с тем, что И.Г. Вихман почти 6 месяцев находился на больничном, затем в отпуске, по возвращении из отпуска к работе не приступал, так как был снят с занимаемой должности. Заместитель управляющего Д.К. Шульд, замещающий И.Г. Вихмана, не справился с работой, поскольку «не имел понятия даже по самым элементарным вопросам архивного дела» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4643. Л. 8об.].

Среди руководящего кадрового состава архивной отрасли Нижневолжского региона встречались и относительно «благополучные» личности. Таковым являлся управляющий Саратовским краевым архивным управлением в 30-е гг. XX в. – Николай Кузьмич Козлов. Рабочий, член ВКП(б), занимал одновременно три должности: непосредственно руководил архивным Управлением, являлся председателем Истпарта и заведующим партархива. В момент назначения на должность Н.К. Козлов не имел ни знаний, ни опыта в области архивного дела. Между тем архивное дело в Саратовской области досталось ему в «состоянии крайней запущенности». Краевой архив представлял собой хаотичное скопление материалов по причине принудительной переброски архива из бывшего обширного помещения в тесное, на 30–40% меньшее по площади и совсем непригодное для хранения материалов. Квалифицированных сотрудников Н.К. Козлову не досталось. В докладной по обследованию Управления инспектором ЦАУ

указано, что Н.К. Козлов «не смог охватить все стороны работы обширного краевого архивного аппарата и выпустил из-под контроля те или иные участки работы» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 18об.]. В результате, в 1934 г. произошла крупная денежная растрата, сопровождающаяся бегством растратчиков: заместителя Н.К. Козлова и бухгалтера [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 18об.]. Однако сей факт инспектором ЦАУ во внимание не брался, и далее в обзоре сообщалось, что Н.К. Козлов сумел проделать большую организационную работу: усилил количественно штат архивных работников, провел размежевание фондов на АОР и Истарх, провел мероприятия в направлении агитационно-массовой работы. Все это происходило в трудный период 1933–1934 гг., когда из состава Нижне-Волжского края выделили в самостоятельные административно-территориальные единицы Саратовский и Сталинградские края [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 19].

В 1938 г. в Саратовском областном архивном управлении имели место частые случаи появления на работу в нетрезвом виде директора Истарха Трофимова. Появление в нетрезвом виде на занятиях на курсах райархивов в Вольске в 1937 г. инспектора Управления (он же директор курсов) Анисимова. В отчете за этот год указано, что политико-моральное состояние личного состава за этим исключением можно считать удовлетворительным. Повышение заработной платы в 1938 г. создало возможность подбора квалифицированных кадров [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 45].

В период с мая 1930 г. по апрель 1936 г. Астраханским архивом заведовал журналист по образованию, член ВКП(б) Петр Иванович Усачев, хорошо известный астраханским краеведам. Работая в архиве, П.И. Усачев активно занимался научно-исследовательской работой. Именно он стал первым исследователем рода Ульяновых [Марков 1983: 76]. С целью исполнения постановления ВЦИК «О положении архивного дела на местах» от 10 июня 1931 г. П.И. Усачев попытался обратить внимание вышестоящих органов на состояние дел в бюро, и тем самым добился двух обследований.

Первое обследование было в конце июня 1931 г. комиссией, состоящей из членов Астраханского оперативного сектора ОГПУ и члена Городского совета. Второе – в сентябре того же года ведомственной комиссией РКИ по чистке советского аппарата. По результатам обследований обе комиссии признали необходимым увеличить штат и оклады сотрудников отделения, а также обеспечить нормальные условия труда. Однако согласно отчетной документации П.И. Усачева «штат сотрудников и их оклады остались без изменения» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 3об.].

В январе 1932 г. служащие архивбюро обратились в городской отдел охраны труда с письменной просьбой провести обследование условий работы в помещении архива на улице Халтурина. Температура воздуха в данном помещении составляла всего 5 градусов [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 221. Л. 1]. При посещении бюро санитарный инспектор предписала провести электрическую проводку в архивохранилища, увеличить количество стеллажей и повесить стенной термометр. В ответном письме в городской исполком П.И. Усачев написал: «санитарный инспектор самого главного и самого ужасного в нашем санитарно-гигиеническом положении не увидел... что, у нас в архивохранилищах можно волков морозить, то что у нас не исправны печи, то что у нас отравленный от прелой бумаги воздух, что мы как ни кто другой подвержены заболевания туберкулеза, ревматизма и проч. болезней» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 221. Л. 3].

В марте 1932 г., по обращению П.И. Усачева, в городском архивбюро была проведена проверка представителями из прокуратуры и городского КК РКИ. В ходе проверки выяснилось, что архивные помещения не оборудованы электропроводкой; сотрудники пользовались керосиновыми лампами, что запрещено архивными правилами; отопление в помещениях отсутствовало, имелись выбитые стекла на окнах, крыша дала течь. Температура воздуха составляла 4 градуса по Цельсию [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 221. Л. 10–14]. В итоге, благодаря настойчивости и упорству П.И. Усачева в помещении бывшей Никольской церкви, где в 1930-е годы располагался архив, был

организован ремонт, проведено электричество, завезено архивное оборудование [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 55]. Наряду с этим, в отчетной документации П.И. Усачев неоднократно отмечал недостаточность снабжения пайком и товарами, низкий уровень заработной платы [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 221. Л. 3]. Ю.С. Чуйков писал об Усачеве так: «Он человек своего времени, верно служивший тем идеям, которые считал правильными» [Чуйков 2010: 23]. Несомненна заслуга Усачева в том, что он сохранил много ценных документов и воспоминаний, которые сегодня помогают нам понять, что же происходило тогда с нашей страной и людьми [Чуйков 2010: 23].

15 июня 1936 г. на его должность руководителя Астраханского архива был назначен Григорий Михайлович Алексеев, который служил в архиве последние 10 лет и почти все время службы заведовал секретной частью [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 53]. В должности директора Г.М. Алексеев продержался чуть меньше 1 года. В феврале 1937 г. Алексеев был уволен с места руководителя архива за допущенную политическую ошибку, выразившуюся в продаже на обертку газет, в которых находились статьи врагов народа [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 4]. Более детальное подтверждение мы нашли в монографии Т.И. Хорхординой, где указано директор Астраханского архива Г.М. Алексеев продал лишние газеты как макулатуру, а в нескольких газетах оказались статьи Троцкого, за что директор был немедленно отстранен от своих обязанностей [Хорхордина 1994б: 232].

Приказом Сталинградского областного архивного управления (далее – СОАУ) №10 от 8 февраля 1937 г., новым директором Астраханского архива стал Николай Иванович Кузнецов [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 4. Д. 206. Л. 1]. В 1931 г. Кузнецов окончил отделение партийной пропаганды при Окружной Советской партийной школе 2-й ступени в Астрахани. Преподавал обществоведение в школе фабрично-заводского ученичества, на рабочем факультете при Астраханском техническом институте рыбной

промышленности и хозяйства. Позже работал в Камызякском районном комитете ВКП (б), был членом бюро райкома, секретарем парткома Управления флота, инструктором по партпросвещению при Астраханском консервном комбинате им. Микояна. При Н.И. Кузнецове в течение всего 1937 г. была развернута сеть курсов и кружков [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 4. Д. 206. Л. 4].

Зимой 1938 г на должность заведующего Окружным архивным управлением был рекомендован Николай Васильевич Орлов. Орлов являлся членом ВЛКСМ, в архивной отрасли работал с ноября 1937 г. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 60. Л. 1].

Анализ отчетной документации показал: к концу 1938 г. в обоих архивах числилось 33 человека, что полностью соответствовало штатному количеству имеющихся должностей. Весь личный состав сотрудников архива был проверен, как с точки зрения политической, так и с точки зрения правильной расстановки сил, с учетом уровня квалификации и видам архивно-технической работы. На производственном совещании сотрудников архива АОР 16 марта 1938 г. приняли решение «расстановку сил признать правильной» [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 48. Л. 11, 43об.].

Подводя итоги, следует отметить, что в 1920-х гг. все кадровые изменения в архивной отрасли Нижневолжского региона были продиктованы партийной принадлежностью. Начиная с 1924 г., на руководящие должности в государственные архивы назначались исключительно члены ВКП(б). Многие из них имели низшее образование, некоторые из них до службы в архивах работали в структурах ОГПУ и ВЧК. Архивисты с дореволюционным стажем работы оказались не угодны новой советской власти, а их знания и опыт не нужны. В 1930-е гг. волна политических «чисток» в архивах достигла небывалых масштабов. Факт полного подчинения архивов системе государственного устройства был замечен и на местах. Структурами ОГПУ–НКВД своевременно проведены все кадровые

замены, проверено и оценено «политико-моральное» состояние коллектива каждого из государственных архивов Нижнего Поволжья.

В отношении образования архивных работников Нижневолжского региона выяснилось, что в архивы шли работать люди, не имея специального образования и квалификации. Главными проблемами архивной отрасли Нижневолжского региона оставались текучесть кадрового состава и низкая заработная плата. В связи с чем, архивные работы выполнялись небрежно, с отставанием от планов.

Таким образом, постановка кадровой работы в государственных архивах Нижнего Поволжья полностью соответствовала политическим реалиям 1920–1930-х гг.

ГЛАВА 2. КОМПЛЕКТОВАНИЕ И СОХРАННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1918–1938 гг.

2.1. Комплектование государственных архивов

Одним из основных направлений в работе архивного учреждения является комплектование. Под данным термином понимают систематическое пополнение архива документами в соответствии с его профилем и действующим законодательством [ГОСТ 1998: 4].

В архивоведческой литературе термин «комплектование» появился в конце 50-х гг. XX в. До этого архивисты использовали понятия «выявление и учет фондов», «концентрация фондов», «собираание архивных фондов». Главная цель комплектования – наиболее полная концентрация документов, относящихся к профилю каждого архива. Работа по комплектованию архива состоит из нескольких этапов: установление профиля архива; определение источников комплектования; определение состава документов, подлежащих хранению в архиве; организация комплектования. Среди них важным этапом является деятельность по определению источников комплектования. Источники комплектования – это учреждения или лица, непосредственно передающие документы в государственные или ведомственные архивы. Научно обоснованные критерии определения источников комплектования архивов сложились только к 1960-м гг. [Алексеева 2007: 77].

После революции очень важно было сохранить документы местных учреждений. В связи с этим Народный комиссариат юстиции разослал в декабре 1917 г. циркулярные телеграммы губернским комиссарам о необходимости принятия мер для спасения архивов ликвидированных учреждений. Архивы ликвидированных учреждений в этот период в большинстве своем оказались беспризорными, сваленными на чердаках и в подвалах [Крайская 1962: 229–230].

Однако в ряде губерний в 1918 г. архивы ликвидированных учреждений почти не пострадали. Так было и в Астраханской губернии.

Большинство архивов (губернского правления, казенной палаты, судебный, нотариальный, городской полиции и др.) остались в прежних помещениях. Архив канцелярии губернатора и дворянского собрания были сложены в беспорядке, но сохранились без потерь. Архив жандармского управления и консистории пострадали частично. Уничтожен был лишь архив Астраханского биржевого комитета [Крайская 1962: 231].

В Саратовской губернии до революции действовала Саратовская ученая архивная комиссия (СУАК). Комиссия была открыта в 1886 г. Самым важным достижением в деятельности комиссии являлось создание музея, библиотеки и архива [Майорова 1997: 12–19]. Хранителем архива, а затем и председателем комиссии был В.П. Соколов. В архиве СУАК хранилось свыше 30 тыс. дел [Макарихин 2004]. Именно архив СУАК послужил основой для формирования фондов Государственного архива Саратовской области. С первых дней своего существования комиссия получала дела от ликвидированных организаций. Значительную часть документов комиссия приняла в период 1917–1918 гг. В 1920 г. СУАК прекратила свое существование и была преобразована в общество истории, археологии и этнографии, в 1923 г. – в Нижне-Волжское научное общество краеведения. В 1927 г. исторический архив общества в количестве 200 тыс. ед. хр. был передан на хранение в Саратовский губархив. В 1930 г. Нижне-Волжское научное общество ликвидировали [Майорова 1997: 17].

Начало исследованию истории и организации ведомственных архивов Саратовской губернии было положено известным саратовским архивистом А.А. Гераклитовым, находившимся с 1908 г. на должности хранителя архива СУАК и проанализировавшим состояние архивов губернии [Кошелева 2008а: 32]. Отдельными помещениями, приспособленными под хранение архивов Саратова, обладали губернское правление, присутствие, казенная палата, дворянское депутатское собрание и др. В штатах учреждений Саратовской губернии имелись должности архивариусов и помощников архивариусов. Зачастую, условия хранения документов в ведомственных организациях

Саратовской губернии не всегда «отвечали требованиям Общего учреждения губернского», документы хранились в не отапливаемых, сырых помещениях. Многие архивы не имели собственных помещений и располагались в арендуемых самими учреждениями частных домах, комнатах или квартирах [Кошелева 2008а: 33]. Исследователь Е.Ю. Кошелева считает, что порядок хранения архивных дел в дореволюционных учреждениях Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв. стал одним из факторов, существенно повлиявших на формирование состава дореволюционных фондов Государственного архива Саратовской области. Можно также предположить, что многие документы дореволюционных учреждений утрачены в ходе «народных волнений» 1905–1906 гг. и в 1917–1918 гг. Однако именно условия хранения предопределили современное наполнение архивных фондов большинства этих организаций ГАСО [Кошелева 2008а: 37].

Предполагалось, что Саратовское губернское архивное управление станет основным хранилищем документальных материалов учреждений Саратовской, Астраханской, Самарской и Уральской губерний [Чернов 1940: 124]. В связи с этим представители Саратовского губархива в 1919 г. занялись обследованием архивов бывших дореволюционных учреждений Саратова и Астрахани, что подтверждается документальными источниками. Из отчета Уполномоченного В.И. Веретенникова (март 1919 г.) узнаем, что архив съезда мировых судей помещается в здании народного суда в особой комнате, но не безопасной от расхищения. Там же помещается канцелярия местного судьи. О внутреннем состоянии архива справки получить не удалось. Состояние архива В.И. Веретенников оценивал как угрожающее [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 97. Л. 18]. Положение архива Саратовского народного суда В.И. Веретенников оценивал как небезопасное, поскольку сам архив был разделен на 3 части: архив судебных установлений, архив окружного суда и неизвестная часть. Первые две части находились в сухих подвалах, оборудованных полками и стеллажами. На дела имелись описи и алфавиты. Неизвестная часть архива народного суда была закрыта под

замком, который невозможно было открыть и даже сломать [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 97. Л. 21–21об.]. В июле 1919 г. В.И. Веретенников сообщил в ЦАУ, что архив казенной палаты Саратовской губернии датируется 1858–1918 гг. В архиве содержались «дела ревизские, хозяйственное управление казенной палаты с личным составом служащих, отчеты о деятельности казенной палаты, дела о пенсиях, дела о гербовых знаках, секретные дела, формулярные списки» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 97. Л. 14–14об.]. В 1919–1920 гг. в Саратовском губархиве закончили обследование и взятие на учет ведомственных архивов. Началась работа по концентрации фондов. Саратовский губисполком разослал в уезды письма, разъясняющие основные положения декрета от 1 июня 1918 г. [Крайская 1962: 244].

В июне 1919 г. по заданию В.И. Веретенникова осмотром ведомственных архивов в Астрахани занялся профессор Астраханского университета К.Ф. Буткевич [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 89. Л. 58об.]. Константин Феодосьевич Буткевич был приглашен в Астрахань из Петербурга в декабре 1918 г. на должность профессора кафедры русской истории, организуемого в то время Астраханского государственного университета [Бородина 2016: 80–83]. Из документов узнаем, что в архив Астраханского Успенского собора никого не пускали, но К.Ф. Буткевич сумел добиться разрешения его осмотра вместе с комиссией по отделению церкви от государства, которая осматривала все храмы г. Астрахани [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 97. Л. 47]. Дополнительных сведений об архиве Астраханского Успенского собора нами в документах не обнаружено. Об архиве Астраханской духовной семинарии К. Ф. Буткевич в своем донесении сообщал, что архив и библиотека духовной семинарии очень пострадали. Часть их перевезена в Университет. Там имелись ценные и старинные издания, книги, которые печатались в Польше и Западном крае, в последствии увезены из Астрахани Польской комиссией. Часть книг разошлась по разным инструкторским курсам, а часть попала в Клуб красных моряков [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 97. Л. 49].

Приказ Астраханского губисполкома от 8 февраля 1921 г. № 8, обязывал учреждения, исполкомы и частные лица об довести до сведения заведующего Губархивом о местах размещения ведомственных и частных архивов, их приблизительном составе, количестве дел, хронологических рамках [ГААО. Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 13. Л. 4]. Начало архивной работе было положено с запроса заведующего И.И. Солосина в Губисполкоме списка всех губернских учреждений, ликвидированных и действовавших в первые годы советской власти в Астраханской губернии. Далее Губархивом были направлены предписания бывшим губернским учреждениям с необходимостью дать отчет о состоянии их архивов [ГААО. Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 13. Л. 4].

Постепенно в Астраханский Губархив стали поступать ответы. Из Народного комиссариата Астраханской таможни доложили, что в настоящее время архив находится в небольшой комнате жилого помещения таможни. В архиве хранятся дела с 1745 г., в которых имеются распоряжения циркулярного характера, проекты и сметы зданий для таможни, документы о мероприятиях карантинно-таможенного надзора и др. Ведение архива подчинено особым установленным правилам об архивах по таможенному ведомству [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 11. Л. 10]. В 1926 г. документы архива Астраханской таможни был переданы на хранение в Губархивбюро [ГААО. Дело фонда Ф. 681]. В 1921 г. из управления Тинакской грязелечебницы сообщили что, архивные дела учреждения ежегодно сдавались в губернскую земскую управу. Однако во время революции не сданные книги и дела использовались солдатами как бумага для сигарок. От старого архива остались корешки разных талонных книжек, старые больничные книжки по лечению больных. Управление Тинакской грязелечебницей просило И.И. Солосина оставить архив при грязелечебнице и разрешить «за неимением бумаги пользоваться корешками талонных книжек для контроля выдачи хлеба, обедов и ужинов, а делами, как справками-формами» [ГААО. Ф. Р-2779 Оп. 2. Д. 11. Л. 42]. В 1923 г. архив Тинакской грязелечебницы был

принят на постоянное хранение в Губархивбюро одновременно с фондом Приказа общественного призрения, в ведении которого он находился до революции [ГААО. Дело фонда Ф. 26].

Помимо переписки с учреждениями И.И. Солосин лично занимался осмотром ведомственных архивов. В первую очередь им были осмотрены самые крупные архивы: архив бывшего губернского правления, архив управления калмыцким народом, архив жандармского управления, архив канцелярии губернатора и несколько других. При обследовании архивов давались соответствующие указания о хранении и о необходимости приведения их в порядок [ГААО. Ф. Р-2779 Оп. 2. Д. 10. Л. 2]. В 1920 г. И.И. Солосиным было осмотрено и принято на учет 6 архивов с дореволюционными фондами. В 1921 г. к ним прибавилось еще 10 архивов. [ГААО. Ф. Р-2779 Оп. 2. Д. 44. Л. 2]. Для выяснения о состоянии архивов в уездах И.И. Солосин в 1921 г. осуществлял выезды в города Красный Яр и Черный Яр Астраханской губернии. По фактическому состоянию дел оказалось, что в Черном Яру все архивы оказались погибшими во время Гражданской войны, в Красном Яру были приняты на учет два уцелевших архива [ГААО. Ф. Р-2779 Оп. 2. Д. 44. Л. 1 об].

24 июля 1923 г. последовало обязательное постановление Астраханского губисполкома, согласно которому на губархивбюро возлагалось общее руководство постановкой архивной части и архивного делопроизводства в правительственных учреждениях г. Астрахани и губернии. Далее всем ведомственным учреждениям было рекомендовано привести в порядок собственные архивы и подготовить к сдаче в губархивбюро дела 1917, 1918 гг. Обо всех архивах дореволюционного периода, не сданных еще в губархивбюро, надлежало немедленно поставить в известность для принятия их на учет [ГААО. Ф. Р-2779 Оп. 2. Д. 11. Л. 108]. К концу 1923 г. на учете Астраханского губархивбюро состояли 32 архива в Астрахани и 4 в уездах. В течение 1924 г. параллельно с приемом архивов дореволюционного периода шла работа по разборке и описанию

поступивших в Бюро архивов советских учреждений: Губернского суда, канцелярии Губисполкома. Всего разобрано около 100 вязок, в них свыше 2000 дел [ГААО. Ф. Р-2779 Оп. 2. Д. 36. Л. 47, 57].

В 1920 г., докладывая в ГУАД о деятельности Астраханского губархива, И.И. Солосин отмечал, что им были осмотрены архивы, находящиеся в городе Астрахани, в том числе и архив бывшего Управления калмыцким народом, имеющий дела с начала XVIII в. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 10. Л. 2]. В 1921 г. И.И. Солосин повторно обратился в Главархив с просьбой разъяснить ситуацию в отношении архива Управления калмыцким народом. Кроме того, на территории Калмыцкой и Киргизской областей в Астраханской губернии могли оказаться и другие учреждения, имеющие архивы. В чем подчинении должны находиться архивы этих областей? Должны ли относиться к Губархиву? Или являются совершенно независимыми от него или нет? Все эти вопросы И.И. Солосин направил письмом в ГУАД, где просил разъяснений [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 11. Л. 47].

Однако (как мы писали выше) в 1921 г. властями Калмыцкой автономной области была создана архивно-музейная секция, которая в 1922 г. реорганизована в Калмыцкое областное архивное бюро. Основой для создаваемого архива послужил бывший архив Управления калмыцким народом – административного, исполнительно-распорядительного органа управления Калмыцкой степью Астраханской губернии до 1917 г [Санджиева 2003: 261]. По сведениям на 1924 г. в Калмыцком областном архивном бюро находилось 5 фондов. Архивный материал распределялся по разделам: дела исторического отдела за 1713–1836 гг., дела улусные за XIX–XX вв., новые дела с 1836 г. по 1890 г., новейшие дела с 1890 г. по 1917 г., дела революционной эпохи, подлежащие хранению в политсекции [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 67, 69об.]. Подобное разделение архивных дел было введено заведующим Н.Н. Пальмовым.

Из переписки Калмыцкого областного архивного бюро с улусными исполнительными комитетами по вопросам комплектования за 1923 г. стало ясно, что почти во всех улусах, начиная с 1920 г., велось делопроизводство. Так, Калмыцко-Базаринский улусный исполком сообщил, что имеющиеся архивные дела сложены в помещении исполкома, но находятся в страшном беспорядке. В Ремонтненском исполкоме напротив исправно вели делопроизводство, соблюдая «порядок соединения бумаг» [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 21. Л. 7, 20]. К началу 1923 г. Большедербетовский архив был разгромлен, в Манычском и Багацохуровском улусах документы погибли полностью, в Икицохуровском улусе уничтожены документы за 1922 г., в Малодербетовском и Хошеутовском улусных архивах сохранились документы только с 1920 г. [Манджикова 2022: 50–51].

Работа по комплектованию фондов Царицынского губархива началась с 1923 г., когда в газете «Борьба» было опубликовано постановление Царицынского губисполкома «О выяснении состояния архивного дела в Царицынской губернии». В документе отмечено, что все учреждения и организации должны в двухнедельный срок предоставить в бюро сведения о своих архивах с приложением описей. Ликвидируемые учреждения должны сдать свои документы в Бюро сразу же после ликвидации. Уездные и волостные исполкомы были обязаны вести учет архивных фондов и предоставлять сведения о них в бюро. В период января по декабрь 1923 г. Царицынским архивным бюро было издано несколько распоряжений относительно архивного дела в губернии. Среди них «О передаче в архивный фонд Царгубархивбюро архивного материала дореволюционного времени и ликвидируемых в советское время учреждений, хранящегося в учреждениях и у лиц», «О воспрещении передачи архивного материала без ведома Губархивбюро», «Об учете архивов, охране и хранении таковых в Царицынской губернии» [Буллюлина 2004: 13].

Изначально архивные работники получали доступ к архиву учреждения, затем заполняли на него регистрационную карточку. В карточке

был указан адрес учреждения, время создания архива, состояние архива и помещения. Если архив учреждения находился в неудовлетворительном состоянии, то архивных работник обязан был найти возможности по перевозке этого архива в «безопасное место, привлекая к этому «советские органы» [Булюлина 2004: 13]. Таким образом, к концу 1923 г. Царицынским архивистам удалось сконцентрировать в бюро 48 фондов. Среди них архивы Благочинного Старо-Успенского собора в г. Царицыне, Царицынского уездного полицейского управления, атамана Войска Донского, Царицынского отделения Саратовского губернского жандармского управления и других ведомственных учреждений [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 601. Л. 43об.]. 4 марта 1926 г. прошла 1-я конференция архивистов Сталинградской губернии. В выступлениях руководителей окружных архивных бюро единодушно отмечалось, что важным достижением в работе стало начало сдачи ведомствами в архивы документов в упорядоченном виде [Булюлина 1995: 77].

К моменту образования архивного бюро АО НП (1923 г.) в Покровске, недавно превратившегося из слободы Покровской в административный центр региона, не успели создать архивных учреждений и тем более архивных комиссий [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 558. Л. 2]. В связи с отсутствием у архива помещения, концентрация документов в 1923 г. была невозможна. Поэтому действия сотрудников архивного бюро были направлены на сохранение архивов кантисполкомов. В частности, кантисполкомам было предписано создать у себя временные архивные центры и взять весь архивный материал на учет. Также в кантисполкомы были разосланы основные правила приема и сдачи архивного материала, даны указания относительно сдачи архивов в бюро [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 558. Л. 2–2об.]. Концентрация архивного материала в Центральном архивном управлении АССР НП началась с 1924 г., когда архиву отвели 3 комнаты на одном из этажей ЦИКа. В этот год в архив поступило 95 фондов архива

Октябрьской революции (АОР) и 27 фондов дореволюционного периода [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 5].

Из отчета Саратовского губархивбюро узнаем, что к концу сентября 1924 г. в губернских архивохранилищах был сконцентрирован 501 фонд, в уездных – 113 фондов [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 811. Л. 1.].

Очерк столичного инспектора Е.Ф. Сенковского представил нам следующую картину: работа Астраханского губархивбюро велась по трем основным направлениям – организационному, выявлению и учету архивных фондов, приведению архивных материалов в порядок. Инструктирование учреждений в постановке архивной части не проводилось. Наличие одного инструктора и недостаточная подготовка остальных сотрудников не позволяла губархивбюро серьезно заниматься этой работой. Выявление и учет фондов проводилось по актам, согласно форме, указанной Центрархивом. К концу сентября 1925 г. астраханскими архивистами было учтено 116 фондов, из которых – 61 дореволюционный и 55 пореволюционных [Сенковский 1926а: 178].

У сталинградских архивистов на систематизацию и обработку дел не хватало рабочих рук и времени. Но постепенно они занялись и этой работой. Архивистами была разработана инструкция о приеме, учете и размещении архивного материала, согласно которой работу с фондом начиналась с предварительного ознакомления с ним (кому принадлежали документы, имелась ли систематизация дел и пр.). После этого дела записывались в карточки, которые систематизировались по хронологии, по структуре учреждения. Из карточек составлялась опись, после этого из дел формировались связки, которые помещались на стеллажи в хранилища. В начале 1925 г. Сталинградское губархивбюро смогло сконцентрировать у себя 177 фондов, что повлекло расширение архивных площадей [Булюлина 2004: 18].

Основными задачами архивного бюро АССР НП в период 1924–1925 гг. было установление тесной связи с учреждениями, как в центре, так и

с кантонами, формирование рекомендаций в отношении хранения и сдачи архивных материалов, а также налаживание постоянного хода поступлений документов в архивохранилища бюро. В 1925 г. архивном бюро АССР НП удалось сконцентрировать 44 фонда дореволюционного периода и 123 фонда АОРа [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 5–5об.].

Калмыцким архивистами к концу 1925 г. от учреждений принято 23 фонда дореволюционного периода и 24 фонда Архива Октябрьской революции [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 63об.].

1925 г. был знаменателен для архивной отрасли тем, что Центрархив РСФСР утвердил Положение об организации Единого государственного архивного фонда РСФСР [Сборник... 1961: 109] (далее – ЕГАФ). Согласно Положению весь ЕГАФ был разделен на две части по хронологическому признаку: на документы дореволюционного периода (Исторические архивы) и документы пореволюционного периода (Архивы Октябрьской революции). Разграничительной датой стало 1 января 1917 г. [Чернов 1940: 149].

В 1926–1927 гг. в Сталинградском губархивбюро все фонды смогли распределить на исторический период и период Октябрьской революции, а также разбить по секциям: военно-морская, культура и быт, народное хозяйство, политика и право [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 1].

Из отчета Заведующего ЦАУ АССР НП М.Ф. Пискунова за 1925–1926 гг. узнаем, что архивохранилищах управления имеются фонды как дореволюционного, так и советского периода, приблизительно в равном количестве. Фонды АОР распределены по секциям ЕГАФ. Фонды дореволюционного периода не распределены и не проверены. К проверке приступали не раз, но приходилось ее не раз прерывать по причине зимних холодов и наводнения [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 51].

К концу 1927 г. специалистами Астраханского губархивбюро была почти закончена организация Исторического архива и Архива Октябрьской революции [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 11об.]. Фонды распределили по секциям: политика и право, народное хозяйство, культура и быт, архив

Красной армии, архив церквей и монастырей [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 12].

При проверке регистрационных карточек, присланных Калмыцким областным архивным бюро в Центрархив, выяснилось, что принятое бюро деление фондов противоречило установленному делению на секции, а само понятие «фонд» понималось неправильно. Поэтому Центрархив дал указания перераспределить все фонды на исторический и пореволюционный периоды, а внутри – разделить материалы на секции. В мае 1926 г. Калмыцкое архивное бюро проинформировало Центрархив, что они разделили архивные материалы на фонды и образовали секции в Истархе и АОРе [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 41. Л. 34, 35].

Общее количество фондов в ЦАУ АССР НП к 1926 г. выявлено не было. В отчетах указана приблизительная цифра – 1 000 фондов, которая объединяла дореволюционный и советский периоды. Картотеки на принятые фонды не имелось, все фонды заносились в реестр, а также имелся список фондов, находящихся в архивохранилищах Управления [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 87, 88–88об.].

В Саратовском губархиве, согласно подсчету единиц хранения, в архивохранилищах в 1926 г. было сконцентрировано около 2 000 000 ед. Большей частью архивные дела находились в хаотическом состоянии. На 1 октября 1926 г. было принято в архивохранилище 1 121 фонд, из них 571 – дореволюционного периода и 550 – революционного. Разборка фондов дореволюционного периода осложнялась отсутствием описей. В свою очередь, все описи АОР были разобраны и приведены в порядок. Размещение фондов было строго секционным: культура, быт, народное хозяйство и пр. Производилась концентрация фондов учреждений за 1917–1921 гг., которую планировалось закончить к 1 февраля 1927 г. Число дореволюционных учреждений в г. Саратове на 1926 г. достигло 572 [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 88, 88об.–91а]. Всего в 1926 г. Саратовский губархив принял от городских организаций 412 фондов. Вследствие гибели 218 фондов не взяли

на учет следующие фонды: Военный следователь, Контрольная палата, Саратовская конвойная команда, Саратовская городская станция РУЖД, Боголюбовское рисовальное училище, Русско-татарское училище, Старообрядческое училище, Римско-католическое духовное училище, Александровская губернская земская больница, Саратовское отделение красного креста, богадельни, приюты, заводы и множество других [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 88, 88об. –91а].

В состав фондов ЦАУ АССР НП вошли документы волостных правлений и сельских сходов; документы республиканских и местных органов власти; документы профсоюзов периода от Октябрьской революции до создания республики; материалы по истории поволжских немцев, начиная со второй половины XVIII в. Известно, что в 1927 г. руководство Центрархива АССР НП поднимало вопрос о передаче ему архивных фондов по истории немецких колоний, располагавшихся на территории АССР НП. Обсуждение этой темы происходило 11 мая 1927 г. на заседании президиума Саратовского губисполкома, который своим постановлением указал, что передача документов будет возможна только после разрешения Центрархива РСФСР [Гусакова, Майорова 2006: 32–39].

В апреле 1926 г. Калмыцкое областное архивное бюро связалось Северо-Кавказским краевым бюро и ходатайствовало о передаче ему архивных документов, связанных с историей Калмыцкого народа. В результате чего выяснилось, что Донским архивным бюро были обнаружены документы Калмыцкого правления области войска Донского. Однако, Северо-Кавказское краевое архивное бюро посчитало передачу этих материалов в Калмыцкий архив нецелесообразной, в виду того, что фонде имелось лишь около 2 % материалов, имеющих культурно-историческое значение для Калмыцкого народа [Жданович 1927: 90]. Отметим, что такие действия ЦАУ АССР НП и Калмыцкого областного архивного бюро были обусловлены мотивацией руководителя ЦАУ М.Н. Покровского о создании национально-культурных отделов в составе ЕГАФ автономных республик и

областей. Данный вопрос поднимался М.Н. Покровским дважды: на 1-м Всероссийском съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г. и на 2-й конференции архивных деятелей РСФСР в 1927 г. [Жданович 1927: 83, 86].

Особым заданием от Центрархива в 1924 г. стал циркуляр об организации политических секций в губернском (областном) архивном фонде [Сборник... 1961: 105–106]. Для руководства страны было важно собрать и объединить наиболее политически важные архивы под одним ведомством, поэтому в сентябре 1920 г. был образован Государственный архив РСФСР. В состав Госархива вошли Московский архив министерства иностранных дел, Государственный архив Российской империи, Ново-Романовский архив и другие архивы Москвы и Петербурга. Госархив РСФСР стал частью ЕГАФ и просуществовал до 1925 г., когда все фонды Госархива были распределены между вновь организованными центральными государственными архивами.

В свою очередь, переняв опыт организации Госархива РСФСР, в региональных архивах были организованы политические секции [Чернов 1940: 128–129]. По этому поводу Центрархив в 1924 г. издал два официальных документа: циркуляр об организации политических секций в губернском (областном) архивном фонде (2 июня 1924 г.) и циркуляр о порядке организации политических секций губернского (областного) архивного фонда (29 июля 1924 г.) [Сборник... 1961: 105–107].

Основными задачами политических секций являлись хранение и первоочередная обработка наиболее ценных архивных документов на местах. Из фондов дореволюционного периода в состав политических секций входили секретные части фондов военных и гражданских губернаторов; архивы полицейских и жандармских ведомств, охранных отделений, окружных судов, тюремных учреждений и др. Документы после 1917 г. за исключением документов РКП(б) и ОГПУ также входили в состав политических секций и именовались Архивом Октябрьской революции. Политические секции располагались в отдельных помещениях. Заведовать политической секцией полагалось исключительно партийному работнику

[Чернов 1940: 148]. Кроме того, в 1924 г. были ликвидированы части особого назначения (далее – ЧОН), специальные вооружённые формирования, созданные с 1918 года для борьбы с контрреволюцией из коммунистов – рядовых членов ВКП(б), фактически партийные формирования, имевшие структуру по всей стране. В сентябре 1924 г. от Центрархива во все государственные архивы страны поступило распоряжение о принятии документов ЧОН на государственное хранение, и о создании на их базе особого архивного фонда в составе АОР. Документы, о которых шла речь, имели статус секретных; доступ к ним осуществлялся лишь работниками Истпарта и лицами парткомов РКП(б). «Этот факт, видимо, следует рассматривать как возникновение первых спецхранов в госархивах» [Савин, Виноградова 1994: 19].

В местных учреждениях Центрархива работа политсекции организовывалась по специальной инструкции. В приложении к инструкции приводился примерный перечень архивных фондов, согласно которому в составе хранилища дореволюционных фондов секции политики и права (политсекции) числились фонды: жандармского управления, охранного отделения, канцелярии губернатора, губернского правления, губернского по крестьянским делам присутствия, полицейского управления, съезда мировых судей, губернской тюрьмы, пересыльной тюрьмы, судебной палаты, окружного суда, предводителя дворянства, политических партий и организаций, личные архивы «слуг старого режима» [ГААО. Ф-2779. Оп. 2. Д. 85. Л. 9]. В хранилище фондов учреждений революционного периода находились документы: ревкомов, Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, губернского комиссара, комиссии по выборам в учредительное собрание, партизанского отряда, контрреволюционных организаций, исполкома, административного отдела, милиции и уголовного розыска, инспекции мест заключения, рабоче-крестьянской инспекции, прокуратуры, суда, архивного учреждения, партийных организаций ВКП(б),

личные архивы общественных политических деятелей [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 85. Л. 10].

Во всех архивах Нижнего Поволжья были организованы политические секции. В 1924 г. (согласно документу – 24 ноября 1924 г.) заведующий Астраханским бюро Г.С. Рябиков сообщил в Центрархив, что им организован и утвержден штатный состав политической секции в количестве 3 человек, а именно: заведующий политической секцией, архивариус и помощник архивариуса. Эти лица прикомандированы на службу в губархивбюро по согласованию с местным отделом Истпарта» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 32. Л. 2]. Окончательное оформление политической секции при Астраханском архиве произошло в 1927 г. В штате секции состояли два сотрудника, а также прикрепленный научный сотрудник, член ВКП(б). В составе фондов политсекции Астраханского губархивбюро было сосредоточено 75 фондов с количеством около 165 ед. хр. Среди наиболее важных фондов в отчетах бюро упомянуты фонд Полицейского управления, Сыскного отделения, Канцелярии Астраханского губернатора, Астраханского реального училища, Астраханской торговой школы, Астраханского Губернского жандармского управления и другие. Архивные документы хранились в 5 комнатах и располагались в шкафах. В акте обследования бюро за 1928 г. отмечено, что «шкафы не запираются». Учета справок и учета копий, выдаваемых ОГПУ, не велось [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 169. Л. 31]. В связи с подготовкой к 10-летию Октябрьской революции для музея Истпарта в рамках подготовки выставки предоставлялись материалы по истории Октября в Астраханской губернии [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 16].

В Царицынском губархивбюро в 1923 г. произошло преобразование Истпарта губкома РКП(б) в политическую секцию архивного бюро, которому было предложено принять положение и правила работы политической секции. В помощь политической секции создана Комиссия по собиранию, разработке и изучению материалов по истории революции и РКП(б) [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 601. Л. 41об.]. Согласно отчету за 1925 г., работа

политсекции Сталинградского архивного бюро проводилась согласно циркулярам Центрархива. Взаимоотношения с Истпартом характеризовались как «удовлетворительные». Согласно документам, в 1935 г. секретный архив Сталинградского краевого архивного управления располагался в отдельном помещении [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 10].

В Республиканском архиве НП политсекция не имела отдельного помещения и не была выделена из общего архива АОР, за исключением секретных дел. Из пореволюционных архивов в политсекцию входили архивный фонд ЧОН за 1919–1925 гг. и секретные дела различных фондов. По этим фондам выдавались справки секретного характера. Обязанности ответственного за политсекцию выполнял сам заведующий. Взаимоотношения с Истпартом строились путем личных переговоров. Архива Испарта в составе политсекции не было [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 16, 58].

Калмыцкое областное архивное бюро своевременно отреагировало на циркуляр Центрархива, в связи с чем на заседании Президиума ЦИК КАО 27 июня 1924 г. постановили организовать политическую секцию. Также архив обратился в обком с просьбой о выделении калмыка-партийца для заведывания политсекцией и секретной секцией архивного бюро [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 23. Л. 5]. В течение второй половины 1924 г. заведующие политсекцией Калмыцкого областного архивного бюро менялись трижды. Затрудняло работу секции и отсутствие помещения в Калмыцком доме и крайняя нехватка финансов в Калмыцкой области, которую разорили гражданская война и бандитизм. Однако, несмотря на трудности, Калмыцкий архив получил дополнительную комнату рядом с двумя своими, ее и оборудовали под политсекцию. В должности заведующего утвердили С.Н. Баткаева, по совместительству члена облсуда [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 79–79об.]. В отчетной документации бюро за 1927–1928 гг. указано, что за истекший период было принято 24 фонда по политсекции [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20].

Работа в политсекции Саратовского губернского архивного бюро заключалась в разборке сконцентрированных в ней документов, в выдаче справок и копий, в подборе материала и выдаче его в читальный зал. Обслуживающий ее штат состоял из 3 человек. В политсекции Саратовского архивного бюро было сосредоточено 48 фондов. В отчете за 1925–1926 гг. указан полный список фондов. Среди них Губернского жандармское управление, Саратовский розыскной отдел, Саратовское охранное отделение, Канцелярия Саратовского губернатора, Городское полицейское управление, Губернская тюрьма и прочие городские и губернские учреждения. С Истпартом и Истпрофом контакты были налажены [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 94об].

В марте 1927 г. всем краевым, областным и губернских архивным бюро РСФСР был разослан секретный циркуляр о необходимости архивов в работе с секретными документами руководствоваться «Правилами постановки архивной части секретного делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях [Правила... 1926]. До мая 1928 г. во всех архивных учреждениях функционировали политические секции, а также отдельно хранились секретные материалы, относящиеся к другим секциям. Руководство Центрархива было обеспокоено условиями хранения секретной части местных архивов, которые не всегда отличались особой осторожностью и вниманием. В результате Управление Центрархива секретным циркуляром от 3 мая 1928 г. №80211/с признало необходимым выделить секретные материалы из общего состава Исторического архива и Архива Октябрьской революции и объединить их в «Секретный архив» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 155. Л. 15]. В связи с этим общепринятое наименование «Политсекция» отменялось, а заведующий политсекцией в дальнейшем именовался «Заведующий Секретным архивом». Список фондов для секретного архива составлялся архивным учреждением, согласовывался с ОГПУ и утверждался Управлением Центрархива [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 155. Л. 15].

Следующей ответственной задачей, поставленной перед местными архивами, стояла задача о выделении изолятора для Секретного архива. Работа по их организации должны быть закончена к 1 октября 1928 г. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 155. Л. 16]. Кроме того, всем местным архивным учреждениям разослали «Положение о Секретном архиве местного учреждения» и «Правила порядка приемки, архивной обработки и хранения секретных материалов в архивохранилищах Центрархива РСФСР на местах». Оба нормативных документа утверждены постановлением Президиума Коллегии от 27 марта 1928 г. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 155. Л. 17–19об.].

Из Астраханского архива в Центрархив сообщили, что при формировании фондов архив руководствовался согласованностью с ОГПУ. В результате в списки по Историческому архиву вошли следующие секретные фонды: начальник Астраханского губернского жандармского управления – 561 ед. хр., помощник начальника Астраханского и Енотаевского уездного жандармского управления – 223 ед. хр., Астраханское губернское управление – 93 ед. хр., канцелярия Астраханского губернатора – 858 ед. хр., Канцелярия Астраханского полицмейстера – 14 ед. хр. Пореволюционный период выразился в следующих секретных фондах: Астраханский Губком ВКП (б), Уком и райком ВКП (б) за 1918–1926 гг. – 6200 ед. хр., Астраханский губком ВЛКСМ, уком и райком ВЛКСМ за 1917–1925 гг. – 800 ед. хр., Астраханская часть особого назначения (ЧОН) с 1921–1924 г. – 1248 ед. хр. Заведующего политсекцией сменил Заведующий секретным архивом, вновь назначенный Губкомом ВКП(б) член ВКП (б), кандидатура которого была согласована с ОГПУ. В отношении оборудования изолятора в связи с переходом в новое помещение, в оставляемом здании переоборудование не предполагалось [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 151. Л. 1–1об.].

Согласно данным статистического отчета Астраханского архива СОАУ на 1 января 1937 г. в секретной части числилось 132 фонда. За 1937 г. поступило 10 фондов [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 2. Д. 5. Л. 6]. Архивные материалы хранились в закрытых шкафах и на стеллаже в одном из

хранилищ под наблюдением старшего архивариуса. Помещение, отведенное для секретного архива, было приспособленным, объемом 35 кв. м., сухим, теплым, имело освещение и печное отопление. Два окна, имеющиеся в помещении, заделаны железными решетками. В пожарном отношении совершенно безопасное, охраняемое двумя сторожами [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 2. Д. 5. Л. 7].

В феврале 1926 г. ВЦИК утвердил декрет о приведении в порядок и сдаче в ЕГАФ архивных документов за 1917–1921 гг. Всем государственным учреждениям и предприятиям было предложено сдать в ЕГАФ имеющиеся у них архивные документы с 1917 по 1921 г. включительно [Сборник... 1961: 31]. Документы центральных учреждений и предприятий подлежали сдаче в центральные государственные архивы, а документы местных учреждений – в местные архивные учреждения. Для губернских архивных бюро разъяснялось, что архивные материалы всех городских учреждений за 1917–1921 гг. должны быть сданы архивное бюро губернии не позднее 1 июня 1926 г. Задача по успешной реализации данного декрета в губерниях была возложена на местные исполнительные комитеты [Чернов 1940: 166].

В подтверждение циркулярному распоряжению ВЦИКа вышел циркуляр Астраханского ГИКа от 7 мая 1926 г. № 6850 «О подготовке для сдачи к 1 июля 1926 г. в Губархивбюро всех архивных материалов за 1917–1921 годы». В бюллетенях губисполкома и горсовета за № 41, 42, 43 были указаны сроки и порядок сдачи архивных материалов за период 1917–1921 гг. включительно. Руководствуясь распоряжениям ВЦИКа и ГИКа, дальнейшие действия Астраханского губархивбюро были направлены на рассылку уведомлений всем городским учреждениям о необходимости сдать архивные материалы 1917–1921 гг. в назначенные сроки [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 109. Л. 13]. К примеру, электрические предприятия г. Астрахани ответили, что «архивные материалы Электрической станции и Трамвая будут сданы 31 мая в 9 ч. утра. Аптекауправление, Волго-Каспий Лес, Губернский отдел труда, Астраханский губернский суд и другие учреждения города также

сообщили, что архивные материалы за указанные годы разобраны и подготовлены к сдаче». Архивные материалы некоторых учреждений города за период 1917–1921 гг. не сохранились, о чем, к примеру, сообщили из Астраханской городской пожарной команды, Астраханского детского дома №8, Астраханского глазного изолятора [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 109. Л. 14, 16, 21, 44, 78]. Во многих губернских учреждениях не выделялись финансовые средства на содержание штатных архивариусов, вследствие чего архивные дела не обрабатывались, следовательно, не могли быть сданы в срок в архивные бюро. Такая ситуация сложилась у Административного отдела Астраханского Губисполкома, Астраханского губернского отдела социального обеспечения, Астраханского Губернского отдела образования [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 109. Л. 58, 80].

В 1926 г. Саратовское губернское архивное бюро приступило к концентрации АОРа за 1917–1921 гг. Для более точного учета фондов была произведена проверка фондов и пересоставлены картотеки, заведены все необходимые книги – инвентарная, архивных фондов, реестр описей. Оборудованы стеллажами архивохранилища [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 109. Л. 58, 80]. Распоряжение ВЦИКа о сдаче в ЕГАФ архивных документов за 1917–1921 гг. положило начало регулярному поступлению в губернские архивные бюро документов советского периода, начиная с 1917 г. Если до 1926 г. рост фондов губархивбюро шел за счет архивных фондов и документов дореволюционного периода, то начиная с 1926 г. в губархивбюро стали поступать документы советского периода, отложившиеся в результате деятельности учреждений.

Весь штатный состав Центрального архивного управления АССР НП зимой 1926 г. занимался приведением в порядок архивных фондов Покровского и Маркштадского УИКов. Разборка дореволюционных фондов не велась по причине отсутствия отопления в тех комнатах, где находились дореволюционные фонды [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 30об.].

Калмыцкое областное архивное бюро в отчете за 1926 г. указало, что в истекшем году в архив приняты исключительно фонды пореволюционного периода. Все фонды имели сдаточные описи, но в документах отсутствовали крайние даты, не было обозначения количества листов, иногда давались неверные наименования самих дел [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 6]. В списке поступивших фондов значились: Калмыцкий областной отдел народного образования, Калмыцкий областной отдел народного труда, Калмыцкий областной отдел социального обеспечения, Багацохуровский улусный исполнительный комитет, Багацохуровский улусный народный суд, Уголовно-следственная комиссия Багацохуровского улуса и другие [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 33. Л. 2, 5].

Более серьезный подход к обработке и сохранности архивных материалов ведомственных учреждений отразился в «Правилах постановки архивной части делопроизводства при действующих учреждениях» (1925 г.). В «Правилах» указывались пути передачи документов из канцелярий в архив при учреждениях, условия хранения и обработки документов в архивах, сроки и состояние передачи архивов учреждений в государственные архивы [Чернов 1940: 147].

Циркуляр Астраханского ГИКа от 1 февраля 1927 г. «Об обязательном применении «Правил постановки архивной части делопроизводства и «Инструкции по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах» обязал все учреждения и организации Астрахани и РИКи обратить внимание на сохранность архивных документов, вести обработку документов по «Правилам», а также установить персональную ответственность за обработку материалов [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 14]. В начале июня 1927 г. специалисты Астраханского архивного бюро провели совещание по архивному строительству в губернии. Присутствовало 35 человек, из них 28 – представители губернских учреждений и организаций, заведующие архивами и архивариусы. Обсуждались вопросы: о значении архивов, система постановки архивного

делопроизводства. По второму вопросу решили точно выполнять «Правила» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 17].

Присланные во втором полугодии 1926 г. «Правила» в Саратовское губархивбюро были разосланы по учреждениям, предприятиям и производствам, но апробация их в полной мере должна была начаться с 1927 г. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 91а].

На основании «Правил» Центрархива Калмыцкое областное архивное бюро разработало собственную краткую инструкцию о порядке сдачи архивных материалов. Инструкция в 1925–1926 гг. рассылалась по учреждениям и пользовалась большой популярностью из-за своей краткости. Но, несмотря на проведенную работу, заведующий Н.Н. Пальмов в отчетной документации писал: «Состояние архивного дела в городских учреждениях можно признать удовлетворительным. В улусных учреждениях, особенно в глубине степи, дело обстоит хуже, как о том свидетельствуют сообщения инструкторов Бюро и инспекторов РКИ [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 6об.].

В марте 1926 г. ВЦИК утвердил специальный декрет «О концентрации архивных фондов и создании государственных архивов на местах» [Сборник... 1961: 30]. В декрете давалось указание ускорить работу по концентрации архивных документов и созданию архивов Октябрьской революции на местах, в связи с приближающимся десятилетием Октябрьской революции. Всем местным исполкомам предлагалось предоставить архивным органам приспособленные помещения под архивы; принять меры по концентрации архивных фондов и увеличению штатов архивных работников; назначить в уездах уполномоченных областных (губернских) архивных бюро [Сборник... 1961: 30].

В 1926–1927 гг. согласно Постановлению Президиума ЦИК АССР НП (1925 г.) во всех кантонах должны были быть организованы архивы. Местным наркомфином был открыт кредит на содержание архивариусов в 9 кантонах. Но эти достижения были аннулированы Постановлением СНК от 15 октября

1926 г. и III сессией ЦИКа, когда бюджет пришлось укладывать в определенные рамки. На территории Немреспублики имелся только один кантонный архив – Маркштадский. Количество сосредоточенных в нем фондов за 1926 г. нами не обнаружено, но в отчетной документации указано, что «Маркштадский архив очень велик и очень ценен» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 49, 54].

Заведующий Калмыцким архивом Н.Н. Пальмов, начиная с 1924 г. неоднократно обращался с просьбой в Большедербетовский уисполком, предлагая принять меры по разборке и описанию местного архива. Именно в этом улусном архиве сохранились значительное собрание старых дел 1-й половины XIX в. Но старания Пальмова остались без внимания местных властей. Архиву будто бы отвели отдельное помещение, но должность штатного архивариуса не утвердили. К декабрю 1927 г. специальных архивных учреждений в улусах Калмыцкой автономной области не было. Архивные материалы УИКов и подведомственных им учреждений хранились при канцеляриях УИКов [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.; Д. 25. Л. 1; Д. 80. Л. 5]. Весной 1928 г. состоялся переезд учреждений Калмыцкой области из Астрахани в Элисту. В связи с этим по распоряжению Калмыцкого областного исполнительного комитета все переехавшие учреждения обязаны сдать в Калмыцкий областной архив все документы вплоть до последних лет, кроме тех, что нужны были для текущего делопроизводства. Данное распоряжение было выполнено. В результате в Калмыцкий областной архив в 1928 г. поступило 47 фондов, из них 24 фонда из состава политсекции [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20].

Постановление Астраханского губисполкома от 4 декабря 1926 г. предлагало всем райисполкомам сконцентрировать у себя архивы учреждений, находящихся в пределах их района и передать документы на хранение в губархивбюро [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131. Л. 18]. В 1926–1928 гг. выявление и учет материалов, находящихся в районах, производилось путем переписки с РИКами. К 15 мая 1928 г. Астраханским

губархивбюро было учтено и сконцентрировано всего 79 фондов волостных правлений, волисполкомов и сельсоветов. Однако в Астраханской губернии имелось: 50 волостных правлений на 1916 г., 31 волисполком на 1920 г., 94 сельсовета на 1923 г., то есть всего 275 волостных и сельских учреждений [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131.Л. 22].

Таким образом, в выводах о работе Астраханского губернского архивного бюро с сентября 1920 г. по май 1928 г. следует отметить, что количество учтенных фондов постепенно росло, однако не выявленных фондов оставалось значительно больше. По статистическим данным до революции в Астраханской губернии существовало приблизительно 1 139 учреждений, после революции – около 100 организаций. К маю 1928 г. количество фондов, сосредоточенных в хранилищах губархивбюро, было всего лишь 727, что составило приблизительно 58 % от общего количества всех губернских организаций [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131. Л. 22об.]. Среди не учтенных фондов числились мелкие школы, больницы, церкви, театры и т. д.

В 1928 г. произошло образование Нижне-Волжской области. Немногим позже область была преобразована в Нижне-Волжский край [История 2012: 6]. В постановлении Коллегия Центрархива РСФСР от 11 октября 1928 г. отмечено, что областные и окружные архивные бюро были организованы в сроки, установленные для всего аппарата, причем число архивных учреждений было сокращено с 72 до 30, а число архивных работников со 195 до 148 штатных единиц. Но в документе отмечено, что со стороны аппарата ЦАУ РСФСР не было дано точных указаний о проведении реорганизации местных архивных учреждений, что повлекло за собой ошибки в работе уполномоченных Центрархива в областях, и фактическому свертыванию работы отдельных местных архивных учреждений [Петровская 1958: 58].

Основной задачей архивных учреждений Нижне-Волжского края являлось планомерное завершение комплектования архивов и усиление темпа разборочных и описательных работ. К 1928 г. ЦАУ не располагало

точными данными о том, сколько архивных фондов отложилось в процессе деятельности дореволюционных учреждений в государственных хранилищах по всей стране. В качестве примера приведем сведения о принятых и учтенных фондах на 1 октября 1927 г. по уездам Саратовской губернии, как части Нижне-Волжского края.

Таблица 1. Данные о принятых и учтенных фондах на 1 октября 1927 г. по уездам Саратовской губернии [Истнюк 1928а: 15–16].

Архивное учреждение	Принято фондов	Учтено фондов
Аткарское бюро	42	119
Балашовское бюро	38	276
Камышинское	38	198
Кузнецкое	21	132
Новокузнецкое	43	191
Петровское	21	152
Саратовское	18	214
Сердобское	22	
Всего по уездам	Принято 243	Учтено 1 282

Таким образом, Саратовское губернское архивное бюро смогло сконцентрировать в уездных бюро лишь часть фондов, большая же часть фондов попала в разряд учтенных [Истнюк 1928а:15–16].

Сталинградский округ в 1928 г. был разграничен на 11 районов, где до этого момента районные архивы организованы не были [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 115. Л. 3]. По мнению московского инспектора Д. Истнюка в Сталинградском округе из числа органов, подвергшихся реорганизации в связи с районированием, многие архивы были приведены в порядок на 60 % (Тамбов – 65 %, Курск – 68,6 %, Саратов – 78%, Сталинград – 82 %) [Истнюк 1928а: 15–16]. Исследователь Е.В. Булюлина отмечает, что в Сталинграде в связи с административно-территориальными преобразованиями увеличился прием документов от ликвидированных учреждений. На 1 октября 1928 г. в

Сталинградском окружном архивном бюро было сконцентрировано 1363 фонда [Булюлина 2004: 22].

К концу 1928 г. положение в районах Астраханского региона было следующее: архивные материалы бывших волисполкомов были сконцентрированы при районах. Концентрация архивов сельских советов и их сдача в архивбюро за период 1917–1921 гг. проводилась частично. Большая же часть документов оказалась расхищена в период гражданской войны. Так было в Харабалинском, Черноярском, Икрянинском, Владимировском районах. Поэтому собирать документы приходилось по частям. Концентрации архивных материалов из других учреждений РИК не проводили [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 153. Л. 59–59об.]. За дореволюционный период фонды волостных правлений, уездного полицейского управления, уездного съезда мировых судей, уездного воинского присутствия и других расхищены в момент гражданской войны, использованы в момент кризиса бумаги, частично распроданы торговцам [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 153. Л. 59об.].

На территории Астраханского округа имелось до 1 600 учреждений, организаций и предприятий, подлежащих учету Окрахбюро. По десяти РИКах округа ни в одном не было специально оборудованного архивохранилища и отдельных заведующих архивами [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 184. Л. 202]. К концу сентября 1928 г. в архивохранилищах Астраханского окружного архивного бюро было сосредоточено 741 фонд, не разобрано 33 фонда, учтено 108 фондов [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 153. Л. 77–77об.].

Таблица 2. Данные о количестве фондов, находящихся в хранилищах Государственных архивов Нижнего Поволжья за период 1925–1928 гг. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131. Л. 22; Д. 153. Л. 62; ГАВО. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 15; Булюлина 2004: 22; ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 91, 92об.; НАРК Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 63].

Архивное учреждение	Сосредоточено фондов в архивохранилищах на 1 октября 1925 г.	Сосредоточено фондов в архивохранилищах на 1 октября 1926 г.	Сосредоточено фондов в архивохранилищах на 1 октября 1928 г.
Астраханское	38	160	741

губархивбюро			
Сталинградское губархивбюро	177	385	767
Саратовское губархивбюро	581	1121	-
Центральное архивное управление АССР Немцев Поволжья	167	240	477
Калмыцкое областное архивное бюро	47	49	120

28 января 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили новый нормативный документ – «Положение об архивном управлении РСФСР» [Сборник... 1961: 37–61]. Третий раздел Положения был посвящен вопросам сдачи архивных документов в государственные архивы и процедуре отбора документов для хранения и уничтожения. Согласно данному нормативному акту, архивные документы всех учреждений, предприятий и организаций подлежали сдаче в государственные архивы через 10 лет (вместо прежних 5 лет), документы сельских советов – через 3 года и фото- и кинодокументы – через 5 лет. Архивные документы, необходимые организации для ее текущей деятельности, по соглашению с ЦАУ оставлялись при организациях на срок до 25 лет со времени окончания этих документов производством [Сборник... 1961: 37–61]. По мнению исследователя А.В. Елпатьевского Положение о ЦАУ РСФСР 1929 г. положило начало «дифференцированному подходу к приему в архивы лишь действительно ценных документов и комплексному рассмотрению вопросов комплектования, экспертизы, методического руководства ведомственными архивами» [Елпатьевский 1998: 17].

Таким образом, первый этап комплектования государственных архивов – 1918–1929 гг. был завершен концентрацией документов дореволюционного

периода и началом приема в госархивы архивных материалов новой советской эпохи [Иноземцева 1999: 6].

В 1930 г. в связи с масштабной реорганизацией архивного дела в Нижне-Волжском крае и созданием вместо окружных архивных бюро отделений наиболее сложным оказался вопрос распределения фондов. Фонды учреждений были разобщены, некоторые переданы в управление в Саратов. В докладе заместителя заведующего Нижне-Волжского краевого архивного бюро П. Серова от 4 января 1931 г. прозвучало, что подобная ситуация отрицательно сказалась на развитии архивного дела в крае. По мнению Серова, одной из причин являлась переброска архивных материалов в архивохранилища, как на местах, так и в Саратов [ГАВО. Р-455. Оп. 1. Д. 144. Л. 8].

К концу 1931 г. в Сталинградском архивном бюро было сконцентрировано 1 578 фондов объемом 300 тыс. дел. Условия работы были тяжелыми. Фонды поступали в необработанном виде. Архивные помещения не отапливались [Булюлина 2004: 26].

Поступление архивных фондов в архивное бюро НП в период 1931–1933 гг. также шло в необработанном или частично обработанном виде. «Из всего количества архивных фондов, относящихся к периоду Октябрьской революции, учреждениями подготовлены: плохо 25%, удовлетворительно 25%, неудовлетворительно 50%, а архивных материалы дореволюционного периода – были на все 100% в неудовлетворительном состоянии» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 5об.]. До 1932 г. в кантонах на местах хранились документы исторического периода. В Вальцерском, Зельманском и Маркштадском кантонах архивные фонды не смогли переместить в архивное бюро по причине отсутствия свободной площади и денежных средств [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 5об.].

В 1932 г. центр Нижне-Волжского края из Саратова перевели в Сталинград [История 2012: 7]. По этой причине президиум Нижне-Волжского крайисполкома в постановлении 29 февраля 1932 г. предложил

краевым учреждениям и организациям обработать документы до 1928 г. (со времени организации края) и перевезти их в Сталинград [Булюлина 2004: 26].

В октябре 1933 г. Президиум ЦИК Союза ССР утвердил постановление об упорядочении архивов в колхозах, совхозах и МТС [Сборник... 1961: 69]. Постановление запрещало уничтожение любых документов в колхозах, совхозах и МТС без разрешения архивных органов. В свою очередь, ЦАУ СССР было предложено разработать правила ведения архивов в колхозах, совхозах и МТС и правила сдачи архивных документов в государственные архивы. За правильный учет, хранение и состояние архивов колхозов, совхозов и МТС должны были отвечать отдельные лица, выделенные из числа членов правлений колхозов или управлений совхозов и МТС [Чернов 1940: 194]. 1 ноября 1933 г. Нижне-Волжский крайисполком выпустил постановление «О состоянии архивов при райисполкомах, горсоветах, госучреждениях, совхозах и районах Нижне-Волжского края». В постановлении оговаривалось, что с 1 января 1934 г. все райисполкомы и горсоветы обязаны были организовать постоянные городские и районные архивы, в которых необходимо сконцентрировать все документы совхозов, колхозов, сельсоветов и прочих районных организаций края по 1930 г. включительно [Булюлина 2004: 27]. К декабрю 1934 г. в архивохранилищах Сталинградского края было сконцентрировано 3 324 фонда: в краевом – 1 515, в Астраханском – 1 400, в Камышинском – 253, в районах – 156 [Булюлина 2004: 28].

Концентрация материалов в Саратовское КАУ 1934 г. и его отделений не производилась из-за недостатка помещений. Кроме того, архив не создал условия для приема архивных фондов: не было списка отсутствовавших фондов, не велось полного учета действующих и ликвидированных учреждений советских органов.

В ЦАУ АССР НП к 1934 г. было сконцентрировано 1 126 фондов. Неучтенных документов осталось 3 500 кг [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 1об.].

Важным этапом в становлении советского архивного дела в период 1930-х гг. явилось решение ЦК партии о написании истории гражданской войны. Для этого необходимо было сконцентрировать все документы Красной армии за период гражданской войны в одном месте. В связи с чем, 7 апреля 1933 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР о военных архивах [Сборник... 1961: 83]. Согласно постановлению, был образован Центральный архив Красной Армии, в котором подлежали хранению все основные архивные фонды и документы по истории гражданской войны и Красной армии. Для непосредственного заведования новым архивом в аппарате ЦАУ СССР был создан военный отдел, на который также возложили руководство работой республиканских и местных архивных органов, так называемых обладателей фондов военных архивов [Чернов 1940: 202].

На основании распоряжения военного отдела ЦАУ от 11 июня 1935 г. Сталинградское краевое архивное управление провело ревизию 33 военных фондов и затем отправило их в Куйбышевский военный архив [ГАВО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 38. Л. 6об.]. В Астраханском отделении военные фонды были подготовлены для передачи в Москву, но несмотря на неоднократные директивы Краевого Управления (далее – КАУ) эта работа не была выполнена, за что заведующий П.И. Усачев получил административное взыскание [ГАВО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 38. Л. 6об.]. Все военные фонды Архивного управления АССР НП, из-за отсутствия помещения размещались в архивохранилищах АОР вместе с другими фондами. Фонды военных ведомств были полностью описаны: на них составлены инвентарные описи, фондовые и учетные карточки. Военных фондов насчитывалось 107 с общим количеством единиц хранения 8149, которые на основании перечня, полученного из ЦАУ РСФСР отношением за № В-16-8 от 15 октября 1934 г., подлежали сдаче в Военный архив Самарского краевого архивного

управления. Однако ЦАУ разъяснило, что допускается организация в г. Энгельсе временного филиала Самарского архива. К фондам военных ведомств относились фонды волостных, уездных и областных военных комиссариатов и военных частей, сформированных и расформированных на территории АР НП. Материалов красногвардейских и партизанских отрядов не имелось. В секретном архиве имелись документы ЧОН за период 1919–1925 гг. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 16]. В Саратовском КАУ военных фондов на период 1934–1937 гг. числилось всего 8: в Вольском и Пугачевском архивах. Информации о передаче военных фондов в документах Саратовского КАУ за 193–1938 гг. не обнаружено [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4252. Л. 5 об]. Калмыцкое областное архивное бюро приняло на хранение в 1935 г. документы ЧОН Калмыцкой автономной области [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 2, 5, 10].

Для концентрации и хранения партийных документов в 1929 г. был создан Центральный партийный архив. В свою очередь в регионах были организованы местные партийные архивы, как филиалы Центрального [Чернов 1940: 187–188]. Созданию партийных архивов страны предшествовало образование комиссий для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б), ведущих свою историю с декрета Совнаркома от 21 сентября 1920 г. [Сборник... 1961: 242]. Позднее эти комиссии стали именоваться «Истпарт». В резолюциях заседания секции Истпарта на I конференции архивных работников о взаимоотношениях между Истпартом и Главархивом было отмечено следующее: Истпарт являлся подведомственным учреждением Наркомпроса; местные бюро находились в непосредственном подчинении Истпарта. В качестве общего правила важно упомянуть, что Истпарты собственных архивов не организовывали. Архивные материалы хранились Главархивом и его органами (губархивами). Главархив и его местные органы должны были оказывать Истпарту и его местным бюро содействие в хранении архивных материалов по истории революционного движения [Сборник... 1961: 243].

Положение об Истпартотделах в составе губернских комитетов партии секретариат ЦК РКП (б) утвердил 10 августа 1923 г. Главной задачей Испарта являлось собирание, изучение и публикация документов по истории Октябрьской революции на территории губерний и истории губернских партийных организаций [Сборник... 1961: 243].

Из акта обследования политической секции Астраханского губархбюро в 1928 г. стало известно, что в одной комнате с секретными архивами хранятся документы партийных архивов, в частности, это фонды Астраханского губкома ВКП(б), губкома ВЛКСМ, Трусовского и Владимирских райкомов ВКП(б), райкомов ВЛКСМ. «Партийные архивы сосредоточены в ГАБ по договоренности с Губкомом ВКП(б), причем определенного заведующего партархивами не имеется, а работа проводится общим составом сотрудников Политсекции» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 169. Л. 31]. 28 июня 1929 года Секретариат ЦК утвердил Положение о Едином партийном архиве [Чернов 1940: 187].

В Саратове в конце 1929 г. при Нижне-Волжском крайкоме ВКП(б) был создан архив. В штате архива состояло 2 работника, партийный архив работал в составе Истпарта. В первые годы работы осуществлялся активный прием документов партийных и комсомольских комитетов. В дальнейшем, согласно решению Оргбюро ЦК ВКП(б) «О местных партархивах и институтах Истпарта» от 2 декабря 1939 г. Истпарт был ликвидирован как самостоятельная организация. Собранные документы были переданы партийному архиву. К 1939 г. на учете у архива находилось 255 фондов с общим количеством 96080 единиц хранения [Из истории 2014].

Малочисленный штат сотрудников ЦАУ НП и низкая их квалификация способствовали тому, что техническая и научная обработка материалов велась медленно и не в полной мере. Несмотря на такие трудности, в 1931–1933 гг. архивистами ЦАУ НП была проделана большая работа по концентрации и обработке партийных архивов и материалов профессиональных организаций [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 5об.].

Указанные архивы приведены в образцовый порядок. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 6].

В Калмыкии до 1939 г. документы партии хранились в архивах действующих учреждений – Калмыцкого обкома партии и улускомах (райкомах) партии. Данные структуры не были обеспечены отдельными штатными единицами для обработки и систематизации документов, соответственно сохранность документов в этих архивах была не высока. В 1939 г. при Калмыцком обкоме партии был организован партийный архив со штатом в 2 человека: заведующий и архивариус. Комплектование партийного архива началось в 1940–1941 гг. [Архивная летопись 2006: 146–147].

В мае 1935 г. решением Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) был образован партийный архив Сталинградского обкома ВКП(б). В этом же году из Астрахани, Сталинграда и Саратова в партийный архив приняли 5 вагонов необработанных архивных материалов. И уже в июле 1938 г. в областном партийном архиве смогли сконцентрировать 477 фондов с общим количеством 95 500 ед. хр. [История 2014].

По документам архивного фонда «Архив партийного архива Волгоградского обкома КПСС» установлено, что из Астраханского архива в Сталинградский краевой комитет ВКП(б) в сентябре 1935 г. поступили на хранение следующие фонды: Черноморский уездный комитет РКП(б), Ленинский уездный комитет РКП (б), Ленинский районный комитет ВКП(б), Черноморский райком ВКП (б), Ленинская контрольная комиссия ВКП (б), Черноморская районная контрольная комиссия ВКП(б)» [ЦДНИВО. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 4. Л. 4об.–5]. Однако в 1935 г. Астраханское отделение СКАУ продолжало вести прием в свои хранилища фондов партийных организаций. Так, в частности были приняты фонды Астраханского горрайкома ВКП(б) за 1931–1935 гг. (300 ед. хр.), Астраханского окружкома ВКП(б) за 1928–1931 гг. (187 ед. хр.), ячейки ВКП(б) при заводе им. Фридриха Энгельса за 1925/1928–1934 гг. (162 ед. хр.) и Астраханского горкома ВКП(б) за 1930–1934 гг. (453 ед. хр.) [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 302. Л. 36]. Партийный

архив Астраханского обкома ВКП (б) был создан 5 июля 1944 г. по решению ЦК ВКП (б) из архивов Астраханского окружкома и Калмыцкого обкома ВКП (б). После формирования документов из россыпи архив насчитывал 110 фондов. В дальнейшем архив комплектовался документами губернских, областных, городских и районных партийных комитетов, первичных организаций партии и комсомола [Коканова, Шалацкая 2014]. В 1937 г. от Камышинского архива в Сталинградский областной партийный архив поступили на хранение 3 047 ед. хр. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 9об.].

Одним из крупных и нерешенных вопросов в советском архивном деле первой половины 1930-х гг. являлся контроль за ведомственными архивами. «До сих пор не установлено ни правильной организационной схемы контроля за ведомственными архивами, нет и законоположений об ответственности за ведомственные архивы. Не проведена законодательным порядком структура ведомственных архивов и не определено их положение в общей системе ведомства» [Мальцев 1935: 16].

Работа по руководству ведомственными архивами Саратовского края в 1934 г. была возложена на двух инспекторов. По городу оба работали весьма интенсивно, с перевыполнением запланированного количества обследований. По мнению самих инспекторов, положительно поставленных архивов учреждений в Саратове мало, правил постановки архивной части учреждения не имели. Нередкими были случаи гибели архивных материалов. Примером послужили порча и отчасти гибель фонда Саратовского волисполкома и райисполкома за 1918–1928 гг. Бывший РИК оставил этот фонд в 1930 г. в безнадежном состоянии, позднее фонд был принят Горсоветом, но без приведения в порядок сброшен в подвал [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 19об.–20].

Архивистами республиканского архива Немцев Поволжья в 1934 г. совершались выезды в кантоны. Было обследовано 44 учреждения, в том числе 15 колхозов, 2 совхоза и 5 МТС, 22 сельсовета. На основе обследований составлялись протоколы. Общая картина, даваемая этими

обследованиями, была такова: хаотическое состояние архивного материала в ведомствах представляло собой повсеместное явление, условия хранения архивов совершенно неудовлетворительные, местные органы власти занимались незаконным уничтожением архивов. Концентрацией архивных материалов были охвачены только крупные учреждения. Из колхозов в ЦАУ поступил только 1 фонд. По г. Энгельсу было охвачено учетом 98 учреждений. Условия хранения архивов в городских учреждениях были также неудовлетворительными. К примеру «материалы всех отделов Энгельского горсовета свалены в кучу в сарае» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 2–2об.].

В Камышинском отделении Сталинградского КАУ, которое было образовано в апреле 1934 г. (до этого в Камышине находилось районное архивное бюро, подчинявшееся Балашовскому отделению Нижне-Волжского краевого архива), провели 135 обследований ведомственных архивов. Акты были составлены неверно, в них отсутствовала архивная терминология, не были указаны точные сроки сдачи документов от ведомства архиву. Из актов обследования стало ясно, что в некоторых учреждениях беспощадно уничтожали ценнейшие архивные документы, например, колхозов «Съезд ударников» и «Большевик». Однако отделение никаких мер по этой проблеме не принимало, и архивы по-прежнему расходовались на канцелярские нужды [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 283. Л. 57, 58об., 59].

Калмыцкими архивистами в 1933 г. обследовано 12 организаций. В результате выяснилось, что только один Калмыцко-Базаринский поселковый совет приступил к обработке своего архива силами комсомола. В остальных учреждениях вопрос оставался на стадии организации [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 235. Л. 9].

Сталинградскими архивистами в 1935 г. были изданы и разосланы для руководства в учреждениях края «Правила постановки архивной части в учреждениях, организациях и предприятиях Сталинградского края» [Правила...1935]. Они были составлены на основе аналогичного издания

ЦАУ от 1931 г. В «Правилах» указывались сроки хранения архивных материалов; были даны указания архивам учреждений относительно приема дел, где четко прописаны требования к технической обработке (нумерация листов, прошивка, наличие внутренней описи, проставление штемпеля и проч.). Также были освещены условия хранения и учета материалов в ведомственных архивах, в частности наличие специальных стеллажей и шкафов, правила их нумерации, нумерация описей и проч.; рассмотрены действия заведующего архивом учреждения в отношении пользования законченными производством материалами. В «Правилах» отдельными разделами были обозначены сроки сдачи материалов из ведомственных архивов в архивное управление и сроки сдачи архивных материалов при ликвидации учреждения и при смене заведующих архивами [Правила... 1935: 4–16].

Документы свидетельствуют, что на 1 января 1936 г. в ведомственных учреждениях г. Сталинграда имелось 25 архивных работников. Из них специально занятых на архивной работе было 18 человек, 7 – работали по совместительству. За 1935 г. инспекторской группой было проведено 340 обследований [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 38. Л. 15]. В Постановлении президиума Сталинградского краевого исполнительного комитета № 4140 от 21 декабря 1936 г. «О состоянии архивного дела и мероприятиях по упорядочению архивных материалов в крае» отмечалось, «что наряду с некоторыми достижениями в области улучшения архивного дела в крае за истекший год – все же состояние архивного дела и упорядочение архивного архивных материалов продолжает отставать от общего хода архивного строительства в Советском Союзе» [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 15. Л. 118]. В связи с этим Президиум указал: обязательному отбору архивного хранения в государственных учреждениях, предприятиях, заводских, общественных и кооперативных организациях подлежат документы, отражающие существенные стороны работы данного учреждения; основные условия труда и быта рабочих и служащих; имеющие научное и историческое значение;

имеющие практическое значение для оперативной работы данного учреждения. Также Президиум счел необходимым обязать руководителей краевых, городских и районных учреждений, директоров предприятий, сельсоветов, совхозов, колхозов провести в жизнь следующие мероприятия: в месячный срок упорядочить все архивные материалы, не допуская сдачи в макулатуру без санкций архивных органов; краевому финансовому управлению предусмотреть в бюджете на 1937 г. суммы на оплату сверхштатных работников в количестве 20 человек, по приведению в порядок архивных материалов, не обработанных в текущем году, обработка которых на основании постановления ЦИК Союза ССР от 27 июня должна быть закончена к 1 января 1937 г. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 15. Л. 118об.].

Таблица 3. Данные на 1 июля 1936 г. о состоянии архивных материалов, хранящихся в государственных архивах Сталинградского края [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 60. Л. 4].

Архивное учреждение	Общее количество, в ед. хр.	Количество описанных, в ед. хр.	Количество разобранных, в ед. хр.
Сталинградское краевое архивное управление (СКАУ)	401 563	394 060	394 060
Астраханское отделение СКАУ	521796 и 18 тонн россypi	521796	521796
Камышинское отделение СКАУ	144864	89167	89167

Из доклада управляющего СОАУ нам стало известно, что в 1937 г. областными и районными архивами было сконцентрировано 10 334 ед. хр. По Сталинградскому АОРу и Истарху наиболее актуальные из поступивших фондов следующие: «Крайплан», «Отдел Землеустройства», «Сталинградское краевое Земельное Управление», «Районные партизанские комиссии» и др. По Астраханскому архиву – Астраханская уездная земельная комиссия, сельские советы Астраханской губернии, участковые нарсуды и др. План работы по концентрации в СОАУ был не выполнен из-за отсутствия свободной площади в архивохранилище [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 9–

9об]. «Передача архивных материалов АОР, Истархом СОАУ и Астраханским архивом не производилась. Но в областной архив АОР передавались материалы периода Октябрьской революции, гражданской войны и районных партизанских комиссии из районных архивов» [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 9 об]. В связи с введением нового учета в государственных архивах работа по старым правилам была прекращена. С целью правильной постановки учета в областных архивах СОАУ были организованы курсы по изучению правил ведения нового учета. После окончания курса у работников среднего звена принимались зачеты. В Астрахани приняты зачеты у 5 человек, в Сталинграде – у 14 человек. Кроме того, в областных архивах были назначены работники, ведающие учетом. В 1937 г. по новому учету в СОАУ подготовлено 550 фондов, взято на учет 75 фондов, по Астраханскому архиву согласно новым формам – 67 фондов [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 10об.].

На 1 января 1938 г. в учреждениях Сталинградской области было организовано 68 ведомственных архивов (Сталинград – 45, Астрахань – 18, Камышин – 5). В архивах имелись соответствующие помещения и освобожденные архивные работники. За 1937 г. проведено 1 263 обследования. При обследовании инспектор добивался от учреждений специальных приказов и постановлений об упорядочении архивного материала [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 19].

По состоянию на 1 января 1938 г. по всем архивам в Саратовской области насчитывалось 182 7992 ед. хр., из них в областных архивах – 1 460 757 ед. хр., в районах – 367 235 ед. хр. По характеру материалы разделялись на: дореволюционные фонды (838 фондов); пореволюционные (1 589 фондов, в том числе 8 военных). Из общего количества фондов было описано только 35 % от всего количества. В областных архивах было разобрано 25 % фондов. «При существующих штатах архивные материалы могут быть обработаны лишь несколько лет; например, по Историческому – через 10 лет; АОРУ через 5 лет» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 53].

Руководство ведомственными архивами в Саратовской области осуществлялось инспекторской группой отдела по руководству. В городах Балашов, Вольск, Пугачев – соответствующими областными архивами, в районных центрах – райархивами. «Это один из отсталых участков работы Областного архивного управления» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 59]. В Балашовском архиве отсутствовали инспектора. В связи с этим на учет было взято всего 2 архива, реально существующих в районе, имеющих специальные архивохранилища и архивных работников со ставкой 150 руб. в месяц. Всего в районе имелось около 10 ведомственных архивов, имеющих помещения, но средств на содержание архивов и работников не предусматривалось. Архивистами Вольского архива в 1938 г. было обследовано 49 учреждений и сконцентрировано 4 фонда на 829 ед. хр. Со стороны директора Вольского архива Раздуваева (инициалы в деле не обнаружены – М.Б.) принимались энергичные меры по упорядочению ведомственных архивов, но как отмечено в отчетной документации «косность руководителей Учреждений является большим тормозом в деле упорядочения архивных материалов» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 59–61]. В Саратове также обработка и хранение архивных материалов находилась в неудовлетворительном состоянии. Такая ситуация сложилась в архиве правления железной дороги, ряде архивов водного транспорта, Саратовского облпотребсоюза и других [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 62].

Отчетная документация свидетельствует, что к 1938 г. концентрация архивных фондов колхозов, совхозов и МТС Саратовского края произведена в ничтожном объеме. В этом отношении в положительную сторону выделялось только Пугачевское отделение, которое сконцентрировало 36 фондов этих организаций [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 20об.].

Согласно отчетам по ЦАУ АССР НП к концу 1938 г. в архивохранилищах было сконцентрировано 1246 фондов: 295 дореволюционных, 951 АОР, из них 11 военных и 117 профсоюзных.

Архивы действующих учреждений, главным образом центральных и городских, получали регулярную методическую помощь по вопросам упорядочения архивов [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4643. Л. 7об].

К середине 1936 г. архивные документы Калмыцкого Центрархива почти полностью были приведены в порядок. На 1 июля 1939 г. всего в Калмгосархиве было сконцентрировано всего 238 фондов (с общим количеством 67 781 ед. хр.), из них 191 фонд АОРа и 7 фондов Истарха. Все фонды прошли архивно-техническую обработку и инвентаризацию [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 249. Л. 4.; Д. 409. Л. 27].

Подводя итоги по комплектованию государственных архивов Нижнего Поволжья, следует отметить, что на начальном этапе, в период 1918–1928 гг. архивистами была проделана трудоемкая работа по выявлению, концентрации и учету архивных фондов, установлены связи и организациями-держателями фондов, выпущен ряд специальных директив на местном уровне. Сложности в работе архивистов состояли в отсутствии четких инструкций по ведению делопроизводства, составлению описей и формированию архивных дел. В 1930-х гг. ситуация стала меняться: на государственном и региональном уровнях были изданы нормативные документы, позволяющие местным архивным органам определиться со сроками хранения и передачи дел. Но ведение учета и обработку дел затрудняло скопление в архивохранилищах массы не разобранных материалов. Нехватка помещений, низкая квалификация кадрового состава и их малочисленность существенным образом влияли на работу по концентрации и обработке архивного материала.

2.2. Обеспечение сохранности архивных документов в государственных архивах

Проблема сохранности архивных документов является одной из самых актуальных проблем современного архивоведения. В архивных учреждениях проводится комплекс мероприятий по созданию условий и соблюдению

режимов хранения архивных документов, исключаящих их хищение, утрату и обеспечивающих поддержание их в нормальном физическом состоянии. Сегодня при хранении архивных документов учитывают требования к зданиям и помещениям архива, противопожарный режим, охранный режим, температурно-влажностный режим, световой режим, санитарно-гигиенический режим, оборудование архивохранилища, правильность размещения архивных документов в хранилище. Данная проблема, по мнению ученых Т.И. Хорхординой, Т.С. Волковой «всегда складывалась из решения двух задач: организации хранения – создания и функционирования архивных учреждений с учетом объема и состава Архивного фонда и обеспечения физической сохранности документов» [Хорхордина, Волкова 2012: 290]. 31 марта 1919 г. Лениным был подписан декрет СНК РСФСР «О губернских архивных фондах (Положение)», который в дальнейшем определил судьбу региональных архивов и озвучил проблему сохранности архивных документов на местах. Пункт 9 указанного декрета гласил, что до завершения централизации архивного дела в губерниях, губисполкомы обязаны принимать меры по сохранению архивных дел и документов [Сборник... 1961: 15].

В Астрахани в первые два года своего существования (1920–1921 гг.) губархив располагался в квартире уполномоченного И.И. Солосина. В 1922 г. ему «удалось найти большой каменный 2-х этажный дом по ул. Братской д. № 3». Отведенное помещение было достаточно обширно и вполне подходило для размещения в нем бюро и архивохранилищ. К зиме 1923 г. работы по ремонту были завершены лишь частично. В 1924 г. началась плановая перевозка архивов в новое помещение. Кроме того, существенное внимание было направлено на работы по окончании ремонта и оформлению здания в аренду губархивбюро [ГААО. Ф. Р-2779. Оп.2. Д. 44. Л. 2об.–3].

В октябре 1925 г. в ходе обследования санитарной комиссией Астраханского архива выяснилось, что двухэтажное кирпичное здание губархива не отапливалось, почти во всех помещениях отсутствовала

вентиляция, влажная уборка не производилась. Комиссия констатировала, что только в одном из архивохранилищ установлены 7 стеллажей, которые завалены до потолка делами, возможности свободно передвигаться между стеллажами не было. При легком толкании неукрепленные стеллажи качались, а при проезде тяжелых экипажей или автомобилей, происходило сотрясение здания, и согласно документу «вызывало скольжение пачек с делами со своих мест и падение таковых». Дела доставались служащими при помощи деревянных тяжелых лестниц [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 4. Д. 16. Л. 52].

Под архивохранилище Царицынского губархивбюро после его организации в 1923 г. отвели подвальное помещение из 4 различных комнат общей площадью 161,5 кв. м. в здании губисполкома. В январе 1925 г. по решению президиума губисполкома от 28 января 1925 г. Сталинградскому архивному бюро предоставили помещение в здании губсуда, одновременно оставив за бюро и архивохранилище в подвале губисполкома. Площадь архивохранилищ в сумме стала составлять 300 кв. м. В 1926 г. за Сталинградским архивом закрепили здание по ул. Халтурина, д. 12. [Булюлина 2004: 11, 12, 18, 20]. Часть здания была занята квартирантами. Несколько семей выселили из здания в судебном порядке и освободили верхний этаж площадью 150 кв. м. Там произвели ремонт; приспособили комнаты для библиотеки и читального зала, канцелярии, комнаты для заведующего политической секцией, разборочной комнаты; две комнаты представили под межевой архив. Таким образом в распоряжении Сталинградского архивное бюро оказалось каменное, сухое, с электрическим освещением здание в 2 этажа общей площадью 874, 28 кв. м [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 3–4]. Помещения, занимаемые Сталинградскими уездными архивными бюро, за исключением архивохранилища Хоперского округа, считались вполне пригодными. Лишь в Николаевском и Ленинском архивах помещения не отапливались и не имели достаточного остекления [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 4].

В 1925–1926 гг. Саратовское губернское архивное бюро располагало 8 архивохранилищами общей площадью 5179,8 кв. м. Все они были разбросаны по различным адресам. Только четыре из них были официально закреплены за бюро и находились в двухэтажном сухом каменном здании на ул. Покровской, в бывшем женском монастыре. За исключением разборочной комнаты, помещение не отапливалось, в нем отсутствовало электрическое освещение. В пожарном отношении помещение считалось безопасным. Еще три архивохранилища, официально не закрепленные за бюро, располагались в здании губернского музея по ул. Б. Кострижная. Еще одно архивохранилище находилось в здании губпрофсовета на углу Б. Кострижной и Вольской. Его можно отметить, как самое приспособленное, поскольку 3-этажное каменное здание отапливалось паровым отоплением и имело освещение. Общая протяженность стеллажных полок во всех 8 архивохранилищах составляла 11392,24 кв. м. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 106]. Уездные архивохранилища Саратовского губархивбюро (Аткарское, Балашовское, Кузнецкое, Новокузнецкое, Петровское, Сердобское, Саратовское) находились в каменных и сухих помещениях. В основном под архивохранилища в уездах выделяли нижние этажи зданий уездных исполкомов. Лишь в Камышинском уездном архиве условия хранения документов считались не соответствующими [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 811. Л. 18].

Архивное бюро АО НП, созданное в 1923 г., только в начале 1924 г. получило 3 комнаты, располагавшиеся на 3-м этаже ЦИК и СНК. Их общая площадь равнялась 56 кв. м. В 1925 г. архивному бюро предоставили другое помещение площадью 326 кв. м. В 1930 г. архив стал размещаться в здании хлебного амбара, построенного в 1902 г. на центральной площади столицы Немреспублики [Ерина 2012: 13].

Документы Калмыцкого архива с 1920 г. находились в подвале дома Калмыцкого народа в г. Астрахани [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 11. Л. 47]. Архив занимал три неотапливаемые комнаты, две из которых были заняты

делами. Третья предназначалась для занятий сотрудников [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 17. Л. 48]. В письме Президиуму ЦИК КАО (предположительно в 1921 г. – М.Б.) секретарь архивно-музейной секции Ф.И. Плюнов отмечал бедственное положение архива: «помещается в нижнем этаже... помещение чрезвычайно тесное, сырое, холодное, не имеет достаточного света и вентиляции» [Архивная летопись 2006: 45]. Далее в документе Ф.И. Плюнов указывал, что дела и книги пострадали во время гражданской войны, представляя хаотически-беспорядочную массу, разбросанную по полкам, проходам и углам. Многие дела и книги разрушены в своей целостности. Архивно-музейная секция, приступив к приведению архива в порядок, не имела свободного угла для работы, разбирала дела и книги на полу в тесных проходах между полками, копаясь в грязи и буквально задыхаясь от пыли [Архивная летопись 2006: 45]. В результате архиву выделили дополнительные помещения в том же здании. В 1922 г. начали отапливать комнату для занятий. В зиму 1922–1923 гг. отопление отключили [НАРК. Ф. Р-71. Оп.1. Д. 17. Л. 48]. От постоянной сырости и холода у сотрудников появились ревматические заболевания. Кроме того, на зрении сказывался недостаток света, особенно в осенние и зимние дни. Совершенно точно выразился инспектор ЦАУ Д.Г. Истнюк о Калмыцком архиве, что «это могила, где безвинно погибают и люди, и архматериалы» [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 482. Л. 2].

В связи с переездом весной 1928 г. части учреждений Калмыцкой области из Астрахани в Элисту Постановлением Президиума Калмыцкого облисполкома от 3 мая 1928 г. архивному бюро предоставлено новое помещение на 2-м этаже бывшего дома Калмыцкого народа. В июле и частично в августе туда переместили оборудование и архивные материалы. Площадь нового помещения равнялась 223,9 кв. м, кубатура – 783 куб. м. Общая протяженность стеллажных полок составляла 581 м. Помещение архивохранилища было кирпичное, сухое, оштукатуренное; снабжено огнетушителями. Имелись также рабочая комната, канцелярия и библиотека

[НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 20об.]. По этому поводу заведующий архивным бюро Н.Н. Пальмов писал: «Теперь, наконец, после 7 ½ лет пребывания в могиле, архивным работникам и архматериалам предоставлены лучшие условия существования [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 482. Л. 2].

В качестве насущной проблемы региональной архивной системы выступала проблема хищения архивных дел. Однако органы исполнительной власти Царицына (Сталинграда), Саратова и Астрахани своевременно выпустили ряд директив.

К примеру, постановление Саратовского Губисполкома от 18 июля 1924 г. «Об охране архивных материалов» запрещало продажу и покупки архивных материалов на оберточную бумагу. Нарушение постановления в отношении частных лиц каралось «штрафом до 50 руб. золотом или принудительными работами до 1 месяца; в отношении должностных лиц, допустивших продажу или архивные фонды коих будут обнаружены на базарах, в дисциплинарном или судебном порядке» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 811. Л. 31].

Согласно приказу Астраханского губисполкома № 204 от 13 ноября 1920 г. на городские и уездные учреждения возлагалось принятие решительных мер к сохранению архивов от расхищения, и информированию властей и уполномоченного Главархива в случае опасности. Запрещалась продажа и уничтожение дел архивов ныне существующих учреждений, а также и расформированных во время войны, революции и в предшествующее время. Виновные в подобных преступлениях подлежали ответственности по суду. Кроме этого, постановление Астраханского губисполкома № 213 от 12 мая 1922 г. обязывало всех заведующих учреждениями и предприятиями к принятию мер по полной сохранности, имеющихся у них в учреждениях архивов. Нельзя было проводить вырезку чистой бумаги из архивных дел и выдачу документов из них. В обязанности городской милиции входило наблюдение за недопущением продажи или покупки дел из архивов [ГААО. Р-846. Оп. 1. Д. 13. Л. 3, 5].

В постановлении Царицынского губисполкома «О выяснении состояния архивного дела в Царицынской губернии» от 8 августа 1923 г. отмечалось, что ответственность за сохранность архивных документов несут учреждения, в помещениях которых они хранились. Запрещалось уничтожать документы без согласия бюро. Обязанность за ведение учета архивных фондов и в дальнейшем предоставление сведений о них в бюро возлагалась на уездные и волостные исполкомы [Булюлина 2004: 13].

В отчетах Астраханского губархива за 1925–1927 гг. имеются сведения о том, что в 1919 г. уничтожены материалы бывшей частной гимназии Бенземан [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 96. Л. 6об.], использованы для канцелярских нужд в 1918–1919 гг. архивы пристани общества «Мазут» и общества «Волга», а также архив Болхунского волостного правления. Во время гражданской войны сгорели архивы церкви Знаменской Божьей матери, Икрянинского волостного правления, Икрянинского волостного съезда мировых судей, Красноярской уездной земской управы, Красноярского полицейского управления, Харабалинского волостного правления, Харабалинского волостного исполнительного комитета, Марфинского волостного правления. Уничтожены пожаром в 1927 г. фонды Зацаревского РИКа и Зацаревского волостного правления [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 12об., 13].

В результате разгрома Калмыцкого архива 1918 г. пострадали фонды за 1890–1917 гг. Случаев противозаконной продажи архивных материалов учреждениями Калмыцкой области и частными лицами не было [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 67, 67об.].

В 1920 г. погибли архивы, эвакуированные во время Гражданской войны из Польши. Почти пропали архивы Саратовской казенной палаты, Саратовской городской управы, Саратовской окружной палаты и Саратовского окружного суда. В ужасном состоянии находились архивы банковских учреждений. Между тем, большинство зданий, в которых находились ведомственные архивы Саратова, требовали серьезного ремонта

[ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 3]. Как писал в отчете за 1921 г. уполномоченный по архивным делам С.Л. Урсынович: «Это буквально подвалы, без окон и дверей. Перевезти документы в более подходящие здания невозможно, потому что возчики в настоящее время берут только за наличный расчет по спекулятивной цене. Получить из отделов снабжения необходимые для ремонта и снабжения архивов предметы тоже невозможно, так в Саратове ничего нет» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 353. Л. 4об.].

В Астраханских ведомствах ситуация с хранением документов была не менее тяжелой. В служебном письме заведующего губархивом И.И. Солосина Центрархиву от 4 апреля 1924 г. указано, что «с 1921 г. Астраханский губпрофсовет добивается выселения из занимаемого им здания быв[шего] окружного суда – ныне дворец имени т. Ленина – архивов б[ывших] судебных учреждений... Архивные фонды б[ывших] судебных и др. учреждений помещаются в здании, предназначенном исключительно для хранения архивов... в этом помещении сводчатые потолки, асфальтовые полы, железные двери, отопление паровое. Из всех астраханских актохранилищ это наиболее оборудованное и отвечающее своим целям. Сохранившиеся в нем архивные фонды находятся в сравнительно хорошем состоянии и заключают в себе ценные для исторической науки и практической жизни материалы в весьма большом количестве. В нем всего дел и книг приблизительно до 300 000. Без сомнения, перевозка такого большого архива губельно отразится на его состоянии, она разобьет его, приведет в беспорядок» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 36. Л. 37]. В период 1925–1926 гг. архивы бывших судебных учреждений все-таки перевезли в здание Бюро. Подтверждением тому служат сведения из годового отчета: «Из крупных фондов, находящихся в здании Бюро остаются еще не разобранными: Окружной суд, Сиротский суд...» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 96. Л. 5об.].

Царицынские (сталинградские) архивисты при спасении архивов тоже столкнулись с серьезными трудностями. «Приходилось вести борьбу с

учреждениями, в помещениях которых находились архивы, чтобы оградить последние от выселения. Надо было усилить работу по охране документов от хищений, происходивших в условиях бумажного дефицита повсеместно и в широких масштабах» [Булюлина 2004: 12]. Архив городской управы и архивы судебных учреждений г. Царицына были уничтожены полностью. Е.В. Булюлина отмечает, что «Частично сохранились архивы полицейского и жандармского управлений. Документы белогвардейских учреждений и Временного правительства за 1917–1918 гг. практически не сохранились, так как они эвакуировались белыми при отступлении из Царицына» [Булюлина 2004: 13].

К гибели и расхищению архивных документов Саратовского края (Саратов, Вольск, Петровск и ряд других районных архивов) привела их финансовая необеспеченность, отсутствие условий для хранения. К примеру, в Вольске период 1932–1933 гг. погибли от сырости ценные военные фонды периода гражданской войны; в Саратове документы, находившиеся в бывшем женском монастыре, были расхищены и уничтожены. Ряд военных фондов дореволюционного периода и периода гражданской войны были расхищены в Петровске. В Аткарске был уничтожен ценнейший материал Земской управы, Дворянского собрания, Полицейского управления [ГАРФ. Ф-5325. Оп. 9. Д. 4529. Л. 36].

Из актов инспекторского обследования выяснилось, что еще до организации в АССР НП архивного органа значительная часть архивов расхищалась. Старо-Полтавский кантисполком в 1932 г. уничтожил почти целиком архивные материалы пореволюционного времени, передав их в утилизацию. В период 1932–1933 гг. многие ведомственные архивы г. Энгельса были обследованы архивными работниками. В частности, в лесозаводах № 6 и № 7 архивные документы были свалены на чердаке без присмотра, где они расхищались, а при возникновении пожара целиком погибли. Известно также, что документы Энгельского городского совета размещались в кладовой [ГАРФ. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 8].

Как меру борьбы с хищением архивных дел специалисты губархивов практиковали обход рынков и наблюдение за торговцами, покупающими архивную бумагу.

Заведующему Астраханским губархивом И.И. Солосину лично не раз приходилось отбирать архивные дела у торговцев. Среди них попадались не только старые дела дореволюционного периода, но и новые – 1918, 1919 и более поздних годов. В годовых отчетах за 1920–1923 гг. Солосин писал: «К сожалению, со стороны милиции, как видно, нет достаточного надзора за таковой незаконной куплей продажей» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 10. Л. 15].

Неоднократно проводил обследования на рынках и другой заведующий Астраханским архивным бюро Н.К. Васильев. Именно он обнаружил 2 кг архивных материалов фонда Астраханской духовной консистории, около 20 кг документов фонда товарищества братьев Нобель и прочие документы городских учреждений дореволюционного периода [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 96. Л. 7].

Согласно отчету за 1925–1926 гг. в Саратове утрат и крупных краж архивных документов из учреждений не наблюдалось. Все же мелкие кражи имели место. При обнаружении архивных материалов на рынках в милиции составлялся акт на торговцев с привлечением их к административной ответственности и штрафу до 30 руб. Самовольные продажи архивных документов наблюдались в таких учреждениях как Хлебопродукт и губернское земельное управление. Дела о продажах документов передавались в суд, но зачастую судебные следствия оставались не законченными [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 92].

Регулярное обследование рынков проводилось и архивистами Сталинграда. Благодаря работе архивистов в 1927 г. были отобраны на рынках отдельные архивные документы 22 ведомственных учреждений [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 53].

В 1928–1929 гг. Астраханское окружное архивное бюро занимало четыре помещения, два из которых располагались в Астраханском кремле:

архив Октябрьской революции, секретный архив и научно-справочная библиотека размещались в здании Троицкого собора; комната для работ по обработке архивов, исторические архивы и печатно-книжный отдел располагались на нижнем этаже Успенского собора кремля. Оба помещения имели печное отопление. Дополнительные архивохранилища, оборудованные электрическим освещением и паровым отоплением, находились под зданиями городского совета и окружного исполнительного комитета. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 184. Л. 3]. На административно-хозяйственные расходы в 1928 г. Астраханскому окружному архивному бюро выделили 4 970 руб. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131. Л. 20].

В 1931 г. Астраханское отделение Нижне-Волжского краевого архивного управления занимало 5 помещений. В конце марта 1931 г. по распоряжению горсовета архив из помещения Троицкого собора в спешном порядке переехал в помещение Никольской церкви. На переезд горсовет дал архиву 24 часа [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 4]. Помещение Никольской церкви не отапливалось, не было отремонтировано и оборудовано стеллажами, поэтому дела складывались прямо на пол. Сложная ситуация складывалась с помещением, что находилось на нижнем этаже Успенского собора. Заведующий отделением П.И. Усачев писал: «почти все окна в нем побиты и через них идет расхищение архивных материалов» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 4]. В архивных помещениях отсутствовало электричество, температура воздуха составляла всего 5 градусов. На протяжении 1931–1932 гг. Усачев вместе с сотрудниками архива неоднократно обращался в Городской совет, Городскую прокуратуру, в городской отдел охраны труда с просьбой выделить средства на ремонт архивных помещений. Все просьбы и ходатайства оставались без внимания [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 221. Л. 1, 10].

Помещение Сталинградского окружного архивного бюро в 1928–1929 гг. представляло собой два двухэтажных каменных строения, соединяющихся одной крышей. В первом строении находилось

архивохранилище. Во втором располагались канцелярия, библиотека, читальный зал, разборочный и межевой архивы, и часть, занятая жильцами. Здания, занятые под архивохранилища, не отапливались. Общая площадь Сталинградского окружного архивного бюро составляла 774,38 кв. м. Общая протяженность стеллажей – 2420 погонных метров. На ремонт здания архива было выделено около 2 000 руб. На эти деньги частично произвели покраску крыши, полов, окон, оборудовали помещения пожарными кранами [ГАВО. Ф. Р-455.Оп. 1. Д. 115. Л. 5]. В 1931 г. помещения Сталинградского краевого архивного управления условия работы по-прежнему не отапливалось из-за отсутствия топлива. Фонды от ликвидированных организаций поступали большей частью в необработанном виде [Булюлина 2004: 26].

20 мая 1932 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об архивном управлении краевого (областного) исполнительного комитета и краевом (областном) архиве» [Сборник... 1961: 65–68]. Согласно положению, архивным управлениям разрешалось решать вопросы хранения и уничтожения архивных материалов на территории края; привлекать к ответственности лиц, допустивших неправильное уничтожение, продажу или порчу архивных документов; организовать охрану на территории района материалов Государственного архивного фонда и отбор их для утилизации [Сборник... 1961: 65–68]. Но поставленные задачи не были решены. На первом краевом совещании архивных работников Нижней Волги, проходившем 7–8 июня 1933 г. в Сталинграде, было отмечено отрицательное состояние архивных учреждений на местах. Краевое совещание подвело итоги архивного строительства в крае, в результате чего Коллегия Центрархива РСФСР в апреле 1933 г. признала работу архивного управления неудовлетворительной [Булюлина 2004: 26–27].

В связи с этим 1 ноября 1933 г. Нижне-Волжским крайисполкомом было принято постановление «О состоянии архивов при райисполкомах, горсоветах, госучреждениях, совхозах и районах Нижне-Волжского края». Постановление обязывало райисполкомы с 1 января 1934 г. во всех районах

Нижне-Волжского края организовать постоянные городские и районные архивы, в которых важно сосредоточить документы всех колхозов, совхозов и прочих районных учреждений. Архивы эти должны быть обеспечены помещением и оборудованием [Булюлина 2004: 27]. Таким образом, руководство Нижне-Волжского края одним из первых поставило вопрос о создании районных архивов. И только 10 декабря 1934 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О районных архивах» [Булюлина 2004: 27].

До 1933 г. Сталинградское краевое архивное бюро занимало вполне пригодное помещение по ул. Халтурина, 12. В 1933 г. началось перемещение СКАУ в помещение по ул. Банковская, 1. К 1934 г. переезд был завершен. Новое помещение, выделенное под краевое управление, было сырым, не отапливалось. Кроме того, «часть помещения находилась не под зданием, а под тротуаром, в результате чего нередко протекал потолок» [Булюлина 2004: 28].

Общая площадь архивохранилищ ЦАУ НП в 1933 г., в том числе канцелярия, составляла 353 кв. м. Сюда же входила и площадь, занимаемая архивом Истпарта и комсомола, находящегося в подчинении ЦАУ. Из-за отсутствия свободной площади для размещения архивов ЦАУ вынуждено было использовать чердачное помещение. В результате сырость и сильная жара от железной крыши привели к порче архивных документов [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 3]. Отметим также, что до 1933 г. ЦАУ НП не имело помещения под научно-исследовательский кабинет и читальный зал [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 3об.]. До 1933 г. архивохранилища ЦАУ НП оставались без охраны, в 1934 г. были утверждены 2 штатные единицы в качестве пожарно-вооруженной охраны. В противопожарном отношении в архивохранилищах имелось 8 огнетушителей. Все архивохранилища ЦАУ НП были изолированы от жилых и прочих строений, за исключением хранилища областного партархива. Все хранилища ЦАУ НП были перегружены делами, что отразилось на невыполнении плана по

концентрации и обработке архивных материалов. Планом работ на 1934 г. предусматривалось концентрация всех архивных материалов дореволюционного периода, находящихся в кантонах. Вопрос о расширении архивохранилищ в 1935 г. был разрешен в правительственных органах АССР НП в декабре 1934 г. Финансовая смета на строительство была согласована с Госпланом АССР НП. Но при утверждении сметы на 1935 г. этот вопрос остался не разрешенным. Наркомфин ссылается на отсутствие лимитов из Центра [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 15об.].

Важным моментом в развитии архивной отрасли России стало постановление Президиума ВЦИК СССР от 27 июня 1935 г. «О мероприятиях по упорядочению архивного дела в СССР» [Сборник... 1961: 70–77]. Принятие данного нормативного документа затронуло вопросы по обеспечению сохранности архивных документов и недопущения их гибели и утраты. [Манджикова 2022: 72–73]. ЦАУ РСФСР считало, что одной из основных причин гибели архивных документов считалось нарушение условий их хранения [Манджикова 2022: 73].

В отношении сохранности приведем один из документальных фактов: 9 февраля 1935 г. Сталинградским КАУ был издан приказ, в котором оговаривалось, что в архивохранилище участились случаи нахождения посторонних лиц. Посетители могли расхаживать по хранилищу без присмотра, даже с дымящей папиросой. Подобные действия совершенно не запрещались бывшим управляющим Н.А. Синеоковым. Поэтому новый руководитель Т.М. Серегин в приказном порядке запретил пропускать в архивохранилище посторонних лиц, разрешил вход только по пропускам, запретил курить в хранилищах как посетителям, так и сотрудникам [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 283. Л. 11]. В 1935 г. ситуация с помещениями в Сталинградском КАУ улучшилась в связи с проведенным ремонтом. Помещение управления, располагавшееся по-прежнему по улице Банковская, д. 1 [Булюлина 2004: 28], имело одно отапливаемое архивохранилище с электрическим освещением. Для научно-исследовательской работы

оборудовали отдельный кабинет, произвели ремонт кабинета для заведующих архивохранилищами и отремонтировали помещение секретного архива, отштукатурили и побелили помещения архивохранилищ. На предмет обслуживания здания в противопожарном отношении заключили договор с пожарной охраной. В кабинете заведующего архивохранилищем установили электрическую печь. Материалы Истарха сгруппировали в особую комнату и в большом количестве произвели смену ярлыков на вязках. В архиве ежедневно производилась влажная уборка помещений. Здание архива в конце рабочего дня закрывалось на замок и пломбировалось, охранялось частной охраной снаружи [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 38. Л. 3–3об.].

Камышинское отделение Сталинградского краевого архива в 1935 г. располагалось в бывшей церкви. Архивисты работали при дневном свете, электрическое освещение отсутствовало. Внутри архивохранилища оборудовали и утеплили разборочную комнату. В помещении установили новые стеллажи. Окна частично забили досками, частично остеклили, установили железные решетки. Отчетная документация свидетельствует, что документы Камышинского отделения находились в хорошем состоянии, были распределены на АОР и Истарх, уложены на стеллажи. Специалисты Камышинского отделения ежедневно закрывали помещение на замок и накладывали пломбу. Специальная наружная охрана отсутствовала, но помещение охранялось сторожем [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 38. Л. 4об.].

К 1935 г. властями г. Астрахани по-прежнему не были улучшены условия хранения архивных материалов и не решены проблемы с их охраной по причине отсутствия финансовых средств. Исторические архивы продолжали находиться в здании нижнего этажа Успенского собора Астраханского кремля в самых плохих условиях. Под специальной охраной двух сторожей находилось только центральное архивохранилище, располагавшееся в здании Никольской церкви. Остальные архивохранилища специальной охраны не имели. В хранилища, что располагались на территории Астраханского кремля, сторожа не допускались. В каждом

архивохранилище имелись огнетушители, кроме помещения в Успенском соборе. Уборка помещений отделения производилась регулярно. Не убиралось лишь помещение Успенского собора [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 302. Л. 35об.]. В 1935 г. Астраханское отделение вело наблюдение за постановкой архивного дела в 9 районах: Наримановском, Камызякском, Икрянинском, Красноярском, Володарском, Владимирском, Черноморском, Енотаевском и Харабалинском. По сведениям на июль 1935 г. в Икрянинском, Владимирском и Володарском районах архивы организованы не были. В остальных районах архивы открылись и располагались зачастую в бывших чуланах, флигелях, деревянных домиках при РИКах [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 283. Л. 107–108об.].

Постановление Президиума Сталинградского краевого исполнительного комитета № 1919 от 9 июня 1935 г. «О состоянии архивного дела в крае» четко регламентировало действия руководителей краевых и городских учреждений организаций, предприятий, райисполкомов и сельсоветов [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 21. Л. 2]. Согласно нормативному документу, в декадный срок необходимо было обеспечить свои архивы соответствующими помещениями с охраной, в месячный срок упорядочить все архивные материалы, не допуская сдачи в макулатуру архивных материалов без санкций СКАУ. Отдельным пунктом в постановлении шло предложение крайплану о включении в план строительства 1936 г. специального здания для краевого архива в Сталинграде [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–2об.] Однако решение вопроса о строительстве здания затянулось [Булюлина 2004: 28]. Сталинградское краевое архивное управление продолжало находиться в здании по ул. Банковская до эвакуации в 1942 г. [Краткая история... 2014].

В январе 1936 г. Астраханское отделение обследовалось работником из Сталинградского краевого управления, у которого вызывали опасение архивохранилища в здании Успенского собора. Архивные материалы, находившиеся в нем, неоднократно подвергались хищению через взлом

оконных решеток; все фонды (в основном ценные документы дореволюционных учреждений Астрахани) оставались без внимания архивистов, были покрыты толстым слоем пыли, инея и голубиного помета. Сотрудник СКАУ отметила, что «можно было бы принять самые элементарные меры к их сохранению... переложить эти фонды в имеющиеся в этом же соборе свободные комнаты и накрыть их...» [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 51. Л. 2]. Далее инспектором были сделаны выводы о том, что основная задача высших органов архивной власти – приведение архивов в порядок для использования, а также принятие мер к упорядочению архивов колхозов, совхозов, сельских советов и МТС по районам Астраханским отделением выполнена не была [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 51. Л. 2].

В 1934 г. Саратовское краевое архивное управление, отдел исторических архивов, военный архив, архив профсоюзов располагались в большом доме в центре города. Архивное управление делило это помещение с крайистпартом [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 15]. В этом же здании находилась гинекологическая лечебница кафедры акушерства и гинекологии Саратовского государственного медицинского университета [Саратовский... 2015]. Архив Октябрьской революции располагался поблизости, в подвале здания сельскохозяйственного института. Изолированного входа архив АОРа не имел и «был связан с внешним миром через общий вестибюль и коридоры курсов, всегда кишашие народом» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 15]. Хранилище Истарха не отапливались, местами проглядывал земляной пол, разборочные комнаты отсутствовали. Хранилище АОРа находилось в подвале площадью свыше 700 квадратных метров без окон и вентиляции. В нем располагались стеллажи, полностью занятые делами. Часть материалов была сложена у стен. Все хранилище пересекалось водопроводными и канализационными трубами [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 15].

Обследование государственных архивов Саратовской области, проведенное Центрархивом в 1938 г., показало, что все архивы области требовали капитального ремонта. Архив Октябрьской революции в 1938 г.

планировали переместить в новое здание. Балашовский архив уже в 1937 г. перешел в оборудованное, отапливаемое, каменное, чистое, сухое помещение. Произошло это событие при активном участии директора архива. На ремонт Вольского и Пугачевского архивов в 1938 г. выделили средства по 6 тыс. рублей на архив [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4529. Л. 52]. Архивохранилища районных архивов Саратовского области находились в худшем состоянии, чем областные архивы. Так, архив Вязовского райисполкома хранился в кладовой гаража; часть архива колхоза им. Ухтомского находился на чердаке жилого дома [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4529. Л. 52].

Попытаемся сопоставить сведения об общей площади помещений, протяженности стеллажей и количестве зданий сети архивных органов Сталинградского края (области) и Саратовской области.

Таблица 4. Сведения на 1936 г. об общей площади помещений, протяженности стеллажей и количестве зданий сети архивных органов Сталинградского края (с 5 декабря 1936 г. – области) [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 60. Л. 3–4].

Сеть архивных органов края	Количество зданий	Общая площадь архивохранилищ (в квадратных метрах)	Общая протяженность стеллажей (в погонных метрах)
Сталинградское краевое архивное управление (СКАУ)	1	900	2622
Астраханское отделение краевого архивного управления	2 специальных и 1 приспособленное	11 294	4 643
Камышинское отделение краевого архивного управления	1 приспособленное	240	150
Итого	4	12 434	7 415

Таблица 5. Сведения на 1937 г. об общей площади помещений, протяженности стеллажей и количестве зданий сети архивных органов Саратовской области [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4252. Л. 4об.].

Сеть архивных органов края	Количество зданий (все здания приспособлены)	Общая площадь архивохранилищ (в квадратных метрах)	Общая протяженность стеллажей (в погонных метрах)
Саратовское областное архивное управление	1	760,13	1 900
Исторический архив	2	810, 2	5 292
Архив Октябрьской революции	1	938,7	4 255
Балашовский архив	1	352	937,5
Вольский архив	1	373, 2	624
Пугачевский архив	1	233,5	764
Итого	7	3 472,73	13 772,5

Видно, что из всех архивов Нижнего Поволжья Астраханское отделение Сталинградского краевого архивного управления обладало наибольшей площадью (11 294 кв. м) и протяженностью стеллажных полок (4 643 погонных метров). Однако в помещении Исторического архива Саратовского областного архивного управления на 810 кв. . помещались стеллажи общей протяженностью 5292 погонных метров. Таким образом, хранилище Исторического архива Саратовского архивного управления было намного плотнее заставлено стеллажами, нежели другие архивохранилища Нижнего Поволжья. В отношении Центрального архива АССР НП по сообщению Е. Больберга, размещенного в журнале «Архивное дело» за 1936 г. указано, что много разобранных и описанных фондов лежало прямо на полу, так как стеллажи сильно перегружены. Из-за отсутствия помещения не представлялось возможным концентрировать архивный материал из кантонов. Вопрос о проблеме выделения дополнительных помещений для архива неоднократно ставился в правительственных органах АССР НП [Больберг 1936: 112]. На заседании Президиума ЦИК от 20 июля 1936 г. вынесли решение о разработке проекта на постройку в 1937 г. нового здания

для архива немцев Поволжья [Больберг 1936: 112]. Но строительство здания так и не начали. Долгие годы архив немцев Поволжья продолжал находиться в хлебном амбаре, а в 1941–1945 гг. он был закрыт [Вновь открыт... 2013].

В 1936 г. помещение архивохранилища ЦАУ Калмыцкой АССР требовало расширения и дооборудования стеллажами. Необходима была также дополнительная площадь для организации читального зала, но вопрос откладывался, в связи с предполагаемой переброской архива в г. Элисту, на чем настаивал секретарь Калмыцкого обкома партии И.Н. Карпов. В Элисте архиву планировалось предоставить подвальное помещение в доме Калмыцкого ЦИКа и часть площади наверху для рабочих помещений. Помещение в Элисте вызывало опасения у заведующего архивом Б.Г. Майорова по части пожарной безопасности, поскольку вблизи предполагаемого архива находились отопительные приборы, а водопровод в доме отсутствовал. На вопрос об отпуске средств на переоборудование помещения архива от СНК КАССР был получен отказ [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 333. Л. 12об.]. На заседании Президиума ЦИК Калмыцкой АССР Б.Г. Майоров внес предложение о строительстве в г. Элисте специального здания для архива. Строительство планировалось начать в 1938 г. Спустя год планировался переезд архива из Астрахани в Элисту. Однако Калмыцкий архив продолжал находиться в Астрахани вплоть до 1943 г. [Архивная летопись 2006: 60, 97].

Обследование архивов в улусах Калмыцкой автономной области в 1935 г. показало, что «там почти совсем не сохранилось улусных архивов; в одних случаях они сильно пострадали, а в других совершенно уничтожены» [Лапин 1935: 22–34]. Только к 1937 г. благодаря активным действиям Б.Г. Майорова были открыты архивы в 7 улусах: Долбанском, Западном, Центральном, Сарпинском, Приволжском, Черноземельском, в мае 1937 г. – Лаганском и городской архив в г. Элисте [Архивная летопись 2006: 60]. Обследование архивов колхозов, совхозов, МТС и сельсоветов республики в период с мая по август 1935 г. проводил инспектор ЦАУ КАССР

Н.К. Корсиков. В актах обследования было отмечено, что состояние районных архивов более удовлетворительное в сравнении с архивами колхозов и совхозов [Манджикова 2022: 76].

Подводя итоги по вопросу обеспечения сохранности архивных документов в государственных архивах Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг., следует отметить, что ситуация складывалась по очень похожему сценарию, характерному для многих региональных архивов в указанный период. При образовании им отводили помещения, непригодные для хранения архивных документов. Как правило, это были здания бывших церквей, монастырей, подвальные помещения и даже амбары. Многочисленные районные архивы Нижнего Поволжья, организованные в 1934–1937 гг., размещались на чердаках, в гаражах и подвалах зданий, принадлежавших райисполкомам. Зачастую архивные помещения не имели отопления, освещения, даже окон (а если окна имелись, то через них происходило хищение архивных дел). Вход в архивохранилища осуществлялся через одну дверь, что не соответствовало правилам пожарной безопасности. Наружная охрана (сторожа) имелись не во всех архивах Нижнего Поволжья, и была внедрена везде лишь в середине 1930-х гг. Размещение архивных дел на стеллажах страдало излишней плотностью или же документы попросту складывали россыпью, что считалось не обработанным, не учтенным, не имеющим фондовой принадлежности материалом. В связи с этим формирование фондовой картотеки и научно-справочного аппарата шло медленно и некачественно.

Органы центральной власти регулярно издавали нормативные документы, касающиеся сохранности архивов. На местах региональные власти также старались отразить в нормативных документах вопросы охраны архивов, но в основном они оставались на бумаге. Местная власть в финансовом смысле оказалась не готовой выполнять директивы центра. Финансирование архивов шло по остаточному принципу. Заведующие архивами и сотрудники осуществляли мероприятия по обеспечению

сохранности по мере сил и возможностей. Лишь к концу 1930-х гг., когда стало известно о переходе архивов в ведение НКВД, местные власти стали выделять незначительные средства на ремонт и оснащение архивов. Таким образом, мы можем отметить медленные темпы совершенствования системы сохранности архивных документов в Нижнем Поволжье.

2.3. Проведение работ по фондированию и учету

В настоящее время перед архивоведением и архивистами поставлены ряд вопросов, требующих решения. В их числе фондирование документов, то есть организация хранения и учета документации учреждений и организаций как государственных, так и общественных [Елпатьевский, Хими́на 2005: 35]. В.В. Максаков отмечал, что архивисты считали по-настоящему архивным только письменный или графический материал делового, научного или повествовательного характера, являющийся «непосредственным выражением прошлой деятельности учреждений, организаций и лиц и подлежащий хранению в интересах научного или практического использования» [Елпатьевский, Хими́на 2005: 35].

Ранее фондирование документов существенно отличалось от современной системы фондирования. В марте 1922 г. были опубликованы циркуляр ЦАУ РСФСР и инструкция сотрудникам ЕГАФ, на основании которых вводилась карточная регистрация фондов, чем было положено начало организации центральной и местной фондовых картотек [Сидоров 1935: 34]. Новая форма учета исходила из принципа «неделения фондов» [Сидоров 1935: 35].

Свое дальнейшее развитие эта форма фондового учета получила в инструкции по заполнению карточек местных фондов и рабочей инструкции по регистрации фондовых карточек и их нумерации. Центральным архивам Москвы и Ленинграда, а также центральным архивным управлениям автономных республик, краевым и областным архивным управлениям предлагалось организовать и систематически вести работу по учету и

карточной регистрации фондов с обязательным представлением одного экземпляра карточек в Центральную картотеку [Сидоров 1935: 35–36]. Таким образом, в ней оказались сосредоточены учетные данные о всех фондах, входящих в состав ГАФ РСФСР и находящихся в подведомственных Центальному архивному управлению архивах, фондах учтенных, но не сданных по тем или иным причинам архивным органам, и частично сведения о погибших фондах. При формировании фондового каталога планировалось получать точные и правильные сведения о количестве и состоянии фондов центральных и местных архивов; обеспечить возможность их быстрого нахождения; выявить наиболее актуальные фонды для использования; содействовать организации охраны архивных материалов. Основным недостатком Центрального каталога считалось отсутствие сведений в нем от ряда центральных и местных архивов о фактическом количестве фондов и их состоянии [Сидоров 1935: 35–36].

Согласно информации из печатных источников, в течение ряда лет в каталог не поступали сведения о фондах из Саратовского и Сталинградского архивных управлений. Кроме того, Сталинградское архивное управление не предоставляло учетных данных по архивам своей местной сети [Сидоров 1935: 36]. Из архивных документов нам известно, что в 1926 г. в Саратовском губархивбюро учетные карточки на фонды не составлялись по причине отсутствия достаточного количества сотрудников. Архивный материал фиксировался на регистрационных листах. Количество единиц хранения в них не учитывалось [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 92]. Специалисты Сталинградского губархивбюро в 1926–1927 гг. составили 487 карточек для картотеки архивных фондов [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 19].

Архивисты Калмыкии приступили к формированию фондовой картотеки с 1924 г. Именно тогда в нее внесли первые 5 наименований фондов [НАРК. Ф. Р-71. Оп.1. Д. 24. Л. 67]. По данным на 1928 г. все поступающие в первый раз в Калмыцкий архив фонды после регистрации в

регистрационной книге фондов вносились в книгу поступлений и картотеку [НАРК. Ф. Р-71. Оп.1. Д. 101. Л. 21об.].

В Архивном управлении АССР НП в 1925–1926 гг. картотека на принятые фонды не велась, данные о фондах заносились в реестр. Имелся только список всех фондов, сосредоточенных в архивохранилищах Управления [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 51].

Все силы специалистов Астраханского губархивбюро в период 1926–1927 гг. были направлены на систематизацию архивного материала. Согласно отчету заведующего Н.К. Васильева большинство архивных фондов находились в неразобранном состоянии, что затрудняло процесс фондирования. Информации о количестве составленных карточек в отчетах бюро не выявлено. Известно только, что в 1928 г. учет архивных материалов производился по актам. На основании актов составлялись картотека фондов и регистрационная книга учтенных фондов. Акты формировались без указания количества взятого на учет материала. Этот недостаток отражался и в картотеке [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131. Л. 21об.].

В связи с реорганизацией сети местных архивных органов необходимо было учесть и все происходившие изменения в составе Государственного архивного фонда. Поэтому Центральным архивным управлением РСФСР 27 сентября 1928 г. был издан циркуляр «О картотеке архивных фондов в связи с районированием», который определял порядок учета архивных фондов [Петровская 1958: 60–61].

В Саратове в числе недочетов, имеющих на местах и подлежащих устранению, инспектор ЦАУ Д. Истнюк отмечал медленные темпы по составлению картотеки фондов и явную недооценку ее значения для правильного развития дела. По сведениям на 1934 г. в Саратовском архиве отсутствовал фондовый каталог, даже не велось списка фондов [Истнюк 1928б: 74].

За 1935 г. специалистами Астраханского архива на фонды было составлено 1 583 алфавитные карточки. Отмечалось, что работа по полному

составлению карточек на все имеющиеся фонды не закончена. Кроме того, нужно было исправлять ошибки в ранее составленных карточках [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 302. Л. 36об.].

Фондовая каталогизация архивных материалов Камышинского отделения в 1935 г. СКАУ не велась (здесь надо учитывать тот факт, что Камышинское отделение было организовано в апреле 1934 г.). К выполнению работы по фондированию отделение планировало приступить в апреле. Книга поступлений архивных фондов имелась, но не все графы в ней заполнялись [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 283. Л. 60].

Фондовая картотека в ЦАУ АССР НП в 1934 г. в основной своей массе составлена на карточках старой, уже отмененной формы. К концу 1934 г. было пересоставлено 600 карточек. Книги фондов и отдельной книги поступлений не существовало. Вместо них велась комбинированная книга, совершенно не отвечавшая своей цели [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 3а].

В отношении учета архивных материалов в государственных архивах Нижнего Поволжья ситуация складывалась следующим образом. Система описания документов в 1934 г. в Астраханском архиве не соответствовала архивно-методическим правилам. Инвентарная опись на один фонд составлялась не единым валовым номером, а на каждый год отдельно с первой вязки. Ревизия фондов в отделении только начала проводиться. Всего было проверено 3 929 ед. хр. При ревизии фонда составлялся не акт, а так называемая справка, в которой указывалось фамилия и должность сотрудника, проводившего ревизию и количество недостающих единиц хранения по описям [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 6–6об.]. В справках отсутствовали сведения о времени поступления фонда, о хронологических рамках, о выделении макулатуры, о состоянии материалов и выводы. Таким образом, справка-акт не отвечала тем требованиям, которые предъявлены при ревизии фондов. Фондовой книги и книги поступлений в отделении не имелось. Заменяла ее так называемая книга «Опись описей» на

дореволюционные и пореволюционные фонды. «Методику составления книги описей – трудно определить, т.к. она составлена частью по фондовым номерам и частью по отделам самого учреждения». Фондовый номер материала определялся по фондовому каталогу. Процент учтенных материалов оценивался приблизительно в 65 % [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 6об.].

В апреле 1936 г. Астраханскому и Камышинскому архивным отделениям, а также районным архивам от СКАУ поступило предписание провести и закончить разборку по первичному учету фондов и единиц хранения, в частности завести фондовую книгу и книгу поступления на все имеющиеся фонды. Астраханскому и Камышинскому отделениям необходимо было исправить имеющийся фондовый каталог и выслать в СКАУ фондовые карточки на вновь поступившие фонды; районам представить списки на все фонды; провести полный учет низовых точек, расположенных на территории отделений и районных архивов [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 15. Л. 45].

Состояние архивного материала в Центральном архиве АССР НП на 1936 г. определялось так: по архиву АОР к середине года весь материал был разобран по фондам и внутри его по годам. На все фонды имелись инвентарные описи, фондовые и алфавитные карточки. Кроме того, архивисты Центрархива заново составили общую фондовую книгу. В архиве профсоюзов материал также был разобран и описан, на фонды имелись фондовые и алфавитные карточки [Большберг 1936: 110].

В практике организации архивных документов распределение по фондам решалось с учетом принадлежности к историческим эпохам – социализма или капитализма [Шабанова 2005: 29]. Данные положения отразились в циркуляре ЦАУ СССР от 9 октября 1937 г. № К-32/34-1. В некоторых архивах хранились фонды, относящиеся ко времени как до, так и после Октябрьской социалистической революции. В таких архивах фонды каждой из этих эпох надо было учитывать и нумеровать отдельно. Для этого

необходимо завести две книги фондов с самостоятельной нумерацией. К номерам фондов после Октябрьской революции всегда стали добавлять спереди букву «Р» [Шабанова 2005: 29].

В 1937 г. все архивные материалы, сконцентрированные в ЦАУ АССР НП (свыше 267 тыс. ед. хр.), имели сдаточные описи, но в абсолютном большинстве не отвечающие требованиям. Заголовки не раскрывали содержания документов. Работа по составлению описей проводилась, но сотрудники архива не совсем правильно трактовали понятие «фонд». Так, к примеру, самостоятельные фонды уездного отдела народного образования и уездного земельного отдела были объединены в один общий фонд уисполкома. Фондовая картотека, книга фондов и книга поступлений имелись. К учету архивных материалов по новым формам Управление еще не приступало [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4191. Л. 2].

В 1938 г. учет в Саратовском областном архиве производился через список фондов, описи (сдаточные и составленные в архивах), фондовые карточки. В некоторых архивах с 1937 г. проводилась предварительная работа по переходу к учету по новым формам, утвержденным ЦАУ СССР в августе 1936 г. В отчете было сказано, что «по области в целом был слишком низок процент упорядоченных материалов, всего 20 %, что заставит делать главный упор на упорядочение архивных материалов» [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 53–54].

В Астраханском архиве также занимались переводом фондов на новый учет: в 1938 г. было переведено 47 фондов при плане 175 фондов. Невыполнение плана было связано с тем, что учетчица занималась исправлением ранее написанных 227 карточек, которые впоследствии были направлены в Сталинградское областное архивное управление [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 48. Л. 10об.].

Калмыцкие архивисты к середине 1939 г. смогли провести инвентаризацию и учет 238 фондов, причем по новым формам учетных документов. Отрицательным фактом служило отсутствие у некоторых

фондов даты первого поступления. Это было связано с тем, что не на все фонды имелись сдаточные описи [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 409. Л. 27, 30].

В 1938 г. были разработаны «Правила систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР», а в 1939 г. – «Правила определения архивного фонда», в основу которых был положен один из важнейших принципов организации архивного дела – принцип единства и неделимости фонда» [Хорхордина, Волкова 2012: 290].

Таким образом, в отношении фондирования и учета архивных документов в практике работы государственных архивов Нижнего Поволжья в период 1918–1938 гг. можно сделать следующие выводы: одному из самых важных видов архивной работы – фондированию в государственных архивах Нижнего Поволжья уделялось не столь значительное внимание. На одного работника было возложено несколько обязанностей: выполнение справок, инвентаризация, в том числе учет и фондирование архивных документов. Как выяснилось, на начальном этапе архивного строительства в Нижневолжском регионе к фондированию не приступали вовсе и только после предписаний Центрахива занялись этим видом работы. Кроме того, процесс фондирования затрудняла неразобранность большинства архивных фондов длительное время. Так было в Астраханском и Саратовском архивах. Чуть лучше обстояли дела в Калмыцком архиве и архиве АССР Немцев Поволжья. Связано это было с тем, что последние архивы не обладали столь большим количеством фондов, следовательно, их проще и быстрее было разобрать.

2.4. Мероприятия по утилизации архивных документов

На сохранность архивных документов негативно повлияли две макулатурные кампании. Первая проходила в 1919 – начале 1920 гг., когда бумажный отдел Центра утилизации ВСНХ СССР (Высший совет народного хозяйства СССР) в условиях бумажного кризиса планировал использовать архивы правительственных учреждений и бывших частных предприятий. Однако ГУАД, положив за основу декрет от 31 марта 1919 г. «О хранении и

уничтожении архивных дел», объявил действия Центра утилизации ВСНХ противозаконными и добился отмены циркуляра об утилизации старых архивов. Согласно этому нормативному документу, разбор архивных фондов, подлежащих сохранению, и выделение из них дел к уничтожению был передан ГУАД [Хорхордина, Волкова 2012: 290]. Председателями разборочных комиссий в Петрограде и Москве являлись управляющие отделениями ЕГАФ, а в регионах – заведующие областными или губернскими архивами. Постановления разборочных комиссий направлялись на заключение в Поверочную комиссию, созданную при ГУАД. Выделение документов к уничтожению проводилось в присутствии председателя или одного из членов разборочной комиссии, составляющего акт исполнения. При фактическом уничтожении дел органами бумажной промышленности обязательно присутствовал представитель ГУАД [Максаков 1959: 93]. По мнению В.В. Максакова действия ГУАД были продиктованы «заботой об охране документов, имеющих значение для практического и научного использования...» [Максаков 1959: 93–94]. Учреждениям-фондообразователям отводилась второстепенная роль, их представители входили в состав разборочных комиссий, но решающую роль в разборочных и поверочных комиссиях принадлежала ГУАД [Максаков 1959: 94].

Во время первой макулатурной кампании в Калмыкии архивное дело находилось на этапе становления. В тот момент для архивистов важно было устранить последствия Гражданской войны, собрать и привести в порядок документы организаций и учреждений, а также сохранить архив Управления калмыцким народом. В связи с этим массового уничтожения архивных документов в макулатурной кампании в Калмыкии удалось избежать. По мнению Л.Б. Манджиковой, руководитель архивного бюро профессор Н.Н. Пальмов специально не стал предпринимать действия по уничтожению документов, касающихся истории калмыцкого народа, понимая их важность и значимость для науки и истории. [Манджикова 2022: 49].

Документы ГААО, свидетельствуют, что еще до начала второй макулатурной кампании Астраханским губрахивом было выделено в макулатуру: в 1924–1925 гг. – 33 152 кг, 1925–1926 гг. – 64 186 кг, в 1927–1928 гг. 68 750 кг документов. Всего за 3 года – 166 088 кг [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 171. Л. 10].

Вторая макулатурная кампания в архивах была организована в 1929–1930 гг. В постановлении СНК РСФСР «О порядке ликвидации не подлежащего хранению архивного материала» от 13 апреля 1928 г. было сказано, что отбор не подлежащих хранению архивных материалов учреждений производится в самих учреждениях специальными комиссиями. Членами этих комиссий являлись представители соответствующих учреждений и представители Центрархива или местных архивных органов. Предназначенные к уничтожению дела и документы сдаются на государственные бумажные фабрики непосредственно самими учреждениями, а вырученные от продажи средства поступают на счет соответствующих предприятий [Сборник... 1961: 32].

Немногим позже, взяв за основу постановление Совета труда и обороны (СТО) от 28 ноября 1928 г., Коллегия НК СССР 20 декабря 1928 г. выпустила постановление «О порядке изъятия из учреждений и предприятий архивной и иной бумажной макулатуры для нужд бумажной промышленности» [Декреты...1928: 57–58]. Согласно ему, все учреждения СССР, а также местные учреждения должны были подготовить к сдаче государственному синдикату бумажной промышленности СССР (Бумсиндикату) архивную макулатуру. В постановлении отмечено, что вся ненужная макулатура делилась на макулатуру первой очереди (документы, не имеющие научно-исторической ценности) и макулатуру второй очереди (материалы, требующие предварительного просмотра с учетом их научно-исторической ценности). Документы первой очереди подлежали сдаче в месячный срок, документы второй очереди – в 2-месячный срок [Декреты...1928: 57–58]. По мнению Е.В. Булюлиной: в такие короткие

сроки было нереально подготовить и сдать архивные документы. Недостаток квалифицированных кадров, формальное отношение учреждений к выполнению постановления НК РКИ привели к гибели ценных документов. Архивные органы, в свою очередь, не успевали осуществлять контроль за деятельностью разборочных комиссий [Булюлина 2004: 23]. К примеру, в Сталинграде в 1929 г. уничтожили документы Царицынского губпродкома 1919–1924 гг. (данные о заготовке продуктов, овощей, продовольствия), дела Царицынской телефонной станции 1916–1924 гг. (сведения и развитии телефонной сети в городе и загородном телефонном сообщении), документальные материалы Сарептского депо (отчеты, переписка) [Булюлина 2004: 23].

Уничтожение документов в столь широких масштабах вызывало серьезную обеспокоенность у архивистов и историков. На Всесоюзной конференции историков-марксистов и в обращении ЦК ВКП (б) к крайкомам, обкомам, губкомам, окружкомам и укомам призвали к принятию усилий для сохранения документов, касающихся положения рабочего класса и крестьянства, революционного движения, истории ВКП(б), Октябрьской революции, Гражданской войны и советского строительства [Савин 1991: 49]. В свою очередь СНК РСФСР в циркуляре от 29 января 1929 г. было указано, что документы, имеющие политическое, научно-историческое и практическое значение, нельзя уничтожать. Среди них были названы документы по истории революционного движения, революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны; из документов дореволюционного периода необходимо было сохранять материалы по истории национальностей, социальной, экономической и культурной истории страны [Савин 1991: 49]. Таким образом, массив ретроспективной информации хотя и был ограничен рамками партийно-классового подхода, но все же позволил оставить на постоянном хранении важные архивные документы [Савин 1991: 49].

В 1926 г. административно-хозяйственный отдел Центрархива запросил Калмыцкое областное архивное бюро о количестве проданной макулатуры. Бюро ответило, что архивная макулатура до настоящего времени не продавалась и в ближайшее время не планируется продавать документы, ввиду их «крайне ограниченного количества». [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 41. Л. 28, 29]. В постановлении Исполкома КАО от 21 февраля 1929 г. говорилось, что бумажный кризис поставил перед архивными организациями задачу в неотложном порядке принять самое активное участие в снабжении бумажных фабрик необходимым сырьем [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 96. Л. 5]. В документе устанавливалась последовательность выделения архивных материалов, не подлежащих хранению; велась речь о документах первой очереди, второй очереди и отборочных списках. В целях ускорения работ по разборке архивных материалов предприятиям и учреждениям разрешалось нанимать временных работников, рекомендовалось оплачивать их труд за счет сумм, вырученных от продажи макулатуры [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 96. Л. 5].

В апреле 1929 г. Калмыцкое областное архивное бюро сдало Астраханской конторе Госторга макулатуру I очереди в объеме 400 кг, о чем сообщило в Калмыцкое областное РКИ. В ЦАУ РСФСР архивное бюро также передало сведения о том, что за период 1928–1929 гг. отобрано для нужд бумажной промышленности 1 100 кг макулатуры. Всего было просмотрено 10 отборочных списков; случаев передачи архивного материала без разрешения поверочной комиссии не было. Макулатура выделялась из фондов Управления калмыцким народом – 284 ед. хр., Малодербетовского улусного управления – 1520 ед. хр., Хошеутовского улусного управления – 194 ед. хр., других улусных управлений [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 148. Л. 2, 4, 8об., 9]. Председатель комиссии, он же заведующий Н.Н. Пальмов писал: «...При отборе материала подвергались тщательному просмотру, и все дела, с внешней стороны, хотя и могущие быть выделенными к уничтожению, но заключающие в себе материал, мало-мальски интересный в научно-

справочном отношении...» [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 148. Л. 2, 4, 8об., 9]. К примеру, были оставлены дела «О награждении орденами», «О покупке медикаментов», «О расходах по содержанию больниц»; из дел улусных управлений «О выпасе крестьянского скота на калмыцких землях». К уничтожению выделен материал «трафаретно-массового характера, не представляющий ничего нового» [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 148. Л. 2, 4, 8об., 9]. Согласно отборочным спискам, составленными экспертными комиссиями, можно проанализировать, какие именно документы предполагалось уничтожить. Это документы о строительстве домов, оказании помощи бедным калмыкам, крестьянской колонизации, о взыскании штрафов с крестьян, контракты с подрядчиками по найму калмыков на работу на рыбные промыслы и т. д. Зачастую именно дела с однотипными заголовками подлежали уничтожению [Бурчинова 1980: 40–41]. По мнению Л.Б. Манджиковой, вторая волна макулатурной кампании в Калмыкии оказалась для архива очень ощутимой, особенно пострадал фонд управления Калмыцким народом. Всего было списано и уничтожено 1 785 кг архивных документов исторического периода [Манджикова 2022: 65].

Именно от постановления СТО от 27 марта 1931 г., предписывающего немедленную сдачу архивных документов, не имеющих практической ценности по 1930 г. включительно, начался новый этап в истории советской макулатурной кампании. В учреждениях изъятие макулатуры стало производиться практически из текущего делопроизводства. «В Сталинграде управление делами городского совета сдало в макулатуру около 400 пудов документов без описей и согласования с архивным органом... Редакция газеты «Борьба», вопреки протестам архивистов, систематически сдавала в макулатуру «архив, состоявший, главным образом, из корреспонденций»» [Булюлина 2004: 24]. Понимая последствия директив СТО, ЦАУ РСФСР обратился во ВЦИК, и 10 июня 1931 г. последовало постановление ВЦИК, в котором категорически запрещалась сдача архивных документов в утилизацию без разрешения архивных органов [Савин 1991: 50].

В 1929 г. Астраханским окружным исполнительным комитетом изданы два нормативных документа о проведении макулатурных кампаний, которые касались всех учреждений города, округа, а также районных исполнительных комитетов. Результатом первого из постановлений стала сдача госторгу за год только городскими учреждениями 91 555 кг макулатуры; тогда как по пятилетнему плану предусмотрена была сдача лишь 66 435 кг, т.е. план был перевыполнен на 37,81%. С целью ускорения проведения райисполкомами макулатурной компании в декабре на места был командирован научный работник Астраханского архбюро [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 184. Л. 202].

Кроме того, представители Астраханского архива в течении 1929 г. занимались обследованием учреждений и предприятий города, осуществляющих сдачу бумажной макулатуры. По опросным листам обследуемых учреждений выяснилось, что Астраханский спиртоводочный завод сдал в макулатуру 420 кг документов 1-й и 2-й очереди [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 184. Л. 202]. Астраханский окружной отдел страхования в 1930 г. переслал в Астраханское окружное архивное бюро отборочные списки на макулатуру для утверждения и последующее сдачи Госторгу [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 186. Л. 229]. Наряду с этим астраханские архивисты осматривали рынки города. В частности, ими были обследованы рынок «Малые Иссады» и «Трусовский рынок». Архивных материалов обнаружено не было [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 186. Л. 11].

Циркуляр Нижне-Волжского Краевого архивного управления от 5 марта 1933 г. № 36 предписывал провести по г. Астрахани и по 9 прикрепленным районам кампанию по отбору и сдаче 55 тонн макулатуры. Астраханское отделение приступило к непрерывной работе по выделению макулатуры из архивохранилищ. Тогда по городу и районам было собрано и сдано в городской утилькомбинат 20 714 кг архивных материалов. Из них 2 250 кг отобрано и сдано из хранилища Астраханского отделения. Сведений от районов: Харабалинского, Енотаевского, Черноморского и Владимировского не поступало [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 61–

61об.]. 1 апреля 1933 г. вышло обязательное постановление Астраханского горсовета «Об охране архивных материалов и содержании архивов». Этот документ обязывал все находившиеся на территории Астрахани и Астраханского межрайона учреждения, предприятия, совхозы и колхозы в десятидневный срок сообщить в горархивбюро сведения о состоянии фондов, объеме архивного материала в тоннах и фамилию лица, ответственного за архив; а также в течении месяца произвести систематизацию и разборку архивных материалов с выделением в макулатуру (учитывая указания РКИ и Центрархива РСФСР). Органам, принимающим макулатуру, предписывалось строго следить за тем, чтобы на архивном материале была виза горархивбюро. Лица, виновные в несдаче, сокрытии, противозаконном уничтожении, продаже и покупке архивных материалов несли уголовную ответственность [Коммунист 1933: 2].

В ходе дискуссии о макулатурных кампаниях на 2-м съезде архивных работников РСФСР в 1927 г. делегаты вопреки регламенту стали выражать протест в отношении местных органов власти. По мнению делегата от Нижне-Волжского краевого архивного бюро, макулатурные кампании следовало бы прекратить, они приносят большой вред. Органы РКИ планировали сбыть архивы на фабрики, оставив документы только за последние 2 года. Такой подход был крайне неверен [Хорхордина 1994б: 186]. В отчете за 1933 г. указано, что Астраханским отделением Нижне-Волжского КАУ было выделено 15 тонн макулатуры, что составило 10 372 кг архивных материалов, 1 085 кг чистой бумаги и 3 373 папки. Однако запланировано было вдвое больше, но по причине неопытности рабочих, холода и слабого освещения в архивохранилищах (что не было учтено при планировании) планы выполнить не удалось [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 101, 106]. В Астраханском отделении поверочная комиссия была организована 30 июня 1934 г. из 3 человек. За 1935 г. имелось 9 протоколов и 6 002 кг дел, не подлежащих хранению. Согласно акту обследования Астраханского отделения (январь 1936 г.) оформление отборочных списков

не соответствовало формам ЦАУ и СКАУ. При утверждении отборочных право сдачи архивных материалов в Союзутиль списков выдавалась выписка из протокола, а не ордер [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 7об.].

В объяснительной записке к 5-летнему плану (1933–1937 гг.) по заготовке и реализации макулатуры для бумажной промышленности по Астраханскому отделению Нижне-Волжского КАУ вместе с подведомственными ему районами заведующий П.И. Усачев отмечал, что при изъятии архивных фондов для макулатуры необходимо обеспечить сохранение, а не уничтожение актуальных архивных материалов [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 212. Л. 27]. П.И. Усачев предлагал составить новую, четкую и ясную инструкцию по отбору макулатуры для районных архивов, а также для архивариусов, работающих в учреждениях. В частности, в инструкции следовало точно указать, какие правила о макулатуре действуют, и какие отменены, пересмотреть цены на сдаваемую макулатуру в сторону их повышения [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 212. Л. 27]. 17 ноября 1932 г. заведующий П.И. Усачев планировал провести совещание с городскими организациями по поводу усиления макулатурной компании. Он отмечал, что быстрыми темпами у архивных работников провести работу по отбору и сдаче макулатуры не получалось из-за нехватки кадров и наступлении зимы. Несмотря на трудности, работа по отбору макулатуры регулярно проводилась. Однако выделенная макулатура на складе архива могла находиться по месяцу, по причине отсутствия в тот момент у Союзутиля транспорта [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 212. Л. 38–38об.].

Начиная с 1931 г. в ЦАУ СССР НП уделили существенное внимание ликвидации бумажного кризиса. В частности, специалисты республиканского архива снабдили определенное количество учреждений, организаций и предприятий г. Энгельса писчей бумагой. Согласно статистике в 1931 г. – на 10 %, в 1932 г. – на 30 %, в 1933 г. – на 45 %. Наряду с городскими учреждениями писчей бумагой обеспечивались и кантонные учреждения. В этих целях в 1923–1929 гг. из архивохранилищ ЦАУ было выделено 40 110 кг

макулатуры. В 1930–1933 гг. сдача архивных документов в макулатуру стала расти. Только за три года в Немреспублике выделили архивной макулатуры 41 843 кг [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 7об.]. Из актов инспекторского обследования выяснилось, что еще до организации в АССР НП архивного органа значительная часть архивов была расхищена. Так, из документов узнаем, что Старо-Полтавский кантисполком в 1932 г. уничтожил почти целиком архивные материалы пореволюционного времени, передав таковые в утилизацию [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 8]. Поверочной комиссии при ЦАУ НП в 1934 г. не существовало, систематического руководства учреждениями в вопросах выделения макулатуры не велось. По г. Энгельсу практика работы была такова: учреждения оставляли списки на намеченную макулатуру управляющему ЦАУ; разрешенные к уничтожению материалы передавались в утилизацию ЦАУ НП. На периферии сдача материалов в утилизацию производилась учреждениями бесконтрольно. К примеру, дело о противозаконном уничтожении материалов, возбужденное против городского потребительского общества, было закрыто; на неоднократные письменные запросы ЦАУ НП прокуратура ответа не дала. В 1934 г. просьбы ЦАУ об утверждении списков на макулатуру были единичны даже по Энгельсу [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 3об.].

В Сталинградском отделении Нижне-Волжского КАУ макулатурная компания 1931 г. выразилась в следующих цифрах: выделено макулатуры – 34 756 ед. хр. (весом 5 441 кг), отборочных списков – 64, случаи незаконного уничтожения макулатуры на предприятиях – 6 [ГАВО. Ф. Р-455. Оп.1. Д. 159. Л. 13]. Экспертно-поверочная комиссия при Сталинградском КАУ состояла из 3 сотрудников. Свою работу регулярно она начала проводить с 1935 г., когда было проведено 18 заседаний. При рассмотрении списков на макулатуру учреждений Сталинграда на заседания приглашались представители заинтересованных ведомств. Отборочные списки, представленные районами, рассматривались без участия заинтересованных

ведомств, при наличии краткой характеристики о содержании материалов, выделенных в макулатуру [ГАВО. Ф. Р-459. Оп.1. Д. 38. Л. 11об.].

Экспертно-поверочной комиссии при Саратовском краевом архивном управлении в 1934 г. не было. Уничтожение архивного материала оформлялось путем единоличного утверждения отборочных списков управляющим и уполномоченными им сотрудниками [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 20об.]. Предположительно поверочная комиссия в Саратове появилась между 1935 г. и 1937 г. В статистическом отчете за 1937 г. указано, что Саратовским областным архивным управлением было выделено в макулатуру 16 740 ед. хр. исторического периода и 4 500 ед. хр. советского периода [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4252. Л. 6]. Заседания Поверочной комиссии созывались по мере поступления отборочных списков [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 57].

Постановление президиума Сталинградского крайисполкома № 4140 от 21 декабря 1936 г. «О состоянии архивного дела и мероприятиях по упорядочению архивных материалов в крае» обязывало руководителей краевых, городских и районных учреждений, директоров предприятий, сельсоветов, совхозов, колхозов в месячный срок упорядочить все архивные материалы, не допуская сдачи в макулатуру без санкций архивных органов. Органам, заготавливающим бумажное сырье, предписывалось строго следить за недопущением приема на склад архивной и книжной макулатуры без визы архивного органа [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 15. Л. 118об.]. В рамках архивно-технической работы в отчете Сталинградского областного архивного управления за 1937 г. указано, что самим СОАУ выделено в макулатуру 6 515 ед. хр. АОРа, что составило 77 % годового плана; по Истарху СОАУ выделило 607 ед. хр. (110,3% годового плана). В Астраханском архиве сдали в макулатуру 3 631 кг (121 % от годового плана), в Камышинском архиве – 17 767 ед. хр. (71,3% от годового плана). В Сталинградском областном архивном управлении план по выделению материалов в макулатуру был не выполнен по причине того, что в течение

года научные сотрудники управления были задействованы в подготовке и организации музея «Обороны г. Царицына». В Камышинского архиве план не удалось выполнить по причине отсутствия перечней дел и квалифицированных людей, которые могли бы заниматься отбором макулатуры [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 10].

Позволим себе согласиться с историком Т.И. Хорхординой, которая верно заметила, что «По катастрофическим последствиям для судеб архивов России эти кампании вполне сопоставимы с таким явлением, как коллективизация для судеб российского крестьянства» [Хорхордина 1994б: 181]. Деятельность архивных органов по проведению макулатурных кампаний закончилась только во второй половине 1930-х гг., когда вопрос о передаче архивов в систему органов НКВД был почти решен.

На региональном уровне, в частности, в государственных архивах Нижневолжского региона макулатурные кампании имели разрушительные последствия: уничтожение архивных документов исчислялось тоннами и выполнялось с перевыполнением плана, как, к примеру, это было в Астраханском архиве. Архивные работники находились между двух огней, с одной стороны, понимая, какой урон несет уничтожение документов, имеющих научную и историческую ценность, с другой, у них отсутствовали возможности что-либо изменить. Важно учитывать тот факт, что на работе региональных архивов сказывалась острая нехватка квалифицированного штатного состава. По существу, в архивах не кому было работать и проверять должным образом отборочные списки на макулатуру, учитывать ценность архивных документов и определять их научную значимость.

Если говорить о факте нехватки бумажного сырья в стране, то, конечно, архивная макулатура при всех этих масштабных способах собирания была не в состоянии обеспечить всю бумажную промышленность дешевым сырьем.

ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1918–1938 гг.

3.1. Использование архивных материалов

Одним из основных аспектов деятельности архивного учреждения является организация различных форм использования документов, начиная с летописных источников и заканчивая различными направлениями и формами в использовании документов сегодня. Среди основных задач использования архивных документов можно выделить удовлетворение информационных потребностей общества и обеспечение прав и интересов граждан [Хорхордина, Волкова 2012: 316–317]. В качестве целей использования архивных документов следует упомянуть: управленческие, политические, экономические, научные, культурно-просветительские, социально-правовые. Основными формами в использовании являются: исполнение тематических запросов; исполнение правовых запросов; информирование учреждений и организаций о документах архива по профилю их деятельности; предоставление документов пользователям посредством читального зала; публикационная деятельность.

В Декрете 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела РСФСР» говорилось об открытости архивов в целях развития отечественной исторической науки [Сборник...1961: 15]. В дальнейшем принцип открытости архивов для исследователей был отмечен в «Правилах пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребностей» (1920 г.) [Сборник... 1921: 113, 115]. В 1924 г. вышли «Правила пользования архивными материалами ЕГАФ» за подписью заместителя заведующего Центрархива В.В. Адоратского и утвержденные Коллегией Центрархива. Впервые вводились анкеты пользователя в двух экземплярах с указанием партийной принадлежности, цели работы и издания, в котором планировалась публикация научной работы. При этом пользователь обязан был предъявлять заведующему читальным залом все

сделанные выписки для просмотра, и только после получал разрешение на вынос. По мнению ученого Т.И. Хорхординой: «Это – еще один шаг по фактической ликвидации доступа к документам как к объекту свободного научного исследования» [Хорхордина 1994б: 102–103]. В 1926 г. новый документ «Правила о порядке выдачи архивных справок, выписей и копий учреждениями Центрархива РСФСР» наложил ограничение на выдачу справок, указав на то, что частным лицам выдаются справки, касающиеся их личных прав и личной жизни [Хорхордина, Волкова 2012: 322].

В 1924–1926 гг. в государственных архивах регионального значения стали открываться читальные залы. В Астраханском губархиве читальный зал был открыт в 1924 г. Количество посещений в 1924–1925 гг. составило – 9, а в 1925–1926 гг. – 48 посетителей. В Саратовском губархиве в 1924–1925 гг. читальный зал принял 39 посетителей, в 1926 г. – 31 посетителя. В 1925–1926 гг. в Калмыцком архиве занималось 10 человек, в 1926–1927 гг. – 23 [ГААО. Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 13. Л. 8; ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 811. Л. 29; ГАРФ. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 94; НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 68; НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 7].

В отчете Астраханского архивного бюро за 1926 г. указано, что до оборудования и открытия читального зала, в связи с отсутствием возможности использовать материалы на месте, приходилось их выдавать во временное пользование. С открытием специального помещения материалы для временного пользования стали даваться в исключительных случаях. Пользователи получили возможность заниматься на месте, круг их требований увеличился. Большинство посетителей читального зала занимались поиском материала для справок, необходимых в работе учреждений или для представления тех или иных материалов в суд. Другая же часть посетителей работала по специальным заданиям на определенные темы: национализация рыбной промышленности, история рыболовного законодательства и ловецкий вопрос, экономика Астраханского края XVIII–XIX вв. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 96. Л. 9об.].

Основными темами для пользователей Саратовского губархива в 1926 г. послужили революционное движение в Саратовской губернии в 1905 г., биография Н.Г. Чернышевского [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 94]. В читальном зале Сталинградского губархивбюро за этот же год занимались изучением экономических и исторических вопросов транспорта, промышленности, союзов; выявлением материалов к 10-й годовщине Октябрьской революции [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 8]. Пользователи Калмыцкого областного архивного бюро в 1926–1927 гг. вели занятия в рабочей комнате. Специализированного читального зала не было. Их интересовали вопросы сельского хозяйства, структуры дореволюционных финансовых органов Калмыцкой степи, истории революции в Калмыцкой области, строительство, история медицины, племенной состав ставропольских туркмен и другое [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 7]. Читального зала в ЦАУ АССР НП в 1925–1926 гг. не было. Архив не смог отвести отдельную комнату для занятий посетителей. Дела выдавались во временное пользование представителям тех учреждений, которое их запрашивало. Темы для исследований: история г. Покровска, украинская колонизация, дела народных судов для снятия копий [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 52об.–53].

Архивистами ЦАУ АССР НП в 1926 г. было выдано справок губернским учреждениям – 4, частным лицам – 155. Отрицательных ответов было 10, преимущественно связаны с установлением учительского стажа. Выяснилось, что делами в местном УОНО отапливались печи. Поэтому оставшийся архивный материал в количестве 110 дел не смог удовлетворить поступающие запросы об учительском стаже [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 52об.]. В 1926 г. от госучреждений в Сталинградское губархивбюро поступило 171 заявление, от частных лиц – 291. Было выдано 291 справка, еще 171 – с отрицательными ответами, так как в фондах отсутствовали необходимые для выдачи справок дела, а также еще не все фонды были разобраны [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 8]. Саратовский

губархив в 1926 г. выдал с положительным ответом 203 справки от частных лиц и 32 справки от учреждений. Во временное пользование дела выдавались Акушерскому техникуму, губисполкому, правлению РУЖД и другим учреждениям города (60 ед. хр.). Все своевременно возвращены [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 94]. Калмыцкими архивистами в 1926 г. было выдано во временное пользование только по вопросам учреждений 176 ед. хр. [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 80 Л. 7]. Что касается архивных справок, то согласно отчету за 1925–1926 гг. Калмыцкое областное архивное бюро выдало 55 справок, из них 5 – с отрицательным ответом. В 1927 г. было выдано для учреждений и частных лиц 78 справок, из них 10 – с отрицательным ответом. В 1928 г. было выдано 57 справок [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 43. Л. 64; Р-71. Оп. 1. Д. 80. Л. 7.; Р-71. Оп. 1. Д. 100. Л. 2].

В Астраханском губернском архивном бюро справочная работа велась систематически. С этой целью был организован справочный стол. Рост выдаваемых справок и качественное улучшение работы по этому виду архивной работы являлось достижением архивного бюро. В 1924–1925 гг. бюро выдало 108 справок, в 1925–1926 гг. – 486 справок и 1926–1927 гг. – 1 014 справок. Процент отрицательных запросов был незначительным: 10–15 % из-за отсутствия архивных документов. В 1926–1927 гг. в связи с пересчетом безработных граждан и составлением трудовых списков в справочной работе наблюдались небольшие перебои, но их удалось устранить путем договоренности с учреждениями, отвечающими за занятость населения [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 131. Л. 28об.].

Результаты научной деятельности региональных архивов резюмированы в докладе заместителя Центрального архива РСФСР В.В. Максакова, озвученном на первом съезде архивных деятелей РСФСР в марте 1925 г. По его мнению, «архивные работники на местах не замыкаются всецело в рамках работы исключительно по спасению архивных материалов от гибели...на местах имеются попытки принять участие и в научной работе...» [Протоколы... 1926: 150]. В качестве примера В.В. Максаков

привел издательскую деятельность Саратовского губархивбюро, сотрудники которого обратили внимание на сводки донесений жандармских управлений, составленные департаментом полиции. Материалы эти оказались чрезвычайно ценными [Протоколы... 1926: 150]. Однако В.В. Максаков отметил, что эти материалы не являются характерными для Саратова. Саратову отведено в этом обзоре буквально две страницы [Протоколы... 1926: 150].

В Постановлении Президиума ЦИК Союза ССР от 27 июня 1935 г. было указано, что «впредь до полного упорядочения архивного дела считать необходимым пересмотреть план издательской деятельности работы ЦАУ в целях сокращения» [Сборник... 1961: 85]. Таким образом, масштабная издательская деятельность, о которой так много упоминали на 2-м съезде архивных деятелей, не стала главной для нового архивного руководства. В качестве первоочередной задачи считалась работа по упорядочению архивных фондов. Издательскую и публикационную деятельность архивов отодвинули на второй план, поставили в прямую зависимость от конкретных заданий ЦИК, Истпарта и НКВД [Хорхордина 1994б: 176].

Итоги научной и издательской деятельности более всего очевидны в работе Калмыцкого областного архивного бюро, которым на протяжении 13 лет руководил ученый, востоковед, профессор Н.Н. Пальмов. Именно ему калмыцкий народ обязан знанием своего исторического прошлого. В годы своего руководства Н.Н. Пальмов тщательно изучал состав документов калмыцкого архива, неоднократно поднимал вопрос докомплектования фондов архива источниками из центральных и губернских архивохранилищ, вел переписку с видными учеными по различным вопросам, касающимся истории калмыцкого народа. В свою очередь, руководство КАО всячески поддерживало научную деятельность Н.Н. Пальмова и высказывало пожелания опубликования изданий по истории калмыцкого народа в России [Манджикова 2022: 52–53]. Занимаясь изучением документов Калмыцкого архива, в соответствии с заданием Калмыцкого ЦИКа, в 1922 г. Пальмов

опубликовал свой первый труд «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России» [Пальмов 1922]. В последующие годы работы в архиве им были созданы «Этюды по истории приволжских калмыков» в 5 частях частях [Пальмов 1926–1932]. Также Пальмовым был написан ряд работ по истории донских калмыков, взаимоотношений с народами Поволжья, культуре калмыцкого народа и др. [Письма Н.Н. Пальмова... 1968: 11]. Наряду с этим были опубликованы статьи научного сотрудника Калмыцкого архива А.А. Лебединского «Большедербетовский улус во второй половине XIX в.», «К вопросу о вымирании калмыков» [Лебединский 1925; Лебединский 1927]. В своих отчетах Пальмов, регулярно оповещал ЦАУ РСФСР о результатах научной деятельности сотрудников Калмыцкого архива, в частности о выходе статей в газетах «Улан-Хальмг» («Красный калмык»), «Красная степь», в журналах «Калмыцкая область», «Наш край». Вся тематика этих статей была связана с историческим прошлым калмыцкого народа [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 69; Д. 80. Л. 6об.; Д. 100. Л. 2об.].

В целях популяризации архивного дела уже в 1923 г. Царицынское губархивбюро обратилось в редакцию местной газеты «Борьба» с просьбой регулярно предоставлять им место на страницах периодического издания для публикации по вопросам архивного дела. В течение 1923 г. в прессе были опубликованы следующие статьи: «Что такое архивы и для чего их нужно охранять?», «Архивное дело в Царицынской губернии», «Организация губернского архивного бюро», «Спасем архивы» и др. [Булюлина 2004: 16]. Во второй половине 30-х гг. Сталинградский крайком ВКП (б) издал два сборника статей и документов: «Оборона Царицына», «Статьи с документами о С.М. Кирове». В сборниках были использованы документы Сталинградского и Астраханского архивов [Булюлина 2004: 31].

Научно-исследовательская работа Астраханского архива не получила должного развертывания, вследствие загруженности заведующего П.И. Усачева партийной работой. Но все же ряд работ был напечатан в газете

«Коммунист». В основном они касались подбора архивного материала о советских партийных и государственных деятелях С.М. Кирове и В.В. Куйбышеве. Кроме того, архивные материалы о погибшем пароходе «Каспий» были напечатаны в газетах «Водник» и «Сталинградская правда» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 152; Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 9об.]. Важно также упомянуть, что П.И. Усачев много лет своей профессиональной деятельности посвятил изучению истории семьи Ульяновых. По заданию института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б) П.И. Усачевым был опубликован очерк «О родословной семьи Ульяновых» в газете «Сталинградская правда» [Усачев 1936а: 2; Усачев 1936б: 2], причем в процессе подготовки очерка П.И. Усачев общался с М.И. Ульяновой [Курапов 2022: 581].

За 1937 г. государственными архивами Сталинградской области была опубликована в периодической печати 21 статья. Преимущественно публикации выходили в газете «Коммунист» (издание Астраханского губкома РКП, губисполкома и губпрофсовета), в газете «Сталинградская правда» (орган Сталинградского областного и городского комитетов ВКП(б). Темы для публикаций были следующими: «Как вооружался пролетариат города Царицына в 1918 г.», «Пушкин после казни декабристов», «Рыболовство в Нижнем Поволжье», «Один грамотный на 182 человека» (газ. «Коллективист г. Камышина»), «Как отмечали юбилей Пушкина в г. Астрахани» [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 13].

В Саратовском архиве до 1938 г. публикации справочников и каталогов не проводилось. В 1935 г. в газете «Коммунист» напечатана статья А.И. Елизарова «Ульяновы в Саратове», в 1936 г. опубликовано письмо М. Горького Нижне-Волжскому архивному управлению о рукописном экземпляре «Весенние мелодии». В 1937 г. статья «Из прошлого» рассказывала о народном образовании в бывшей Саратовской губернии. В 1938 г. историческим архивом Саратовского областного архивного управления подготовлен справочник по истории учреждений бывшей

Саратовской губернии, а также велась подготовка очерков на темы «Первая забастовка в Саратовской губернии», «35-летие 2-го съезда РСДРП». Балашовским архивом в местной газете «Большевик» опубликован ряд статей, подготовленных на основе архивных документов [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 56].

Отдельным пунктом в истории становления советского архивного дела выделена история спецхрана или история хранения и использования секретных документов. Специальный циркуляр Центрархива РСФСР от 6 декабря 1922 г. разрешал отделам ГПУ выдачу документов жандармского и полицейского управлений из помещений архивохранилищ, но при согласовании сроков выдачи дел с местными бюро Истпарта. Однако сами бюро Истпарта ответственности по этому вопросу не несли. В отношении выдачи документов во временное пользование циркуляр Центрархива от 1 августа 1923 г. разрешал выдачу только в исключительных случаях. Затем последовал циркуляр от 23 сентября 1923 г., в котором было указано, что для выдачи материалов Истпарта разрешений Центрахива не требуется [Хорхордина 1994б: 102]. По мнению Т.И. Хорхординой, особенностью 1920-х годов в архивном строительстве являлся тот факт, что Истпарт располагал даже большими полномочиями по использованию архивных фондов, чем всесильное ОГПУ (будущее НКВД) [Хорхордина 1994б: 102].

4 июля 1924 г. коллегия Центрархива утвердила Правила пользования архивными материалами ЕГАФ. В нормативном документе указывалось, что разрешение на допуск для занятий в архивах дают заведующие Центрархивом и Ленинградским отделением, а в провинции – заведующие местными архивными бюро, причем с указанием архива, темы и конкретных дел. На публикацию нужно было особое разрешение. Новшеством в Правилах стало заполнение анкеты установленного образца с указанием партийной принадлежности, а также предоставление работнику архива сделанных записей и копии документов. Подобные действия Центрархива в сущности устанавливали ограничения на использование архивных

документов, в том числе на дела ранее не имевших ни каких ограничений в доступе [Павлова 2023: 5].

В 1926 г. Центрархив переиздал «Правила пользования архивными материалами ЕГАФ» (1924 г.), в которых было дано определение понятию «секретные материалы». Таковыми теперь считались материалы секретного и несекретного делопроизводства учреждений после революционного периода, сдаваемые в Центрархив в качестве секретных, а также и те материалы дореволюционного периода, разглашение которых по характеру их содержания является в государственных интересах недопустимым [Хорхордина 1994б: 106]. Таким образом, ведомствам дали право самостоятельно определять документы по категории секретности и степени доступа к ним [Хорхордина 1994б: 106].

Всем Губернским, областным, краевым архивным бюро и центрархивам автономных республик был разослан секретный циркуляр от 14 апреля 1926 г., касающийся порядка допуска сотрудников Истпартов к занятиям по материалам охранных отделений и жандармских управлений. В соответствии с этим нормативным документом сотрудники Истпартотделов допускались к занятиям с документами охранных отделений и жандармских управлений исключительно лишь с визой секретаря губкома ВКП(б) и заведующего Истпарта [ГААО. Ф. 2779. Оп. 2. Д. 155. Л. 14].

25 февраля 1927 г. в архивные учреждения РСФСР разослали секретный циркуляр Центрархива «О составлении алфавитных карточек на лиц, выявленных по материалам архивов политического розыска». Согласно этому документу, архивистам необходимо было проработать фонды жандармских и охранных отделений за 1900–1917 гг. и выявить всех лиц, причастных к секретной агентуре. В результате этой работы должны были сформированы три картотеки: алфавит секретной агентуры по кличкам, алфавит по фамилиям и алфавит штатных сотрудников и филеров. Кроме того, тема сбора компромата на граждан в конце 1930 г. также была важна для НКВД [Булюлина 2004: 32].

К 1 октября 1928 г. сотрудниками Астраханского секретного архива была выполнена следующая работа: составлены архивные справки на сотрудников жандармского управления в 3 экземплярах в количестве 143 шт.; составлены алфавитные карточки по фамилиям в количестве 145 шт., по кличкам – 89 шт., по алфавиту на штатных сотрудников – 92 шт. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 128. Л. 1–1об.]. Если сравнить данные по Астраханскому архиву с данными по Новгородскому архиву, то в последнем его сотрудниками было составлено 750 карточек на секретных сотрудников. Орловский губархив выявил 106 секретных агентов, 224 филера, доносчиков, 126 бывших полицейских [Корнеев, Копылова 1992: 15].

Органы Истпарта, курировавшие деятельность политических секций губархивбюро, также вовлекались в эту работу. В Астраханском архиве с октября 1927 г. по октябрь 1928 г. Испарту во временное пользование было выдано 25 агитационных листов политического содержания (так называемых прокламаций) и 7 архивных дел о фальшивомонетчиках, находившиеся в фонде жандармского управления. Наряду с этим 25 справок было выдано Губкому и ОГПУ [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 128. Л. 3].

Количество запросов, направленных карательными и контрольными партийными органами в партийные архивы в 1937–1939 гг., по сравнению с 1935–1936 гг. значительно возросло. Так, в Астраханский архив от ОГПУ только в 1-м квартале 1938 г. поступило 410 запросов [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 2. Д. 5. Л. 24]. Известно, что Саратовский партархив в 1938 г. выдал 200 справок по запросам партийных органов и 898 – по запросам органов НКВД. Работники архива выявили группу троцкистов – врагов народа. Весь материал о них был сдан в НКВД [Корнеев, Копылова 1992: 17].

«Правила пользования секретными архивными материалами и выдачи справок по секретным архивам», утвержденные ЦАУ 20 июня 1929 г., регламентировали допуск сотрудников в каждом отдельном случае проверять в ОГПУ, частные лица допускались только в исключительных случаях также по разрешению ОГПУ. 16 сентября 1931 г. полномочия контроля за

постановкой секретной архивной части делопроизводства действующих учреждений СССР и РСФСР передали АОР [Савин, Виноградова 1994: 20].

В конце 1930-х гг. основным видом работы секретных отделов при государственных архивах стало наведение справок и выявление секретных документов, составление картотеки на агентов разведки и контрразведки по документам секретных фондов. Дела исследователям практически не выдавались. Большую часть рабочего времени сотрудники архива использовали для составления ответов на запросы НКВД. В результате чего на агентуру и шпионов появилась картотека объемом 87 тыс. карточек [Савин, Виноградова 1994: 22]. Переход архивов в подчинение НКВД полностью наложил ограничение на использование документов в научных целях. Стали создаваться секретные путеводители, секретные сборники документов, секретные картотеки [Хорхордина, Волкова 2012: 323].

На второй конференции архивных работников РСФСР в 1927 г. был, затронут вопрос об использовании документов ГАФ. В рамках усиления популяризации архивного дела архивным учреждениям предлагалось организовывать специальные архивные выставки; проводить доклады о значении архивов; освещать деятельность архивных учреждений в печати [Сборник...1961: 189–190].

К примеру, в 1923 г. Царицынским губархивбюро была организована выставка фотодокументов, приуроченная к 5-й годовщине Октябрьской революции [Булюлина 2004: 18]. В 1928 г. Сталинградское окружное архивное бюро организовало выставку документов, посвященную организации архивного дела в крае. Наряду с этим лекции об архивах читались красноармейцам, на курсах работников ОГПУ и библиотечных работников [Булюлина 2004: 32]. В марте 1927 г. Астраханским губархивбюро была организована первая самостоятельная выставка архивных документов (в документе не указано тематики выставки – М.Б.) [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 124. Л. 15]. В 1931 г. по инициативе Астраханского архивного бюро была организована выставка печати, которую

расположили в доме Комитета просвещения. На выставке представили около 1 000 экспонатов. Пришло на выставку до 2 тыс. человек. В отчете подчеркивалось, что «Астраханская периодическая печать на выставке, как за дореволюционное время, так и за революционное – была представлена почти исчерпывающе. Вообще же это была первая выставка периодической печати в Астрахани» [ГААО. Ф. 2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 5]. В 1927 г. Калмыцкие архивисты смогли организовать однодневную документальную выставку, приуроченную к празднованию 10-летия Октябрьской революции. Всего было выставлено 48 отдельных документов, 9 дел, 16 книг и 15 номеров газет. Выставку устроили в фойе Центрального клуба Калмыцкого педагогического техникума. Особое место на выставке отвели архивному строительству в Калмыкии: 2 фотографии разгромленного в 1918 г. Калмыцкого архива, 7 диаграмм о работе архивного бюро с 1922 г., печатные научные работы сотрудников архивного бюро. Выставку посетило 59 человек [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 101. Л. 22об.].

Речь об использовании также шла на втором съезде архивных работников в мае 1929 г. В тезисах, принятых к 5-летнему плану архивного строительства, указывалось на необходимость выявления и описания документов по тематическому признаку для нужд социалистического строительства [Сборник... 1961: 203]. 28 января 1929 г. постановлением ВЦИК и СНК было утверждено «Положение об архивном управлении РСФСР» (далее – «Положение»). Четвертый раздел «Положения» был полностью посвящен правилам пользования архивными материалами. В этом разделе давалось определение архивной справки, архивной выписке; уточнялись правила выдачи справок гражданам РСФСР и иностранцам. В отношении пользования архивными материалами в положении оговаривались условия выдачи дел во временное пользование, условия допуска к занятиям с архивными документами, условия публикации полного текста документа и другое [Сборник... 1961: 57–61].

Положение ЦАУ РСФСР 1929 г. лишило исследователей права на публикацию текстов и отдельных документов без особого разрешения органов ЦАУ [Хорхордина, Волкова 2012: 322]. Допуск в архивы имели лишь представители государственных и общественных органов, а также исследователи, которые были известны данному органу архивного управления РСФСР или представившие о себе удовлетворительные рекомендации. Кроме того, «Положение» требовало обязательный просмотра всех выписок, которые делал исследователь при работе в читальном зале [Хорхордина, Волкова 2012: 322]. Как отмечает Т.И. Хорхордина, в «Положении» также отменялась возможность выдачи архивных справок для научно-исследовательских целей, как это было в «Правилах» 1926 г. Теперь справки, выписки и копии могли выдаваться по вопросам, касающимся личных и имущественных прав, и лишь для предъявления их в государственные или общественные организации [Хорхордина 1994б: 159]. По мнению исследователя А.В. Елпатьевского «Положение» 1929 г., охватив в сфере использования архивных документов достаточно широкий круг проблем, таких как описание, составление путеводителей, каталогов, наложило ограничения на доступ к документам и стало основанием для пересмотра имевшихся нормативов в условиях начавшейся тоталитаризации государства, и в целом способствовало сталинизации исторической науки [Елпатьевский 1998: 18].

Изучая нормативные документы, нам стало ясно, что согласно постановлению ВЦИК о положении архивного дела на местах от 10 июня 1931 г. архивные органы должны были сосредоточить все внимание на подготовке к использованию материалов, имеющих особо актуальное значение в политическом, научном и хозяйственных отношениях [Сборник... 1961: 63]. В этой связи на совещании заведующих архивными управлениями 27–31 июля 1931 г. в отношении использования архивных документов подвели следующие итоги: местные архивные органы не смогли развернуть работу по тематической проработке фондов вследствие тяжелых условий, в

которых находились архивы на местах; недостаточным было и методическое руководство. В итоге для завершения работ по обслуживанию в центре и на местах признали необходимым ускорить организацию центральной тематической картотеки архивных материалов по социалистическому и культурному строительству [Сборник... 1961: 220–221].

Немногим позже ЦАУ РСФСР разослало письмо в государственные архивы на местах с основными установками к составлению плана работ на 1932 г. Согласно этому документу, государственные архивные учреждения регионального значения должны в своем плане отразить директивы правительства, касающиеся использования архивных материалов, в первую очередь, упомянутое выше постановление Президиума ВЦИК от 10 июня 1931 г., постановление СНК РСФСР № 876 от 15 июля 1931 г., постановление совещания архивных работников от 27–31 июля 1931 г. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 23]. В письме указывалось, что существовавшая до настоящего времени система планирования и учета архивной работы совершенно не отражает тех качественных и количественных изменений, которые произошли в работе архивов за последние два года. В последний год пятилетки (1932 г.) работа архивных органов должна быть «переключена на более высшую ступень, т.е. на описательную, агитационно-пропагандистскую, издательскую. Вся эта работа архивных органов должна вестись в соответствии с политической директивой, данной в письме И.В. Сталина, помещенном в журнале «Пролетарская Революция» № 6» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 23].

Письмо И.В. Сталина обязывало архивные органы заострить внимание на тематике архивных работ, в частности, на темах построения социализма в СССР и мировой социалистической революции. Одновременно с этим письмо обязывало архивные учреждения провести критическую работу по проверке всей научно-исторической продукции (выставок документов, публикаций в печати, сборников исторических документов и. т. д.), тщательно пересмотреть авторский состав, план изданий, характер

справочного аппарата в готовящихся к изданию сборниках [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 24]. Указания И.В. Сталина о необходимости «поднять вопрос истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии» должны быть учтены центральными архивохранилищами и архивными управлениями на местах при планировании работ по выявлению документов, относящихся к партии ВКП(б) для скорейшего представления этих документов историко-партийным исследовательским организациям [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 24].

В 1933 г. в Калмыцком архиве работала выставка «Калмыки и Октябрь» [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 235. Л. 10]. Агитационная и массовая работа ЦАУ АССР НП в 1934 г. выразилась в организации выставок «Октябрь-освободитель» и «20-летие Империалистической войны», дополненных местными документами. Выставки устроили в Доме Красной армии, а экскурсоводами и консультантами выступили военные политработники. В 1936 г. Центрархив АССР НП организовал выставки «Чапаев» и «Гражданская война в немецкой республике». Кроме того, специалисты архива регулярно занимались подбором документов для выставок в Доме Красной Армии, авиашколе и местных красноармейских частях [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3575. Л. 4; Больберг 1936: 111]. В 1934 г. Саратовский архив подготовил 4 выставки на политически актуальные темы и провел одно совещание на радио [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 20об.]. В 1938 г. Балашовским архивом были подготовлены 2 выставки для районных организаций на тему «30-летие революции 1905 г. и «Гражданская война». В архивном управлении выставки по архивным документам в 1937 г. не организовывались [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4528. Л. 58].

В 1930-е годы XX в. в региональных архивах начали работу по тематической каталогизации документов для четкого, удобного и целенаправленного поиска архивных документов. Для знания информация о

содержании документов их сгруппировали по темам, подтемам, рубрикам или подрубрикам. Такой каталог представляет собой межфондовый архивный справочник, позволяющий проводить разноплановый поиск по заданным тематикам и одновременно по всей включённой в него информации из дел различных фондов. К примеру, в 1934 г. в Саратовском краевом архиве объем работ, проведенный по тематической каталогизации, был незначителен [ГАРФ. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 19об.]. Архивисты Централхива АССР НП к 1936 г. тематически смогли отработать 10 фондов, и преимущественно это были фонды революционных комитетов [Больберг 1936: 111]. В Астраханском архиве в 1935 г. тематическое выявление не производилось. Ранее в 1933 г. была начата работа по выявлению материалов Гражданской войны и водному кадастру – выявлено 1 200 карточек. Тематическая картотека хранилась в беспорядке, карточки не были систематизированы, не разделены на рубрики и подрубрики [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 9об.]. Научный сотрудник ЦАУ Калмыцкой АССР К.А. Христенко внес значительный вклад в научно-исследовательскую деятельность архива. В частности, им были подготовлены издания тематического справочного направления: «Калмыцкая библиография», «Указатель литературы о калмыцком народе» [Манджикова 2022: 76].

В связи с организацией музея «Оборона Царицына» им. И.В. Сталина и 20-й годовщиной революции Сталинградское областное архивное управление в целях наилучшего использования архивных материалов и полноты освещения вопросов обороны Царицына и роли И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова включило в план работы на 1937 г. выявление документов к путеводителю «Оборона Царицына». За отчетный период проработано более 52 фонда, что составило 6184 ед. хр. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 13]. Аналогичная работа проводилась в Астраханском и Камышинском архивах. В Астрахани было выявлено и занесено на карточки 1 067 архивных документов, в Камышинском архиве – 200. В числе выявленных были документы с подписями и резолюциями И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова,

Г.К. Орджоникидзе, в Астраханском архиве – с подлинными подписями С.М. Кирова, В.В. Куйбышева, С.Г. Шаумяна [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 13–13об.]. Также проводилась работа по заданию Истпарта, обкома ВКП(б) и других учреждений по выявлению архивных документов на следующие темы: «Выборы в думу и ограничения трудящихся на выборах», «Быт рабочих на заводах в дореволюционный период». Наряду с этим, архивисты Сталинградской области, как и астраханские архивисты, вели работу по сбору документов о жизни и деятельности революционеров С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышева [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 13об.].

Во всех архивах Сталинградского края ежегодно росло число посетителей читального зала. Это продолжалось до 1938 г., когда архивы были переданы в ведение НКВД. Тогда число пользователей резко сократилось. В читальном зале Сталинградского архива в 1928 г. работало 46 человек, в 1933 г. – 121, в 1936 г. – 157. Темами для исследования были выбраны следующие: «Нижне-Волжский лесной рынок», «Состояние городского хозяйства в Царицыне», «История местных фабрик и заводов» [Булюлина 2004: 32]. Из доклада управляющего СОАУ Т.М. Серегина о деятельности Управления за 1935 г. в отношении обслуживания было отмечено, что читальный зал в Управлении был оборудован только в конце 1-го полугодия 1935 г. До этого времени все посетители занимались в общей канцелярии. Библиотека находилась в архивохранилище, что затрудняло ее работу, так как материалы приходилось переносить через двор. Сотрудник читального зала отвечал также за работу библиотеки. Посетители работали над следующими темами: «Состояние школ и больниц в 1925 г.», «Освещение революционного движения в Сталинграде», «Состояние городского хозяйства в г. Царицыне», «История завода «Красный Октябрь», «Оборона Царицына» [ГАВО. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 38. Л. 10]. В отчете за 1937 г. Т.М. Серегиным было отмечено, что «главная задача партии и правительства, поставленная перед архивными органами – полная разборка и

инвентаризация материалов в целях всестороннего и полного использования для нужд социалистического строительства» – архивистами области полностью выполнена [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 9].

В СОАУ имелся оборудованный читальный зал площадью 11 кв. м. Научно-исследовательскую работу в таком небольшом помещении проводить было трудно, и исследователям приходилось работать в общей комнате под шум пишущей машинки и разговоры посетителей. В зимнее время в помещении читального зала температура достигала 10–12 градусов. В штате СОАУ состоял специально выделенный работник, отвечающий за работу читального зала [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 9]. В 1937 г. в читальном зале СОАУ работало 66 исследователей (которыми было сделано 540 посещений), из них 17 членов ВКП(б) и 11 членов ВЛКСМ. В указанный год было выдано в читальный зал 9 834 ед. хр., из них дореволюционного периода – 290 ед. хр. и пореволюционного – 9544 ед. хр. Среди основных тем выбранным исследователями выделялись «Оборона Царицына» и «Роль Сталина». Кроме того, посетители работали над темами по исследованию озер и прудов Сталинградской области, истории народного образования Сталинградской области, Пугачевскому восстанию, пребывании М. Горького в Сталинграде в 1929 г. [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 14]. В Астраханском архиве также имелся оборудованный читальный зал. В 1937 г. в нем занималось 31 человек [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 14об.].

В Саратовском краевом архиве в 1934 г. организация использования архивных документов не была поставлена на надлежащий уровень. Точного учета этой работы не велось; основными посетителями читального зала являлись научные работники Истпарта; в их отношении применялись формальные требования. Занятия с документами АОР осуществлялись в разборочной комнате, которая служила одновременно и канцелярией [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 20об.]. К 1934 г. в ЦАУ АССР НП читального зала фактически не имелось. Для посетителей выделили один свободный стол в канцелярии ЦАУ. Поэтому значительная часть дел передавалась

учреждениям на временное пользование: 150 ед. хр. Отсутствие при ЦАУ читального зала не давало возможности наладить плановую работу по использованию архивных документов. Предоставленные по заявкам материалы, относились к следующим темам: Столыпинская реформа, переселение немцев-колонистов в Поволжье, культурное строительство, революционное движение, аграрный вопрос и другие. По фондам Областного партархива производилась работа по темам: история партии и комсомола, женское движение и пионерское движение в АССР НП. Всего было использовано около 400 ед. хр. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3269. Л. 16].

Заметно возрос интерес к архивным документам со стороны научно-исследовательских учреждений. В Центрархив НП поступали заявки по подборе того или иного материала, преимущественно требовались документы по истории Немецкой республики. В Центрархив НП приезжали работать научные работники из Москвы [Больберг 1936: 111]. Документальные материалы архива свидетельствуют, что течение 1938 г. в читальном зале Центрархива НП занималось 16 человек, которым было выдано во временное пользование 136 ед. хр., из них дореволюционного периода – 43 ед. хр. [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4643. Л. 9].

Переход архивов в подчинение НКВД полностью наложил ограничение на использование документов в научных целях. Стали создаваться секретные путеводители, секретные сборники документов, секретные картотеки [Хорхордина, Волкова 2012: 323].

В выводах по использованию архивных документов в государственных архивах Нижнего Поволжья важно отметить следующее: все преобразования в данном направлении были продиктованы партийно-ведомственным подходом. История партии в различных ее проявлениях и подходах стала основной темой для научного исследования, в том числе и на периферии. Открытие читальных залов в 1920-е гг. дало возможность исследователям самостоятельно изучать архивные документы, тем самым обеспечив доступ к историческому и культурному прошлому нашей страны, но проводились все

научные изыскания через призму коммунистического подхода, что стало особенностью в направлении использования архивных документов в 20–30-х гг. XX вв.

3.2. Деятельность научно-справочных библиотек

Организация научно-справочных библиотек при архивных учреждениях связана с выходом в 1919 г. декрета СНК РСФСР (положения) о губернских архивных фондах, в одном из пунктов которого оговорено, что при управлении Центрального губернского архивного фонда учреждается справочная библиотека [Сборник... 1961: 15]. При работе над документом, как у архивиста, так и у исследователя возникают вопросы: опубликован ли данный документ, использован ли он ученым-исследователем, имеются ли официальные ведомственные издания, печатные материалы мемуарного характера, биографические сведения о лицах, упоминаемых в тексте документа, и справочная библиотека должна располагать совокупностью сведений об этом [Ахун 1926: 36].

Организация научно-справочной библиотеки при Астраханском губархиве состоялась в 1922 г. В состав фонда библиотеки вошли издания Центрального архива, а также и местные печатные источники. Выявление печатных изданий началось годом раньше, когда представители губархива занимались обследованием архивов бывших губернских учреждений, уцелевших в городе после Гражданской войны. Так, осматривая архив Астраханского губернского финансового отдела, архивисты наряду с ценными документами, выявили 179 книг «Полного собрания законов Российской империи» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 10. Л. 15об.], которые вошли в состав фонда научно-справочной библиотеки Астраханского архива.

Циркуляр Центрального архива РСФСР № 1601 от 31 марта 1923 г. предлагал всем губернским и областным архивным бюро наладить сотрудничество «с подлежащими учреждениями (отделами управления, издательствами, редакциями газет) о предоставлении архивным учреждениям

в количестве 2 экземпляров всех местных произведений печати (газет, журналов, плакатов), вышедших с 1917 г., и о дальнейшей передаче архивным учреждениям обозначенных материалов, по мере их выпуска, в том же количестве» [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 65. Л. 3]. В связи с этим, Астраханское губархивбюро провело переписку с издательством газеты «Коммунист», отделом печати губкома РКП(б), губернским отделом социального обеспечения, Астраханской ихтиологической лабораторией, Татарским центральным архивом и другими учреждениями, с оповещением о высылке им всех издаваемых печатных изданий в 2 экземплярах. Книги и брошюры предназначались для хранения в Астраханском архиве и в Архиве Октябрьской Революции г. Москвы [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 65. Л. 4, 13, 19, 20, 21]. Период 1925–1926 гг. характеризуется активным поступлением книг в библиотеку Астраханского архива. В отчетной документации отмечено, что в 1924–1925 гг. инвентаризация и каталогизация в библиотеке не проводилась. В 1925–1926 гг. в библиотеке числилось 1 100 экземпляров книг. К сентябрю 1928 г. фонд библиотеки составлял 25 000 различных книг справочного характера, из них взято на инвентарный учет 1 186 экземпляров. Остальные требовали обработки. Должность библиотекаря на тот момент в штате архива отсутствовала [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 153. Л. 54об.].

Для оборудования научно-справочной библиотеки Царицынского губархивбюро в 1923 г. была создана библиотечная комиссия, совмещающая работы по собиранию материалов историко-революционного характера и печатных изданий [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп.9. Д. 601. Л. 43]. В одном из губернских учреждений комиссия изъяла около двухсот томов, которые планировалось включить в состав фонда научно-справочной библиотеки архива [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп.9. Д. 601. Л. 43]. Согласно отчетной документации нам важно упомянуть налаженные связи по передаче печатных изданий с Саратовским, Костромским, Астраханским, Донским архивными бюро и архивными органами Автономии Киргизского народа [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 601. Л. 43об.]. 15 ноября 1924 г. Царицынский губисполком

издал постановление «О присылке в губархивбюро вновь выпускаемых печатных произведений», согласно которому все типографии Царицынской губернии обязаны предоставить по 3 печатных издания Царицынскому архивному бюро. Печатные издания поступили в архив из Центральной губернской библиотеки и из архивов ведомственных учреждений [Булюлина 2004: 18]. Таким образом, к концу 1926 г. библиотека Сталинградского губархивбюро насчитывала 25 000 книг и 650 комплектов газет. Получили шифр 15 579 книг, взято на инвентарный учет и занесено в карточки 5 079 книг. За отчетный период библиотека пополнилась иностранной литературой в количестве 3 000 экземпляров. Данная литература издана на немецком языке, разбита на 10 отделов по десятичной классификации [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 9]. В отношении книг на немецком языке выяснилось, что «в течение продолжительного времени Губархбюро разыскивало фонд немецкой кирхи Красноармейской волости Сталинградского уезда и в 1927 г. при помощи пастора Евангелического-Лютеранского прихода г. Сталинграда удалось наконец обнаружить на колокольне архив, заключающий в себе летописи за 100 с лишним лет, а также вышеупомянутую литературу...» [ГАВО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 71. Л. 9].

Центрархив АССР НП в отчетной документации за 1925–1926 гг. сообщил, что вся литература, поступающая в библиотеку архива, заносилась только в инвентарный каталог. В связи с отсутствием места она не могла располагаться в систематическом порядке. Поступающие газеты и прочие издания комплектовались в годовую подшивку и затем переплетались. Лишние разрозненные экземпляры газет продавались. По причине отсутствия особой комнаты для занимающихся книги из библиотеки выдавались на дом. Пользовались ими сами сотрудники Управления, ЦИКа, СНК, а также учителя для уроков по истории местного края [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1047. Л. 53]. К концу 1927 г. в библиотеке ЦАУ НП числилось 1 697 ед. хр. В 1928 г. – уже 2 510 ед. хр. В этом же году была произведена классификация книг по отделам. В дальнейшем комплектование библиотеки

шло за счет изданий, поступающих от государственного издательства АССР НП. В 1932–1933 г. была произведена передача литературы из архива Истпарта, а также от действующих учреждений Немецкой республики [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 2981. Л. 7].

Характер печатных изданий, сконцентрированных в фонде библиотеки Саратовского губархивбюро, преимущественно оставался ведомственным. В библиотеку вошли издания губернского и уездного земств, городской управы, акцизного управления и других современных учреждений г. Саратова. В 1925–1926 гг. был разобран 16 791 экземпляр. В течение 1926 г. было взято на инвентарный учет 1 569 названий. Уездные архивохранилища Саратовской губернии к организации справочных библиотек в 1925–1926 гг. не приступали [ГАРФ. Р-5325. Оп. 9. Д. 1115. Л. 94–94об.]. К 1934 г. научно-справочная библиотека Саратовского краевого архивного управления насчитывала до 100 000 единиц хранения печатных изданий. В нее входили источники как историко-революционного, так и религиозного характера. Пополнение библиотеки происходило за счет библиотек учреждений города. В ходе инспекторской проверки из Москвы, выяснилось, что в библиотеке отсутствовали материалы советского законодательства, каталогизации книг не велось, инвентарная книга имелась лишь на небольшую часть материала. Объем использования книг был незначительный и составил за год около 700 экземпляров. Главным образом, это были издания историко-революционного характера и комплекты газет [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 3279. Л. 21].

Архивно-справочная библиотека при Калмыцком областном архивном бюро состояла из дореволюционных изданий юридического характера, дореволюционных и пореволюционных изданий по истории и экономике Калмыцкой степи и Астраханского края; дореволюционных и пореволюционных изданий по архивному делу; ведомственных изданий пореволюционного периода и др. Всего имелось в библиотеке на 1928 г.

4 193 книги и брошюры, 35 комплектов газет, 300 кг. неразобранных изданий [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 100. Л. 2об.].

К 30-м гг. XX в. заведующему Астраханским архивом П.И. Усачеву удалось сконцентрировать в библиотеке обширный печатный материал из библиотек бывшей Духовной семинарии, музея, от частных лиц. В частности, библиотека Астраханской духовной семинарии после событий Гражданской войны была передана местными властями Астраханскому государственному университету. Библиотека располагала ценнейшим фондом старопечатных источников. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 202. Л. 6]. Астраханский архив в лице Усачева, руководствуясь «Положением об архивном управлении РСФСР» от 28 января 1929 г. предложил заведующей библиотекой М.М. Пешковской в десятидневный срок подготовить к сдаче все находящиеся на хранении в библиотеке рукописные и печатные источники из фонда бывшей духовной семинарии; составить в двух экземплярах сдаточную опись. Именно таким путем, немалая часть книг библиотеки Астраханской духовной семинарии оказалась в фонде научно-справочной библиотеки Астраханского архива [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 203. Л. 21]. Кроме того, интерес для краеведов представляет переписка П.И. Усачева с заведующим Астраханской картинной галереей Н.П. Протасовым по вопросу передачи книг и гравюр из коллекции купца Репина, отложившихся в фонде галереи. В частности, Петра Ивановича интересовали книги по вспомогательным исторически дисциплинам. В монографии исследователя З.А. Маломётовой находим: «обращение к заведующему АКГ, по всей видимости, возымело действие: книги из Репинки по вспомогательным историческим дисциплинам (преимущественно на русском языке) в архив поступили» [Малометова 2008: 244].

В 1932 г. в Астраханском архиве проводили ремонт помещений, в том числе и помещения библиотеки [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 55]. С января 1933 г. в Астраханском архиве начали активную работу по инвентаризации, учету, разборке, систематизации и размещению

библиотечных материалов [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 104]. Уже к середине 1933 г. научно-справочная библиотека вновь начала свою работу. Однако осложняли работу библиотеки нехватка полок, незавершенный процесс каталогизации и систематизации библиотечных материалов. Несмотря на сложности в работе, библиотека обслуживала различные учреждений города: городской совет, городской статистический отдел, государственный рыбный трест и другие. Выдача печатных изданий частным лицам в 1933 г. не велась. Штатный библиотекарь получал заработную плату в размере 140 руб. [ГААО. Ф. Р-2779. Оп. 2. Д. 236. Л. 55, 57об., 104].

К началу 1936 г. научно-справочная библиотека Астраханского архива располагала фондом в 81 726 экземпляров книг, из них 4 826 – на иностранных языках. К тому моменту библиотека формировалась из трех основных отделов: справочный, краеведческий, иностранный. В иностранном отделе хранились книги, подаренные Академией наук г. Астрахани, а также из Астраханского костела и различных церквей. Среди них имелись редкие книги, изданные в XVI в. Также фонд библиотеки архива располагал литературой религиозно-философского содержания на русском языке. Подобного рода книги были оставлены в библиотеке как «редкостные для русской науки и культуры экземпляры». Также в отделении имелся богатый отдел литературы русских классиков [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 8–8об.]. Отделение располагало комплексом дореволюционных газет: «Астраханский вестник», «Волга», «Астраханские губернские ведомости» и другие. Периодических изданий советского периода было совсем мало. При обработке книг специалисты архива пользовались десятичной классификацией. Из общего количества в 81 726 экз. на инвентарный учет взяли всего лишь 7 360 экз. В процентном соотношении это составляло 7% от общего количества книг. Остальные были только разобраны и частично обработаны [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 14. Л. 8об.].

В библиотеке Сталинградского областного архивного управления на 1 января 1938 г. содержалось 21 117 книг и 11 100 экземпляров газет. В

составе фонда библиотеки СОАУ были сборники по законодательству Российской Империи, начиная с уложения Алексея Михайловича и до момента свержения царской династии, а также богатый справочный отдел. Имелись местные газеты с начала XX в., почти все районные газеты с 1935 г. по 1937 г. Общее состояние библиотеки оценивалось как «хорошее». Имеющиеся книги и газеты были взяты на инвентарный учет, что в сумме составило 80 % от общего состава фонда [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 16об.]. Управляющий СОАУ Т.М. Серегин в докладе за 1937 г. указал, что «в Астраханском архиве имеется библиотека, превосходящая по своей ценности библиотеку СОАУ». Всего на 1 января 1938 г. в библиотеке числилось 53 206 книг, в числе которых 4 826 – на иностранных языках. Общее количество обработанных и взятых на инвентарный учет составляло 8 418 экземпляров книг [ГААО. Ф. Р-2606. Оп. 1. Д. 50. Л. 17].

Согласно статистическому отчету Саратовского областного архивного управления на 1 января 1938 г. научно-справочная библиотека Управления располагала 70 000 книг и 20 000 экземпляров периодических изданий. Изданий на иностранных языках имелось 3 200. В библиотеке г. Балашова хранилось 2 200 экземпляров книг и 1 800 экземпляров периодики, в Вольске – 2 400 книг и 2 800 экземпляров периодики, в Пугачеве – всего 150 книг и 12 экземпляров периодики [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4252. Л. 6об.].

По данным на 1938 г. всего в библиотеке Центрархива НП имелось 7 103 книги, из них 3 057 немецких книг. При сверке выявилась недостача на 1 253 книги. Никаких отметок и актов о списании недостающих книг при проверке в наличии не оказалось [ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 4643. Л. 9].

В научно-справочной библиотеке Калмыцкого госархива на 1 июля 1939 г. было внесено в инвентарную книгу 2 345 названий. Бюджетом 1939 г. на пополнение библиотечного фонда была ассигнована 1 000 руб. Кроме того, был полностью разобран и взят на инвентарный учет весь газетный материал, состоящий из центральных, республиканских и улусных газет в количестве 85 годовых комплектов. Литература, сконцентрированная в

библиотеке Калмыцкого архива, преимущественно носила исторический характер, отражала культуру, быт, экономику калмыцкого народа [НАРК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 409. Л. 28].

Таким образом, проследив работу нижеволжских архивистов по организации научно-справочных библиотек при архивных учреждениях, сделаем следующие выводы: в условиях Гражданской войны, политизации архивных учреждений региональные архивисты занимались формированием архивных фондов, организацией научно-справочных библиотек и другой работой. Благодаря их целенаправленным действиям, удалось сформировать уникальные фонды библиотек при архивах, содержащих в себе ценные печатные источники историко-краеведческого и научного характера, которые в настоящее время востребованы пользователями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История архивной службы Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг. неразрывно связана с историей и архивным строительством России.

Анализ законодательной и нормативной базы архивного строительства в РСФСР показал сложный и противоречивый характер правительственной политики по созданию и функционированию архивной системы.

В ходе начального этапа (1918–1930 гг.) становления государственной архивной системы процесс организации архивных органов на местах мог варьироваться в зависимости от региона. В Нижневолжском регионе он имел свои особенности. До территориального объединения в край развитие архивного дела шло разрозненно в каждой территориальной единице, однако каждый из руководителей архивного ведомства старался подстроиться по новые нужды архивного строительства, сохранить имеющиеся фонды, пополнить новыми архивными документами.

В ходе исследования была выявлена дата образования государственной архивной службы Астраханского региона, показан процесс определения и закрепления ее роли в системе органов государственного управления; сделан анализ реорганизаций архивных учреждений Нижнего Поволжья, освещена роль преобразований государственной архивной служб Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей, Республики Калмыкия, а также бывшей АССР Немцев Поволжья.

Исследование кадровой политики советского руководства в отношении архивных органов показало изменчивость основных ее основных направлений. С момента организации архивных органов в числе их сотрудников оказались, в основном, члены бывших краеведческих научных обществ. Это согласовывалось с основными установками государственной кадровой политики 1918–1938 гг., согласно которым к работе в советских учреждениях активно привлекались так называемые «старые специалисты». Однако настороженное отношение к ним, проявлявшееся с начала 1920-х гг., в конечном итоге, привело к их вымыванию из состава учреждений. В

архивных органах период сотрудничества власти и архивных специалистов к середине 1920-х гг. сменился неустанным контролем органов госбезопасности и кадровыми «чистками» архивистов.

Политизация документов и архивов в целом, включение архивов в административную систему советского государства способствовали превращению архивистов в государственных чиновников, что не соответствовало досоветским представлениям архивного сообщества об архивисте-исследователе. Постепенно критериями отбора архивных кадров становились не профессионализм и соответствующее образование, как это было прежде, а партийная принадлежность и социальное происхождение. Диссертационное исследование показало, что кадровая политика советского руководства в 1920–1930-е гг., которая в Нижнем Поволжье сопровождалась неоправданными смещениями опытных архивных сотрудников, нарушила преемственность в развитии архивного дела и привела к утрате накопленного в дореволюционный период опыта архивной работы.

Архивистами Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг. были сформированы уникальные архивные фонды по истории Астраханской, Саратовской и Волгоградской областей, Республики Калмыкия, а также бывшей АССР Немцев Поволжья. Благодаря профессиональной ответственности первых советских архивистов были сохранены и приумножены архивные собрания Нижневолжского региона, создана фундаментальная источниковая база, обеспечено всестороннее использование архивных документов. На протяжении рассматриваемого периода неоднократно изменялись приоритетные направления в деятельности региональных архивов. Одной из главных их задач, которые решались в то время, было комплектование. С середины 1920-х гг. ведущим направлением деятельности становится использование документов и отбор их к уничтожению в рамках проводившихся «макулатурных кампаний», а с середины 1930-х гг. – приоритет отдается развитию учета и обеспечения сохранности документов.

Основные направления деятельности государственных советских архивов (комплектование, обеспечение сохранности, фондирование и учет, использование документов) в 1918–1938 гг. реализовывались неравномерно. Рост государственного архивного фонда в Нижнем Поволжье на протяжении всего рассматриваемого периода и приоритетное развитие деятельности по использованию документов на фоне медленно совершенствовавшихся механизмов обеспечения сохранности приводило к концентрации в архивохранилищах массы неразобранных материалов, что затрудняло ведение учета и формирование научно-справочного аппарата. Однако, именно в исследуемый период была создана единая система фондирования и учета архивных фондов и документов, которая функционирует в современных государственных архивных учреждениях до настоящего момента. Наряду с этим, советское руководство считало, что главной задачей архивов должна была стать помощь социалистическому строительству через предоставление востребованной политическими и хозяйственными учреждениями архивной информации. Помимо этого, уже с начала 1920-х гг. архив должен был удовлетворять не только информационные потребности, но и участвовать в преодолении бумажного кризиса посредством отбора архивных документов к уничтожению. Работы по отбору документов к ликвидации в архивах Нижнего Поволжья приобретали форму соревнований.

С середины 1930-х гг. Центральное архивное управление (ЦАУ) стало ориентировать местные архивные органы на приоритетное развитие учета документов. Это было следствием изменения отношения властных структур к архивной информации, политическое значение которой усилилось в глазах советского руководства, что требовало более тщательного контроля над каждой единицей хранения. Начиная с 1920-х гг., ужесточились правила допуска исследователей к архивным материалам. Особое значение на этом этапе приобрело использование документов для нужд ОГПУ–НКВД, в ведение которого и были переданы архивы в 1938 г.

Анализируя деятельность архивных органов в 1918–1938 гг. Нижнего Поволжья можно сделать следующие выводы.

На начальном этапе архивного строительства (1918–1930 гг.) произошли важные изменения в становлении государственной архивной службы России. В частности, это централизация и подчинение государству. После выхода декрета СНК от 1 июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» архивы стали единой государственной системой под управлением Главного управления архивным делом (Главархив). Их задача заключалась в сохранении документального наследия, но на практике приоритет быстро сместился в сторону удовлетворения запросов власти.

Отметим высокую степень востребованности документов. Ведомствам и государственным структурам нужны были документы для подтверждения прав, учета имущества, статистики, планирования. Архивы, в свою очередь, выступали как справочные и информационные службы для государственных органов.

Важно акцентировать внимание на ограниченности ресурсов и кадрового состава архивных ведомств. В первые послереволюционные годы не хватало специалистов, помещений, финансирования. Поэтому на первый план выступала утилитарная функция: необходимо было сохранить и выдать то, что срочно нужно государству.

Архивные службы подчинялись идеологическому контролю. Документы активно использовались для обоснования новых политических решений, а также для «очистки» фондов от «нежелательных» материалов – часть документов изымалась или засекречивалась.

В период 1930–1938 гг. роль архивов стала еще более политизированной и жестко управляемой. Их функция все сильнее смещалась в сторону политико-контрольного и силового направления. В 1938 году архивное дело передали в ведение НКВД СССР. Это усилило режим секретности и ориентацию на нужды силовых структур.

Практиковались масштабные «макулатурные кампании»: документы массово отбирали на уничтожение как «не имеющие значения». Критерии ценности часто определялись текущими политическими задачами.

Архивные справки и документы стали важным инструментом кадровой и репрессивной политики: проверка биографий, подтверждение «социального происхождения», сбор компрометирующих материалов.

В процессе исследования деятельности государственных архивов Нижнего Поволжья в 1918–1938 гг. установлено, что контроль над организацией и функционированием архивных органов осуществляло не только архивное ведомство, но и органы государственной власти на местах, политические и хозяйственные учреждения. Рабоче-крестьянские инспекции (РКИ) контролировала состояние текущего делопроизводства и кадровые вопросы в архивных учреждениях, ВЧК (ОГПУ), помимо кадровых, ведала вопросами секретного делопроизводства и использования секретных документов. Государственная экспортно-импортная контора (Госторг РСФСР) и РКИ определяли и контролировали ведение макулатурных кампаний в государственных архивах, в конечном счете, оказывая определяющее влияние на весь ход архивных работ. Органы местной власти, РКП(б), ВКП(б) (совместно с их подразделениями Истпарта и Истпрофа) оказывали значительное влияние на кадровую политику архивов и использование архивных документов.

Идея архивов как научных центров, популярная у архивистов и интеллигенции, так и не закрепились в общественном сознании. «Архивная культура» в рассматриваемое время так и не сложилась. Власти пытались поднять статус архивов, встраивая их в систему управления и подчеркивая их политическую важность, но это не улучшило ни положение архивистов, ни общественное отношение к архивной службе. В итоге восприятие архивов как второстепенных учреждений сохранилось. Утилитарный взгляд на архивы не смог сломать укоренившийся стереотип: к архивам продолжали относиться с пренебрежением. Чтобы это изменить, нужно было утвердить в

обществе понимание архивов как хранителей свидетельств прошлого – ценных вне зависимости от их практической пользы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1.1. Архивные источники

1.1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-5325. Главное архивное управление при совете министров СССР (Главархив СССР). Главное архивное управление при кабинете министров СССР.

Оп. 9. Д. 89; Д. 97; Д. 353; Д. 558; Д. 601; Д. 811; Д. 1047; Д. 1115; Д. 2981; Д. 3269; Д. 3279; Д. 3575; Д. 4191; Д. 4252; Д. 4528; Д. 4529; Д. 4643.

1.1.2. Государственный архив Астраханской области (ГА АО)

Ф. Р-846. Личный фонд И.И. Парфентьева – заведующего архивным отделом Астраханского облисполкома, краеведа.

Оп. 1. Д. 13.

Ф. Р-1071. Астраханский государственный медицинский институт имени А. В. Луначарского Астраханский государственный медицинский институт

Оп. 8. Д. 28; Д. 14.

Ф. Р-2606. Астраханское областное государственное учреждение «Государственный архив Астраханской области» Агентства по делам архивов Астраханской области г. Астрахань.

Оп. 1. Д. 14; Д. 15; Д. 25; Д. 45; Д. 48; Д. 50; Д. 60.

Оп. 2. Д. 5; Д. 128.

Ф. Р-2779. Архивный отдел Администрации Астраханской области г. Астрахань.

Оп. 2. Д. 10; Д. 16; Д. 11; Д. 32; Д. 36; Д. 44; Д. 52; Д. 65; Д. 67; Д. 85; Д. 86; Д. 96; Д. 109; Д. 124; Д. 128; Д. 131; Д. 153; Д. 155; Д. 169; Д. 171; Д. 184; Д. 186; Д. 194; Д. 202; Д. 203; Д. 212; Д. 221; Д. 236; Д. 245; Д. 283; Д. 300; Д. 302.

Оп. 4 л/с Д. 10; Д. 16; Д. 52.

Пояснительная записка к фонду Ф. 26 «Контора Тинакской грязелечебницы Астраханского приказа общественного призрения».

Пояснительная записка к фонду Ф.681 «Астраханская таможня».

1.1.3. Государственный архив Волгоградской области (ГА ВО)

Ф. Р-455. Сталинградское отделение Нижне-Волжского краевого архивного управления Нижне-Волжского края, г. Сталинград.

Оп. 1. Д. 71; Д. 115; Д. 144; Д. 159.

Ф. Р-459. Комитет по управлению архивами Администрации Волгоградской области.

Оп. 1. Д. 38; Д. 21; Д. 51; Д. 60.

Оп. 4. Д. 206.

1.1.4. Центр документации Новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО)

Ф. Р-172. Архив партийного архива Волгоградского обкома КПСС

Оп. 1. Д. 4.

1.1.5. Государственный архив Саратовской области (ГА СО)

Ф. Р-521. Саратовский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьян и красноармейских депутатов.

Оп. 1. Д. 47.

1.1.6. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Ф. Р-71. Архивное управление при Совете Министров Калмыцкой АССР

Оп. 1. Д. 2; Д. 17; Д. 21; Д. 23; Д. 24; Д. 25; Д. 33; Д. 41; Д. 43; Д. 80; Д. 96; Д. 99; Д. 100; Д. 101; Д. 148; Д. 150; Д. 235; Д. 249; Д. 333; Д. 409.

Ф. Р-145. Пальмов Николай Николаевич – профессор, историк-калмыковед, организатор архивного дела в Калмыкии (1872–1934) Оп. 1. Д. 482.

1.2. Музейные коллекции

Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник (АМЗ)

Коллекция «Документы» АМЗ НВ 13557

Коллекция «Документы» АМЗ КП 42398

1.3. Опубликованные источники

Официальные документы (декреты, указы, законы, постановления, распоряжения, приказы)

1. Декреты...1928 — Декреты, циркуляры, инструкции // Архивное дело. 1928 г. Вып. II (15). С. 57–58.

2. Декреты...1935 — Декреты, циркуляры, инструкции // Архивное дело. 1935. Вып. 2 (35). С. I-II.

3. Конституция 1936 — Конституция (основной закон) СССР. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 32 с.

4. Правила...1926 — Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР / Центр. архив. РСФСР., [Москва] : Б. и., 1926. 47 с.

5. Правила...1935 — Правила постановки архивной части в учреждениях, организациях и предприятиях Сталинградского края: в извлечениях из издания ЦАУ РСФСР, изданного в Москве в 1931 г. Сталинград, 1935. 24 с.

6. Собрание...1930 — Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 г. № 1-30. Отдел первый / Упр. делами Совета Народных Комиссаров СССР и Совета Труда и Оборона. М.: Б. и., 1930. 575 с.

7. Собрание...1934 — Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1934 г. № 1-43 / Народ. комиссариат юстиции. М.: Госиздат, б. г. 370 с.

1.4. Периодическая печать

1. Коммунист 1933 г. (газета)

1.5. Воспоминания, мемуарная литература, дневники, переписка

1. Письма Н.Н. Пальмова... 1968 — Письма Н.Н. Пальмова Х.Б. Канукову / ред. Л.С. Бурчинова, И.И. Орехов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. 107 с.

1.6. Сборники документов, материалов, справочные издания

1. Государственное строительство... 2009 — Государственное строительство Калмыкии XVII-XXI вв.: сборник документов и материалов / М-во образования, культуры и науки Республики Калмыкия, Гос. учреждение «Нац. арх. Республики Калмыкия»; [сост.: Цюрюмов А. В. (отв. ред.) и др.]. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 397 с.

2. Директивы... 1957 — Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: Сборник документов: [В 4 т.]. Т. 2: 1929–1945 годы. М.: Госполитиздат, 1957–1958. Т. 2. 1957. 888 с.

3. История... 2012 — История административно-территориального деления Сталинградского (Нижеволжского) края. 1928–1936 гг.: справочник / М-во культуры Волгоградской обл., Гос. казенное учреждение Волгоградской обл. «Гос. архив Волгоградской обл.»; [сост.: Д. В. Буянов, Н. С. Лобчук, С. А. Норицына]. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2012. 573 с.

4. Октябрь... 1970 — Октябрь в Царицыне: Сборник документов. Волгоград. Н.-Волжское кн. изд., 1970. 384 с.

5. Первая... 1904 — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 2: Астраханская губерния. Тетр. 2 (последняя) / под

редакцией Н. А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. [4], XIV, 167 с.

6. Протоколы... 1926 — Протоколы Первого Съезда архивных деятелей РСФСР 14–19 марта 1925 года / Под ред. Н. Ф. Бельчикова, В. В. Максакова ; Центр. архив РСФСР. М; Изд-во Центрархива РСФСР; Л.: Гос. изд-во, 1926. 312 с.

7. Россия... 1901 — Россия: полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [т. 1–19] / под ред. В. П. Семенова, СПб: А. Ф. Девриен, 1899-1914. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / сост. П. А. Ососков и др. 1901. 599 с.

8. Сборник... 1921 — Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. М., 1921. 122 с.

9. Сборник... 1961 — Сборник руководящих материалов по архивному делу: [в 3 вып.] / Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Московский государственный историко-архивный институт; [подготовлен под науч. руководством В. В. Максакова и др.]. М.: [б. и.], 1961. [Вып. 1]: 1917 – июнь 1941 гг. 1961. 265 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Автократов 1993 — Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела (1917-1918 гг.) // Отечественные архивы. 1993. №3 С. 9–35.

2. Алексеева 2007 — Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бурова Е.М. Архивоведение / под ред. В. П. Козлова. М.: Академия, 2007. 270 с.

3. Алиева 2015 — Алиева А.Н. Материалы семьи Пальмовых (XIX – первая треть XX в.) в собрании Астраханского музея-заповедника // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 7. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2015. С. 396–400.

4. Алиева 2023 — Алиева А.Н. Коллекция рукописей, подаренная Н.Н. Пальмовым Музею Петровского общества (по материалам

Государственного архива Астраханской области) // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 15. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 434–448.

5. Артамонова 2025 — Артамонова Л. М. Архивисты продолжают издание трудов одного из создателей Саратовской ученой архивной комиссии А. Н. Минха // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 289–296.

6. Архивная летопись 2006 — Архивная летопись. К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

7. Ахун 1926 — Ахун М. К вопросу об организации научно-справочных библиотек при архивохранилищах // Архивное дело. 1926. Вып. VIII-IX. С. 36–45.

8. Бадмаева 2012 — Бадмаева С.Г. Калмыцкая автономная область в составе Нижне-Волжского края: роль и значение // Вестник Калмыцкого университета. 2012. №2. С. 41–44.

9. Бадмаев 2013 — Бадмаев Б.В. Становление профессора Н.Н. Пальмова как ученого-исследователя // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2013. № 4. С. 89–92.

10. Банасюкевич, Елпатьевский, Ларин 1999 — Банасюкевич В.Д., Елпатьевский А.В., Ларин М.В. Российское и советское архивоведение: попытка сравнительного анализа // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: доклады и тезисы выступлений (25–26 февр. 1999). М., 1999. С. 8–19.

11. Батмаев 2023 — Батмаев М.М. Обзор материалов фонда Р-145 Национального архива Республики Калмыкии — личного фонда профессора Н.Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 52–69.

12. Бедулина 2009 — Бедулина И.П. Становление и развитие государственной архивной службы Иркутской области (1920–1938 годы): автореферат дис. ... к. и. н.: Барнаул, 2009.

13. Беломоина 2001 — Беломоина О.А. Солосин Иван Иванович (1875–1938) // Астрахань. Город и люди. Астрахань: Астраханские известия, 2001. С. 98–99.

14. Болдырева 2012 — Болдырева О.Н. Отношения калмыцкого ханства с Китаем в начале XVIII века (мнение Н.Н. Пальмова) // Наука и современность. 2012. № 16–1. С. 60–63.

15. Болдырева 2013 — Болдырева О.Н. Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства в восточной политике России в XVIII веке // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 4. С. 14–20.

16. Болдырева 2021 — Болдырева О.Н. Взгляд Н.Н. Пальмова на взаимоотношения Калмыцкого ханства с Джунгарским ханством и Китаем в начале XVIII века // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2021. № 15. С. 204–205.

17. Бобылева 1986 — Бобылева М.П. Деятельность центральных архивных учреждений РСФСР и СССР в области ведомственной рационализации в период построения социализма (1918–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1986. 24 с.

18. Боликова 2017 — Боликова Р.Б. Становление архивной службы в Калмыкии в период 1918–1934 гг. // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России материалы всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 100-летию революции 1917 года. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2017. С. 179–189.

19. Больберг 1936 — Больберг Е. Центральный архив АССР Немцев Поволжья проверяет свое обязательство // Архивное дело. 1936. №3(40). С. 110–112.

20. Бородина 2016 — Бородина Л.Г. Деятельность А.А. Дмитриевского в рамках Астраханского государственного университета // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы XII Международной научно-практической конференции

(г. Астрахань, 29 апреля 2016 г.) / Отв. ред. и сост. А.О. Тюрин, А.В. Сызранов. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2016. С. 80–83.

21. Булюлина 1995 — Булюлина Е.В. Архивное дело в Донских округах в 1920-е годы // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 74–77.

22. Булюлина 1996 — Булюлина Е.В. Д.Д. Бирюков – первый заведующий Царицынским губархивбюро (1923 г.) // Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 82–84.

23. Булюлина 1998 — Булюлина Е.В. История формирования регионального архивоведения России (развитие методических основ архивоведения в архивных учреждениях Волгоградской области 1923 – 1991 гг.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 05.25.02. М., 1998. 18 с.

24. Булюлина 2004 — Булюлина Е.В. Очерки истории Государственного архива Волгоградской области [1923–2000]. Волгоград: изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004. 156 с.

25. Булюлина 2013 — Булюлина Е.В. «Берегите архивы!»: деятельность архивистов по спасению культурного наследия Царицынской губернии. 1920-е годы // Жизнь провинции. Материалы и исследования. Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции как феномен духовности». Нижний Новгород: Дятловы горы, 2013. С. 272–275.

26. Булюлина, Будченко 2008 — Булюлина Е.В., Будченко Л.И. Муниципальные архивы Волгоградской области. Волгоград: Панорама, 2008. 174 с.

27. Бураковская 2009 — Бураковская М.С. Работа Астраханского губернского архивного бюро по выявлению и сохранению архивов бывших губернских учреждений после 1917 г. / Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. I. Астрахань: Издательство: Сорокин Роман Васильевич, 2009. С. 267–270.

28. Бураковская 2011 — Бураковская М.С. У истоков Астраханского архива (О первом заведующем губернским архивным фондом И.И. Солосине // Солосинские чтения: материалы межрегион. историко-арх. науч. конф. 22 нояб. 2010 г. Астрахань, 2011. Вып. 1. С. 127–132.

29. Бураковская 2012 — Бураковская М.С. И.И. Солосин – первый руководитель Астраханского губархива // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 5–11.

30. Бураковская 2013а — Бураковская М.С. Комплектование Астраханского архива в 1920–1928 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура: научный журнал. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2013. № 2. С. 325–332.

31. Бураковская 2013б — Бураковская М.С. Обеспечение сохранности архивных документов в Государственном архиве Астраханской области: история и современность // Астраханские краеведческие чтения. Вып. V. Астрахань, 2013. С. 536–541.

32. Бураковская 2014а — Бураковская М.С. Люди и события Астраханского Госархива в 1920-1930 гг. // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы 10 науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 26 апреля 2014 г.). Астрахань. 2014. С. 56–60.

33. Бураковская 2014б — Бураковская М.С. Основные направления кадровой работы Государственного архива Астраханской области в 1920–1938 гг. // Вестник архивиста. 2014. №1. С. 144–159.

34. Бураковская 2017 — Бураковская М.С. Из истории секретных фондов государственных архивов Нижнего Поволжья (1918–1938 гг.) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. IX. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 172–177.

35. Бурчинова 1978 — Бурчинова Л.С. Ученый, педагог, человек: биогр. очерк о Н.Н. Пальмове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 36 с.

36. Бурчинова 1980 — Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
37. Бурчинова 1992 — Бурчинова Л.С. Слово об авторе // Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста, 1992. С. 5–25.
38. Вереин 1957 — Вереин Л.Е. Борьба за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань: Изд-во газеты «Волга», 1957. 96 с.
39. Вишневский 1923 — Вишневский М.С. Летопись архивной жизни провинции за 1920 г. // Архивное дело. 1923. Вып.1. С. 77–101.
40. Водолагин 1968 — Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968. 448 с.
41. Волков 2007 — Волков В.А. Музейно-археологическая деятельность Петровского общества исследователей Астраханского края // Археология восточно-европейской степи: межвузовский сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 247–261.
42. Волкова 1984 — Волкова И.В. Описание документов в советском архивоведении и его роль в совершенствовании НСА госархивов (1963–1983): дис. ... канд. истор. наук. М., 1984. 249 с.
43. Воронежцев 2002 — Воронежцев А.В. Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 34–44.
44. Вяликов 1968 — Вяликов В.И. Архивное строительство в РСФСР в 1917–1925 гг. // Советские архивы. 1968. № 1. С. 30–38.
45. Вяликов 1972а — Вяликов В.И. Советское архивное строительство на современном этапе // Труды МГИАИ. М., 1972. Т. 29. С. 31–47.
46. Вяликов 1972б — Вяликов В.И. Архивное строительство в СССР (1946–1967 гг.). М.: [б.и.], 1972. 109 с.

47. Вяликов 1976 — Вяликов В.И. Архивное строительство в СССР (1917–1945 гг.). М.: [б.и.], 1976. 220 с.
48. Герман 2000 — Герман А.А. История Республики Немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 2000. 320 с.
49. Голубцов 1927 — Голубцов И.А. Краеведческие «поправки» к организации архивного дела в РСФСР // Архивное дело. 1927. Вып. 13. С. 15–26.
50. Голыдьбина 2005 — Голыдьбина И.А. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 300-летнего юбилея г. Саратова // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Вып. 2. Саратов, 2005. С. 221–228.
51. Гуркин 2006 — Гуркин В.А. Симбирская ученая архивная комиссия как центр изучения региональной истории // Отечественные архивы. 2006. №6. С. 17–23.
52. Гучинов 1974 — Гучинов М.И. Н.Н. Пальмов – организатор архивного дела в Советской Калмыкии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.11. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 76–89.
53. Гусакова, Майорова 2006 — Гусакова З.Е., Майорова А.С. Целостность Архивных фондов должна быть гарантирована // Отечественные архивы. 2006. № 2. С. 32–39.
54. Джагаева 2018 — Джагаева О.А. Вклад профессора Н.Н. Пальмова в развитие исторической науки в Калмыкии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 58–63.
55. Джалаева, Команджаев 2022 — Джалаева А.М., Команджаев А.Н. Н.Н. Пальмов: «Цель творчества – самоотдача...» (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4 (56). С. 21–31.
56. Джалаева 2003 — Джалаева А.М. К биографии профессора Н.Н. Пальмова // Пальмовские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Элиста: НМ РК, 2003. С. 54–60.

57. Дзамихов 2020 — Дзамихов К.Ф. П.Л. Юдин – архивист и исследователь истории Северного Кавказа // Кавказология. 2020. № 2. С.111–125.
58. Дремина 1962 — Дремина Г.А. Из истории архивного образования в СССР (1918–1930 гг.) // Труды МГИАИ. М., 1962. Т. 15. С. 157–171.
59. Дремина 1972 — Дремина Г. А. Основные периоды организации государственного Архивного фонда СССР (1918-1970 гг.) // Труды МГИАИ. М., 1972. Т. 29. С. 9–30.
60. Добычина 2005 — Добычина М.А. История и организация архивного дела в Калужской области (1919–2000 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. 26 с.
61. Елпатьевский 1997 — Елпатьевский А.В. Заимствование или взаимодействие? (российское и западноевропейское архивоведение 1920–1930 гг.) // Вестник архивиста. 1997. № 5. С. 34–40.
62. Елпатьевский 1998 — Елпатьевский А.В. Из истории формирования основных нормативно-методических документов отечественного архивного дела (1918–1990 гг.) // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 16–24.
63. Елпатьевский, Хими́на 2005 — Елпатьевский А.В., Хими́на Н.И. Фондирование документов современных организаций в государственных архивах России // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 35–43.
64. Елпатьевская 1981 — Елпатьевская В.В. Научно-справочные издания, как средство информации о составе и содержании документов Государственного архивного фонда СССР (1917-1980 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1981. 25 с.
65. Ерина 1990 — Ерина Е.М. К истории формирования архивных фондов по истории немцев Поволжья // Советские немцы: история и современность: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Москва, 15–16 нояб. 1989 г.). М., 1990. С. 95–102.

66. Ерина 2003 — Ерина Е.М. Архивы бывшей Автономии республики немцев Поволжья в Энгельсе – ценный информационный источник по истории, генеалогии и культуре немецких колонистов. 1767–1941 гг. // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X междунар. конф. международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва, 18–21 нояб. 2003 г.). М., 2004. С. 263–272.

67. Ерина 2012 — Ерина Е.М. К 90-летию Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе // Российские немцы. Die Russlanddeutschen. 2012. № 4. С. 12–17.

68. Ертмакова 2006 — Ертмакова Г.В. Центральный государственный архив Чувашской АССР в 1920–1991 годы: исторический опыт становления и функционирования: автореферат дис. ... к. и. н. Чебоксары, 2006. 24 с.

69. Ерымовский 1978 — Ерымовский К.И. Профессор Пальмов // Ерымовский К.И. Огонь жизни. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1978. С. 155–161.

70. Жданович 1927 — Жданович Я.Н. Отделы национальной культуры в исторических архивах автономных республик и автономных областей // Архивное дело. 1927. Вып. XI–XII. С. 83–92.

71. Захарова 2003 — Захарова Т.А. Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886–1920 годах: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Пенза, 2003. 199 с.

72. Изюмов 1921 — Изюмов А.Ф. Краткий исторический очерк // Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. С. 37–39.

73. Илизаров 1981 — Илизаров Б.С. Архив как элемент социальной памяти // Архивоведение на совр. этапе. Сб. ст. М., 1981.

74. Илизаров 1984 — Илизаров Б.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы современного архивоведения. М.: МГИАИ, 1984. С.57.

75. Илизаров 1985 — Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о соц. памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.

76. Илизаров 1987 — Илизаров Б.С. Социальные функции архивов СССР: дисс. ... д.и.н.: 05.25.02. М., 1987. 477 с.

77. Илизаров, Булюлина 2019 — Илизаров Б.С., Булюлина Е.В. В амбарах памяти не отделить зерна от плевел // Социологическое обозрение. 2019. Т.18. № 1. С. 266–271.

78. Иноземцева 1999 — Иноземцева З.П. Комплектование и экспертиза ценности документов в свете исторического опыта // Вестник архивиста. 1999. № 1. С. 4–12.

79. Истнюк 1928а — Истнюк Д. Районирование и архивы // Архивное дело. 1928. Вып. II (15). С. 10–19.

80. Истнюк 1928б — Истнюк Д. Из инспекторских отчетов и корреспонденций с мест: реорганизация архивного дела в Центрально-Черноземной и Средне-Волжской областях и Нижне-Волжском крае // Архивное дело. 1928. Вып. III (16). С. 70–75.

81. История Астраханского края 2000 — История Астраханского края: Монография. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1119 с.

82. Каппес 1925 — Каппес С. Восемь лет хозяйственного и культурного строительства Немреспублики // Нижнее Поволжье. 1925. № 10 (17). С. 33–47.

83. Козлитин 1957 — Козлитин И.П. Архивы учреждений, организаций и предприятий СССР. М.: [б.и.], 1957. 90 с.

84. Козлитин 1960 — Козлитин И.П. Государственные архивы РСФСР. М.: [б.и.], 1960. 51 с.

85. Козлов 1999 — Козлов В.П. Российское архивное дело. Архивно-источниковедческие исследования. М.: РОССПЭН, 1999. 334 с.

86. Коженбаева 2003 — Коженбаева Л.П. Обзор документов личного фонда профессора Н.Н. Пальмова // Пальмовские чтения: Материалы

региональной науч.-практ. конференции: к 130-лет. со дня рожд. проф. Н.Н. Пальмова, организатора архивн. и музейн. дела Респ. Калмыкия. 9–10 июня 2003 г. Элиста, 2003. С. 13–19.

87. Кокорина 2025 — Кокорина Ю.Г. «...Непременно надобно, чтобы калмыки считали Калмыцкий музей своим»: письмо Н.Н. Пальмова 1922 года (по архивным материалам) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 627–643.

88. Кокшаева 1974 — Кокшаева Н.О. Старописьменные калмыцкие источники в «Этюдах» Н.Н. Пальмова // *Вестник КНИИЯЛИ*. Вып. II. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 90–95.

89. Колесникова Логачева, Охонько 2007 — Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская ученая архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2007. 169 с.

90. Корнеев, Копылова 1992 — Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // *Отечественные архивы*. 1992. № 3. С. 13–24.

91. Комаров 1928а — Комаров А. Архивное строительство в Курской губернии // *Архивное дело*. 1928. Вып. 1 (14). С. 85–87.

92. Комаров 1928б — Комаров А. Об организации архивных учреждений в связи с районированием: опыт Центрально-Черноземной области // *Архивное дело*. 1928. Вып. IV (17). С. 88–93.

93. Копылова 1993 — Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920-1930-е годы) // *Отечественные архивы*. 1993. № 5. С. 29–42.

94. Кошелева 2008а — Кошелева Е.Ю. Организация хранения архивных документов в ведомствах Саратовской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // *Отечественные архивы*. 2008. № 2. С. 32–39.

95. Кошелева 2008б — Кошелева Е.Ю. Развитие архивного дела в Саратовской губернии в пореформенный период. 1864–1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 05.25.02. М., 2008. 24 с.

96. Крайская 1962 — Крайская З.В. Организация архивного дела на местах в первые годы Советской власти (по РСФСР) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1962. Т. 15. С. 229–255.
97. Крайская 1980 — Крайская З.В. Организация архивного дела в СССР: Учебник для техникумов. М.: Экономика, 1980. 176 с.
98. Крайская 1986 — Крайская З.В. Организация архивного дела в СССР. М.: Экономика, 1986. 167 с.
99. Курапов 2018 — Курапов А.А. Н.Н. Пальмов о буддийском духовенстве калмыков в XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого университета, 2018. № 2 (38). С. 19–24.
100. Курапов 2022 — Курапов А.А. Новые факты к научным биографиям А.П. Крюкова и П.И. Усачёва // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIV. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2022. С. 581–592.
101. Курникова 1987 — Курникова И.А. Подготовка кадров историков-архивистов в СССР, 1917–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 227 с.
102. Лапин 1930 — Лапин Н. Реорганизация местного архивного аппарата в связи с ликвидацией округов // Архивное дело. 1930. Вып. 3–4 (24–25). С. 95–96.
103. Лапин 1935 — Лапин Н. Районные архивы и их роль в архивном строительстве // Архивное дело. 1935. Вып. 1 (34). С. 22–34.
104. Лаптева 2006 — Лаптева Е.Л. Центральный государственный архив общественных объединений Чувашской Республики: становление и развитие: 1935–2000 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. 2006. 22 с.
105. Лебединский 1925 — Лебединский А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 109–123.
106. Лебединский 1927 — Лебединский А.А. К вопросу о вымирании калмыков // Калмыцкая область. 1927. № 1–2 (7–8). 45 с.
107. Логачева 2010 — Логачева А.В. Фонд Ставропольской ученой архивной комиссии в Государственной архиве Ставропольского края //

Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 67. С. 53–58.

108. Лыскокова 1999 — Лыскокова В.Ц. История организации архивного дела в Республике Бурятия (60-е годы XIX в. – 1991 г.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999. 248 с.

109. Майорова 1997 — Майорова А.С. Из истории Саратовской губернской ученой архивной комиссии // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 12–19.

110. Майорова 2009 — Майорова А.С. Деятельность Саратовской ученой архивной комиссии в 1917–1918 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 2. С. 136–156.

111. Макарихин 1991 — Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991. 118 с.

112. Максаков 1925 — Максаков В.В. Некоторые итоги. (1918–1924 гг.) // Архивное дело. 1925. Вып. 3–4. С. 11–33.

113. Максаков 1926а — Максаков В.В. На очереди // Архивное дело. 1926. Вып. VII. С. 3–9.

114. Максаков 1926б — Максаков В.В. Пять лет архива Октябрьской революции // Архивное дело. 1926. №5–6. С. 3–13.

115. Максаков 1929 — Максаков В.В. 10 лет архивного строительства // Архивное дело. 1929. № 19. С. 5–48.

116. Максаков 1959 — Максаков В.В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М: [б.и.], 1959. 161 с.

117. Максаков 1961 — Максаков В.В. Архивы и архивное дело в годы Великой Отечественной войны // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 3–13.

118. Максаков 1962 — Максаков В.В. Адоратский и его роль в организации архивного дела в СССР (Из истории советского архивного строительства // Труды МГИАИ. XV. М., 1962. С. 15–25.

119. Максаков 1968 — Максаков В.В. Организация архивов КПСС / под ред. Ю. Ф. Кононова. М: [б. и.], 1968. 108 с.
120. Максаков 1969 — Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1969. 430 с.
121. Максимов 2016 — Максимов К.Н. О Федоре Ивановиче Плюнове // Плюнов Ф.И. Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 9–23.
122. Максимов 2002 — Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М: Наука, 2002. 524 с.
123. Максимов 2009 — Максимов К.Н. Коллективизация сельского хозяйства. Социально-экономическое положение в области (1928–1934 гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 2. С. 363–405.
124. Малометова 2008 — Маломётова З.А. «Для удовлетворения любознательных умов к дальнейшему образованию...»: очерки из истории Астраханской областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской. 1838–2008. Астрахань: Чилим, 2008. 350 с.
125. Мальцев 1935 — Мальцев Н. Организационные вопросы перестройки архивного дела // Архивное дело. 1935. Вып.1 (34). С. 5–21.
126. Манджикова 2021а — Манджикова Л. Б. Архивное строительство Калмыкии. 1918–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2021. № 3 (43). С. 45–52.
127. Манджикова 2021б — Манджикова Л.Б. Деятельность архивного бюро Калмыцкой АССР (1922–1934) // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: Сборник статей, посвященный 30-летию образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав российского государства. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2021. С. 117–128.

128. Манджикова 2021в — Манджикова Л.Б. Архивное строительство Калмыцкой АССР (1935–1943 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 1. С. 130–138.

129. Манджикова 2021г — Манджикова Л.Б. О вкладе Н.Н. Пальмова и его соратников в становление архивного дела Калмыкии. 1918–1934 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XIII. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2021. С. 220–225.

130. Манджикова 2021д — Манджикова Л.Б. Становление и развитие архивного дела в Республике Калмыкия: 1920 – начало 2000-х гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Элиста, 2021. 277 с.

131. Манджикова 2022 — Манджикова Л.Б. Становление и развитие архивного дела в Республике Калмыкия (1920 – начало 2000-х гг.). Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2022. 234 с.

132. Марков 1983 — Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983. 112 с.

133. Марков 1988 — Марков А.С. Найдено в Астрахани: о ред. изд. кн., рукописях и арх. документах. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд., 1988. 221 с.

134. Матвенов 2011 — Матвенов Е.Р. Н.Н. Пальмов – организатор краеведческого музея в Калмыцкой степи // Астраханские краеведческие чтения. Вып. III. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 407–411.

135. Маяковский 1926 — Маяковский И.Л. Архив, библиотека и музей // Архивное дело. 1926. Вып. 7. С. 21–36.

136. Маяковский 1927— Маяковский И.Л. Об архивах как одной из областей краеведческой работы // Краеведение. 1927. №1. С. 55–56.

137. Маяковский 1941 — Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. Ч. 1. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М.: Историко-архивный ин-т, 1941. 344 с.

138. Медведева, Сенина 2012 — Медведева О.В., Сенина Е.С. Формирование архивного законодательства в России // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №9 (43). С. 190–195.

139. Миндеева 2003 — Миндеева Л. Летописец калмыцкой истории // Пальмовские чтения: Материалы региональной науч.-практ. конференции: к 130-лет. со дня рожд. проф. Н.Н. Пальмова, организатора архивн. и музейн. дела Респ. Калмыкия. (Элиста, 9-10 июня 2003 г.). Элиста: Джангар, 2003. С. 82–84.

140. Минюк 1997 — Минюк А.И. Из истории становления и развития системы управления архивным делом в СССР // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1997. С. 136–140.

141. Митрофанов 2015 — Митрофанова И. В. Деятельность испартов и партийных архивов в Среднем Поволжье: 1920–1930-е гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Ижевск, 2015. 25 с.

142. Михайлов 1929 — Михайлов А. Архивное дело в Средне-Волжской области (из практики районирования) // Архивное дело. 1929. Вып. 1 (18). С. 120–124.

143. Наберухин 1974 — Наберухин А.И. Н.Н. Пальмов об эволюции политического строя Калмыцкого ханства // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 11. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 23–28.

144. Назарова 2017 — Назарова О.В. Государственные и общественные тенденции в деятельности царицынских просветителей и любителей истории края в 1914–1917 гг. // Universum: общественные науки: электрон. науч. журн. 2017. № 4 (34). URL: <https://universum.com/ru/social/archive/item/4671> (дата обращения: 17.03.2026).

145. Николаев 1919 — Николаев А.С. Главное управление архивным делом // Исторический архив. 1919. Вып. 1–2. С. 1–64.

146. Орлов 2022 — Орлов Е.Д. «Замысел бежать. О бегстве калмыков в Китай»: рукопись Н.Н. Пальмова из фонда Р-145 Национального архива

Республики Калмыкия по истории откочевки большей части калмыцкого народа в 1771 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 10–35.

147. Очерки...1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / ред. кол. Д.А. Чугаев и др. М.: Наука, 1970. 432 с.

148. Очирова 2009 — Очирова Н.Г. К истории изучения Калмыкии российскими исследователями в конце XVIII – начале XX века // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 441–447.

149. Павлова 2023 — Павлова Т.Ф. Российские архивы на пути к спецхрану (1918–1938 гг.) // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 3–17.

150. Пальмов 1922 – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань, 1922. 159 с.

151. Пальмов 1926–1932 — Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1–5. Астрахань: Калмиздат, 1926–1932.

152. Пека 1991 — Пека О.В. Архивы и архивные документы в политической жизни советского общества в 1920–1939-е годы: автореф. дис. ... канд. истор. наук. 1991. 18 с.

153. Пека 1992— Пека О.В. Политизация архивной системы в 20-е гг. Кадровый аспект // Зеркало истории: Двадцать лет кружку истории древности и средневековья: Сб. ст. М., 1992. С. 123–131.

154. Пека 1994 — Пека О.В. Кадровая политика органов управления архивным делом и место архивов в политической системе советского общества // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 191–199.

155. Петровская 1958 — Петровская М.Ф. К вопросу о реорганизации местных архивных учреждений в период проведения административно-территориального переустройства территории РСФСР в 1923–1930 гг. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. XI. М., 1958. С. 52–68.

156. Писарькова 1990 — Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М.: Наука, 1990. С. 187–198.
157. Попова 2021 — Попова Ю.В. О вкладе Н.Н. Пальмова в историографию Поволжья // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы XVII Всероссийской научной конференции. Астрахань: АГУ, 2021. С. 29–32.
158. Пресняков 1918 — Пресняков А.Е. Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 205–222.
159. Покровский 1925а — Покровский М.Н. Архивное дело в Рабоче-крестьянском государстве // Архивное дело. 1925. Вып. 3–4. С. 3–10.
160. Покровский 1925б — Покровский М.Н. Политическое значение архивов // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 7–10.
161. Попкова 1994 — Попкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения: докл. и сообщ. IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 105–107.
162. Просянова 2006 — От истории к современности (архивное дело в Астраханской области) // Губернский архив: Информ. бюл. архивной службы Астраханской обл. Вып. 6. Астрахань, 2006. С. 35–48.
163. Пшеничный 1985 — Пшеничный А.П. Центральное архивное управление СССР и РСФСР: (1929–1938 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1985. 27 с.
164. Пшеничный 1987 — Пшеничный А.П. О подготовке декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Советские архивы. 1987. № 6. С. 16–23.
165. Пшеничный 1988а — Пшеничный А.П. Из истории становления управления архивным делом в СССР. 1918–1941 гг. // Советские архивы. 1988. № 3. С. 18–27.
166. Пшеничный 1988б — Пшеничный А.П. Репрессии архивистов в 1930-х годах // Советские архивы. 1988. № 6. С. 44–48.

167. Пшеничный 1991 — Пшеничный А.П. Система государственного управления и архивные учреждения // Советские архивы. 1991. № 2. С. 35–40.

168. Родионов 2006 — Родионов В.А. Еще раз о создании исторического архива немцев Поволжья // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 137–139.

169. Сергеева 1985 — Сергеева Л.В. Становление и развитие архивных органов РСФСР в 1917–1925 гг. (на примере Центрально-промышленного района): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1985. 224 с.

170. Савин 1991 — Савин В.А. Формирование Государственного архивного фонда СССР в 1920–50-х годах // Советские архивы. 1991. № 1. С. 44–53.

171. Савин, Виноградова 1994 — Савин В.А., Виноградова Я.Ю. Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 18–26.

172. Санджиева 2003 — Санджиева Г.С. Роль Н.Н. Пальмова в организации архивного дела // Пальмовские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. Элиста: Джангар, 2003. С. 261–266.

173. Сафонов 2022 — Сафонов Д.В. Николай Николаевич Пальмов — историк византийского богослужения и основатель современного калмыковедения: к 150-летию со дня рождения // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 4. С. 85–97.

174. Сухова 2015 — Сухова Н.Ю. Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А.А. Дмитриевского и Н.Н. Пальмова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 4 (12). С. 164–241.

175. Сенковский 1926а — Сенковский Е.Ф. Астраханское губархбюро // Архивное дело. 1926. Вып. V–VI. С. 176–180.

176. Сенковский 1926б — Сенковский Е.Ф. Архивное дело на Дальнем Востоке // Архивное дело. 1926. Вып. VIII–IX. С. 104–114.

177. Сидоров 1935 — Сидоров Ф. О состоянии учета фондов в центральных и местных архивах ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР // Архивное дело. 1935. Вып. 2 (35). С. 34–41.

178. Соловьева 2014 — Соловьева Т.А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920-1930-е гг.: на материалах г. Саратова: диссертация ... кандидата исторических наук. Саратов, 2014. 269 с.

179. Солодовникова 2006 — Солодовникова С.Л. История архивного дела в Смоленской области: 1918-2004 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2006. 26 с.

180. Соколов 1911 — Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии, 1886 – 12/XII.1911 г.: исторический очерк. Саратов: Тип. Союза печ. дела, 1911. 262 с.

181. Соколов 1913 — Соколов С. Д. Саратовцы – писатели и ученые: [Герасимов Александр Александрович] // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов: СУАК, 1913. С. 329–330.

182. Солопова 2009 — Солопова Т.А. Деятельность Саратовского губернского архива по созданию ведомственных архивов в учреждениях и организациях губернии в 1922–1926 годах // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие: материалы науч. конф. Саратов. обл. отд-ния РОИА, 28.11.2008 г. и 20.11.2009 г. Саратов, 2009. С. 24–32.

183. Старостин 1998 — Старостин Е.В. К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 31–34.

184. Старостин 2001 — Старостин Е.В. Критики декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Архивный фонд РФ: феномен, мифы и реальность: Тез. докл и сообщений международной научной конференции (Москва, 23–24 мая 2001 г.). М.: РГГУ, 2001. С. 32–35.

185. Столица... 2008 — Столица преславной провинции: история астраханского городского общественного самоуправления: монография /

А.М. Липчанский, Е.Г. Тимофеева, С.В. Лебедев, П.В. Казаков. Астрахань: Астраханский ун-т, 2008. 304 с.

186. Тапкина 1974 — Тапкина А.О. Неопубликованные труды профессора Н.Н. Пальмова // Вестник КНИИЯЛИ. Вып.11. Элиста: 1974. С. 68–69.

187. Тимофеева, Бураковская 2014 — Тимофеева Е.Г., Бураковская М.С. Обеспечение сохранности архивных документов в 1918–1938 гг. (на примере государственных архивов Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура: научный журнал. 2014. № 4. С. 76–77.

188. Тодорашко 2001 — Тодорашко З.Г. Архивы Приднестровья: дис. ... канд. истор. наук. М., 2001. 188 с.

189. Тюрин 2009 — Тюрин А.О. Социальная политика Советской власти в Нижневолжском регионе в 1928-1941 гг.: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 150 с.

190. Хорхордина 1994а — Хорхордина Т.И. Архивы и тоталитаризм // Отеч. история. 1994. № 6. С. 145–159.

191. Хорхордина 1994б — Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. 360 с.

192. Хорхордина 1998 — Хорхордина Т.И. Историческое архивоведение как наука XXI века // Вестник архивиста. 1998. № 5 (47). С. 54–62.

193. Хорхордина 2012 — Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли. М.: РГГУ, 2012. 447 с.

194. Хорхордина 2017 — Хорхордина Т.И. Революция 1917 г. и Российские архивы: как это было // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 38–56.

195. Хорхордина, Волкова 2012 — Хорхордина Т.И., Волкова Т.С. Российские архивы: история и современность. М.: РГГУ, 2012. 413 с.

196. Хорхордина, Копылова 2018а — Хорхордина Т.И. Копылова О.Н. «Рязановский» Главархив: создание и деятельность в 1918–1920 гг. (по

материалам заседаний совещательных органов) // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 7–20.

197. Хорхордина, Копылова 2018б — Хорхордина Т.И. Копылова О.Н. Централархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // Отечественные архивы. 2018. № 2.

198. Хорхордина, Безбородов 2018 — Хорхордина Т.И., Безбородов А.Б. Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 57. С. 59–78.

199. Цогоев 2011 — Цогоев В.Г. Историк-архивист П.Л. Юдин во Владикавказе: неизвестные страницы биографии // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 2. № 4. С. 2–7.

200. Цюрюмов, Курапов 2021 — Цюрюмов А.В., Курапов А.А. Авторские дополнения «Этюд по истории приволжских калмыков» Н.Н. Пальмова 1929–1932 гг. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 797–805.

201. Цюрюмов, Курапов 2022 — Цюрюмов А.В., Курапов А.А. Рукописи Н.Н. Пальмова, выявленные в библиотеке Астраханского музея-заповедника // Пальмовский вестник: сборник научных статей: по материалам Межрегиональной научно-практической конференции «Н.Н. Пальмов. Личность и время», посвящённой 150-летию со дня рождения Н.Н. Пальмова. Элиста: НМ РК, 2022. С. 13–21.

202. Черкасова 2008а — Черкасова М.В. Формирование системы государственных архивов 1918–1938 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. 2008. №5/1. История. С. 74–80.

203. Черкасова 2008б — Черкасова М.В. Становление и развитие государственных архивов в 1918–1938 гг.: на материалах Среднего Поволжья: автореферат дис. ... кандидата исторических наук, Саратов. 2008, 25 с.

204. Чернов 1940 — Чернов А.В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк). М.: Гл. арх. упр. НКВД СССР, 1940. 268 с.
205. Чернов 1954 — Чернов А.В. Архивное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки // Труды МГИАИ. Т. 5. М., 1954. С.41–75.
206. Черноухова 2004 — Черноухова С.С. Государственные и партийные архивы Урала в 1919–1938 гг.: дисс. ... кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2004. 289 с.
207. Чуйков 2010 — Чуйков Ю.С. Красный Иран (Петр Усачев, Рудольф Абих и Велимир Хлебников). Астрахань: Изд-во Нижневолжского экоцентра, 2010. 75 с.
208. Чуманова 2004 — Чуманова Н.М. Персидский период Велимира Хлебникова в документах фонда астраханского журналиста и краеведа П.И. Усачева // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 74–77.
209. Чумадеева 2006 – Чумадеева Е.И. Заветное хранилище (ГААО – 85 лет) // Губернский архив: Информационный бюллетень архивной службы Астраханской области. Вып. 6. Астрахань, 2006. С. 49.
210. Шабанова 2005 — Шабанова Т.Е. История и практика фондирования документов Архивного фонда Российской Федерации // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 28–34.
211. Шалданова 2003 — Шалданова Л.Б. Роль профессора Н.Н. Пальмова в становлении и развитии архивной службы, музейного дела и исторической науки Калмыкии // Пальмовские чтения: Материалы региональной науч.-практ. конференции: к 130-лет. со дня рожд. проф. Н.Н. Пальмова, организатора архивн. и музейн. дела Респ. Калмыкия (Элиста, 9-10 июня 2003 г.). Элиста: Джангар, 2003. С. 8–12.
212. Шантаев 2023 — Шантаев Б.А. Личный фонд Н.Н. Пальмова: общая характеристика и его анализ // Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте. Материалы VI Международной научной конференции. Элиста: КалмГУ, 2023. С. 432–435.

213. Шиханов 2020 — Шиханов Н.А. Роль Н.Н. Пальмова в возникновении архивной службы в Калмыкии // Наукосфера. 2020. № 10–2. С. 1–4.

214. Эрдниева 1989 — Эрдниева К. Летописец калмыцкой истории // Теегин герл. 1989. № 2. С. 94–95.

Газетные статьи

1. Мыльников 2000 — Мыльников В.А. Сохранить для потомков // Волга. 2000. 20 декабря. С. 3.

2. Просянова 1990 — Просянова Т. Н. Что таят хранилища: [Рассказ о государственном архиве Астраханской области] // Волга. 1990. 17 ноября. С. 12.

3. Просянова 2000 — Просянова Т.Н. Архивы – это и есть сама жизнь: из истории архивного дела в Астраханской области // Волга. 2000. № 79. 2 июня. С. 3.

4. Попов 2000 — Попов В. Длина столбца более шести метров: [рукописные собрания памятников древней письменности в Астраханском областном архиве] // Волга. 2000. 2 июня. С. 12.

5. Самохвалова 2008 — Самохвалова Н. Молодость и зрелость Госархива // Саратовские вести. 2008. 24 июля. С. 2.

6. Усачев 1936а — Усачев П. И. Семья Ульяновых в Астрахани // Сталинградская правда. 1936. 22 апр. (№ 93). С. 2.

7. Усачев 1936б — Усачев П. И. Семья Ульяновых в Астрахани // Коммунист. 1936. 22 апр. (№ 93). С. 2.

Интернет-ресурсы

1. Вновь открыт... 2013 — Вновь открыт архив немцев Поволжья в Энгельсе [Электронный ресурс] // <http://www.rd-zeitung.eu/> [сайт]. Энгельс, 2013. URL: <http://www.rd-zeitung.eu/geschichte/archiv.htm> (дата обращения 16.01.2014.).

2. Выставка 2003 — Выставка к 90-летию Государственного архива Саратовской области [Электронный ресурс] // <http://saratov.rusarchives.ru/> [сайт]. Саратов, 2003. URL: http://saratov.rusarchives.ru/exhgaso/90_years/index.html (дата обращения 31.01.2014.)
3. Гражданская война 2014 — Гражданская война в Саратове / История Саратова / Саратов в XX веке [Электронный ресурс] // <http://sadservie.ru/> [сайт]. Саратов. URL: <http://sadservie.ru/history/in20th/474> (Дата обращения 19.05.2014).
4. Изучение 2019 — Изучение религии в России в XVIII – первой половине XX в. [Электронный ресурс] // <https://relstud-hist.spbu.ru> [сайт]. Санкт-Петербург. URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/ursynovic-sergej-leontevic/?ysclid=mpkrqvoo3v896315669> (Дата обращения 25.05.2026).
5. История 2014 — История архива ГКУВО «ЦДНИВО»/ ГКУВО «ЦДНИВО» [Электронный ресурс] // www.volgaarh.ru [сайт]. Волгоград. URL: http://www.volgaarh.ru/page/rnd_bc3a8 (дата обращения 27.08.2014).
6. Из истории 2014 — Из истории Государственного архива новейшей истории Саратовской области [Электронный ресурс] // saratov.rusarchives.ru [сайт]. Саратов. URL: http://saratov.rusarchives.ru/cdniso_hist.html (дата обращения 27.08.2014).
7. Календарь 2014 — Календарь знаменательных дат [Электронный ресурс] // www.sounb.ru/about/ [сайт]. Саратов. URL: http://www.sounb.ru/calendar/calendar.php?ELEMENT_ID=563 (дата обращения 24.10.2014).
8. Коканова, Шалацкая 2014 — Коканова Р.А., Шалацкая Е.П. О Государственном архиве современной документации Астраханской области [Электронный ресурс] // Делопроизводство. 2014. №2. // www.top-personal.ru. [сайт]. URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?328> (дата обращения 05.12.2014).

9. Краткая история... 2014 — Краткая история архива [Электронный ресурс] // <http://volga.rusarchives.ru/> [сайт]. Волгоград. URL: <http://volga.rusarchives.ru/history.shtml> (дата обращения 16.01.2014.).

10. Макарихин 2004 — Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России [Электронный ресурс] // www.opentextnn.ru [сайт]. 2004. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/institut/?id=947> (Дата обращения 19.05.2014).

11. Начало пути 1917–1931 — Начало пути (1917–1931 гг.) [Электронный ресурс] // <http://istfak-90.narod.ru/Index.html> [сайт]. Саратов. URL: <http://istfak-90.narod.ru/history/step2.pdf> (дата обращения 12.04.2026).

12. Саратовский... 2015 — Саратовский государственный медицинский университет. Кафедра акушерства и гинекологии лечебного факультета [Электронный ресурс] // <http://www.sgm.ru> [сайт]. Саратов. URL: <http://www.sgm.ru/info/str/depts/obgyn/> (дата обращения 31.03.2015).

13. Справочник 2010 — Справочник по истории административно-территориального деления Саратовской губернии. 1917–1928 гг. [Электронный ресурс] // <http://saratov.rusarchives.ru/> [сайт]. URL: http://saratov.rusarchives.ru/bd/Czariczyn_atd/index.html. Саратов. 2010 г. (Дата обращения 27.05.2014.)

ГОСТЫ

1. ГОСТ 1998 — ГОСТ 51141-98 Делопроизводство и архивное дело: термины и определения. Введ. 27-02-1998. М., 1998. IV, 8 с.

Список сокращений и условных обозначений

АМЗ – Астраханский музей-заповедник

АО – Автономная область

АО НП – Автономная область Немцев Поволжья

АОР – Архив Октябрьской революции

Архбюро – архивное бюро

АССР – Автономная Социалистическая Советская Республика

АССР НП – Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья

ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи

ВНИИДАД – Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела

Волисполком (ВИК) – Волостной исполнительный комитет

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства СССР

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

г. – год

г. – город

гг. – годы

ГА АО – Государственный архив Астраханской области

ГА ВО – Государственный архив Волгоградской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГА СО – Государственный архив Саратовской области

ГИК – Городской исполнительный комитет

Главархив СССР – Главное архивное управление при Совете Министров СССР

Горком – Городского комитет КПСС

Госторг РСФСР – Государственная экспортно-импортная контора

ГУАД – Главное управление архивным делом

Губархив – Губерское архивное управление

Губархивбюро – Губернские архивные бюро
Губисполком – Губернский исполнительный комитет
Губплан – Губернская плановая комиссия
Д. – дело
ЕГАФ – Единый государственный архивный фонд
Ед. хр. – единица хранения
Истарх – Исторический архив
Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
Кантисполком – исполнительный комитет кантонного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
КАО – Калмыцкая автономная область
КАССР – Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика
КАУ – Краевое архивное управление
КПСС – Коммунистическая партия Советского союза
МТС – Машинно-тракторная станция
НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия
Наркомат Просвещения – Народный комиссариат просвещения РСФСР
Наркомфин – Народный комиссариат финансов
НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление при СНК
Окразхбюро – Окружное архивное бюро
Оп. – опись
партархив – партийный архив
райисполком – Районный исполнительный комитет Советов народных депутатов
райком – Районный комитет
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
СНК – Совет Народных Комиссаров
СОАУ – Сталинградское областное архивное управление

Союз РАД – Союз российских архивных деятелей

Союзутиль – Всесоюзное объединение по заготовке и переработке утильсырья и промышленных отходов Наркомлегпрома СССР

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СТО – Совет труда и обороны

СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия

Улуском, УИК – Улусный исполнительный комитет

ЦАУ – Центральное архивное управление

ЦАУ НП – Центральное архивное управление Немцев Поволжья

Центрархив – Центральный архив РСФСР

ЦДНИ ВО – Центр документации Новейшей истории Волгоградской области

ЦКУА – Центральный комитет по управлению архивами

ЧОН – Части особого назначения